Касслер Клайв

Айсберг

(Дирк Питт-2)

ПРОЛОГ

«Вызванный наркотиком сон перешел в ощущение полного отсутствия. Девушка начала отчаянно сопротивляться этому, стараясь прийти в сознание. Ее медленно открывшиеся глаза увидели туманный, как бы сквозь дымку проникавший свет, а ноздри заполнились отвратительным гнилостным запахом. Тело ее было обнажено, голая спина плотно прижата к желтой, влажной, покрытой чем-то липким стене. Все вокруг выглядело каким-то нереальным. Совершенно невероятным. Она пыталась внушить это себе и проснуться. Видимо, это какой-то жуткий ночной кошмар. Однако прежде чем она смогла справиться с чувством шевелившегося внутри панического страха, желтая слизь начала обволакивать ее беззащитное тело. Охваченная ужасом, она закричала — закричала как безумная, — эта мерзость начала медленно покрывать всю ее голую, покрытую испариной кожу. Ее глаза были готовы выскочить из орбит, она отчаянно сопротивлялась, но все было бесполезно — кисти ее рук и колени были крепко прикованы к покрытой какой-то грязью поверхности стены. Медленно, очень медленно жуткая слизь обволакивала ее грудь. Когда же невыразимый ужас застыл на ее губах, где-то в глубине утонувшей в полумраке комнаты раздался дребезжащий, скрипучий голос кого-то невидимого...»

— Извини, что отрываю, лейтенант, но долг обязывает.

Лейтенант Сэм Нэт захлопнул книгу.

— Будь я проклят, Рэпп, — это относилось к сидевшему рядом с ним в кабине мрачному человеку, — ты влезаешь каждый раз, когда я дохожу до самого интересного места,

Лейтенант Джеймс Рэпп кивнул в сторону книги, на обложке которой была изображена девушка, сражавшаяся с желтой слизью и побеждавшая, судя по виду ее высоко торчавших грудей.

— Как ты можешь читать эту дрянь?

— Дрянь? — Нэт скривился. — Мало того, что ты постоянно вмешиваешься в мою личную жизнь, ты еще вообразил себя моим личным литературным критиком.

В полном отчаянии он поднял свои большие руки.

— Почему мне всегда назначают вторым пилотом того, кто отказывается воспринимать современный образ жизни и утонченный вкус?

Нэт подошел к грубо сколоченной полке, находившейся сбоку от вешалки, и положил книгу. Несколько потрепанных журналов с обнаженными женскими телами в различных соблазнительных позах лежали на той же полке, свидетельствуя, что литературные вкусы Нэта были далеки от классических.

Нэт вздохнул, выпрямился в своем кресле и посмотрел сквозь ветровое стекло на море, расстилавшееся внизу.

Патрульный самолет службы береговой охраны Соединенных Штатов уже четыре часа двадцать минут находился в воздухе, совершая нудный ежедневный восьмичасовой полет с целью обнаружения и нанесения на карту айсбергов. Видимость в безоблачном небе была прекрасная, ветер едва касался поверхности моря — уникальные условия для Северной Атлантики в середине марта. Нэт и четыре члена экипажа пилотировали огромный четырехмоторный «Боинг», остальные шесть членов экипажа находились в грузовом отсеке, наблюдая за радарами и научными приборами. Нэт проверил часы, развернул самолет и направил его прямо по курсу, на Ньюфаундленд.

— Слишком много приходится делать по долгу службы. — Нэт расслабился и потянулся за книгой. — Слушай Рэпп, прояви немного инициативы. И не мешай мне читать, пока мы не прибудем в Сент-Джон.

— Попробую, — хмуро ответил Рэпп. — Если эта книжка такая интересная, может, ты одолжишь ее мне, когда закончишь?

Нэт зевнул.

— Извини. Я взял себе за правило никому не одалживать книги из моей личной библиотеки.

Внезапно в его наушниках раздался сигнал. Он взял микрофон.

— Слушаю, Хадли, что там у тебя?

Сзади, в слабо освещенном брюхе самолета, матрос первого класса Базз Хадли напряженно всматривался в радарную установку, которая отбрасывала на его лицо какой-то неземной зеленый отсвет.

— Сэр, я уловил что-то, трудно поддающееся определению. В восемнадцати милях отсюда. Курс три-четыре-семь.

Нэт включил микрофон.

— Давай, давай, Хадли. Что ты имеешь в виду под словами «трудно поддающееся определению»? Ты уловил айсберг? Или ты настроил свою установку на старый фильм «Дракула»?

— Может быть, он уловил твой роман о сексуальном терроре? — проворчал Рэпп.

Хадли заговорил снова:

— Судя по конфигурации и размерам — это айсберг. Но полученные мною сигналы гораздо сильнее, чем от простого льда.

— Ну хорошо, — вздохнул Нэт. — Давай посмотрим.

Он обернулся к Рэппу.

— Будь послушным мальчиком и выведи нас на курс три-четыре-семь.

Рэпп кивнул и, повернувшись к панели управления, стал уточнять изменение курса. Под усилившийся гул четырех моторов самолет плавно взял новый курс.

Нэт направил бинокль в сторону бесконечно синеющего водного пространства. Он отрегулировал фокус, стараясь, насколько позволяла вибрация самолета, крепче держать бинокль в руках. Вдруг что-то промелькнуло — белая точка на сверкающей сапфировой глади океана. По мере того как самолет приближался к объекту, айсберг стал медленно увеличиваться в окулярах бинокля. Нэт схватил микрофон.

— Что там у тебя, Слоун?

В экипаже патрульного самолета лейтенант Джонис Слоун возглавлял наблюдение за ледовой обстановкой. Через полуоткрытую дверь, разделявшую грузовой отсек и контрольную кабину, он уже наблюдал за айсбергом.

— Оторвавшийся кусок, великолепный экземпляр, — прозвучал в наушниках роботоподобный голос Слоуна. — Айсберг сложной структуры с плоской вершиной. Я полагаю — около двухсот футов высоты, весит, видимо, около миллиона тонн.

— Оторвавшийся кусок? — в голосе Нэта прозвучало удивление. — Великолепный экземпляр? Благодарю, Слоун, за высоконаучное описание. Сгораю от нетерпения посмотреть на него поближе.

Он повернулся к Рэппу.

— А на какой высоте мы находимся?

Рэпп устремил взгляд вверх.

— Одна тысяча футов. Высота, на которой мы были весь день сегодня, и вчера, и позавчера...

— Просто хотел проверить. Благодарю, — с важным видом перебил его Нэт. — Ты, Рэпп, никогда не узнаешь, как возрастает чувство моей безопасности под твоим чутким контролем.

Он надел старые защитные очки, сел поудобнее в кресле, чтобы противостоять порыву холодного воздуха, который ворвется в кабину, как только он откроет боковое окно.

— Сделай пару пролетов, чтобы рассмотреть его получше.

Через несколько секунд лицо Нэта превратилось в подобие измятой красной подушки. Ледяной воздух обжигал кожу, пока она не окоченела. Стиснув зубы, высунувшись из кабины, он неотрывно смотрел на айсберг.

Огромная масса льда, красиво проплывавшего под иллюминаторами кабины, напоминала корабль с полной оснасткой. Рэпп несколько сбавил скорость и, чуть повернув регулятор, направил самолет в крутой вираж. Он определил угол, глядя не на приборы, а следя через плечо Нэта за сверкающей горой льда. Он сделал три круга, ожидая, когда Нэт подаст ему знак выводить самолет из круга. Наконец Нэт втянул голову внутрь кабины и взял микрофон.

— Хадли, айсберг абсолютно чистый, как зад новорожденного ребенка.

— Там что-то есть внизу, лейтенант, — упорствовал Хадли. — Я получил прекрасное изображение на моем...

— По-моему, я заметил темный объект, командир, — перебил Слоун. — Внизу, вблизи ватерлинии, с западной стороны.

Нэт повернул к Рэппу.

— Снижайся до двухсот футов.

Рэппу потребовалось всего несколько секунд, чтобы выполнить приказ. Еще некоторое время он кружил над айсбергом, стараясь удержать самолет на скорости, едва превышавшей критическую отметку в двадцать миль в час.

— Ближе, — пробурчал Нэт. — Еще сотню футов.

— Почему бы нам просто не сесть на эту проклятую штуковину, — предложил Рэпп. Он был слишком занят, чтобы разглядывать айсберг. На его лице застыло сонное выражение. И только мелкие капельки пота на лбу выдавали то напряжение, с которым он выполнял свою рискованную работу. Синяя поверхность моря была так близко. Ему

казалось, что стоит протянуть руку, и он коснется ее. Бока айсберга теперь возвышались над самолетом. Вершина айсберга полностью исчезла за рамой кабины. Напряжение все возрастало. «Одно неверное движение, — думал Нэт, — какое-нибудь воздушное завихрение, и край левого крыла зацепит за гребень волны, тогда огромный самолет, перевернувшись через крыло, моментально превратится в груду металла».

Теперь у Нэта появилась уверенность в том, что внутри айсберга что-то есть, что-то, находящееся между фантазией и реальностью. Постепенно оно стало материализовываться в нечто, поддающееся определению. Через несколько минут, показавшиеся Рэппу вечностью, Нэт втянул голову в кабину, закрыл боковое окно и взял микрофон.

— Слоун! Ты видел? — Слова звучали сдавленно и приглушенно, как будто Нэт говорил через подушку. Сначала Рэпп подумал, что так вышло, потому что Нэт зевнул, а губы замерзли на холоде, но потом он увидел лицо Нэта, застывшее не от мороза, а от внутреннего ужаса, ужас был и в темных глазах первого пилота.

— Видел. — Голос Слоуна дошел по внутренней связи, подобно механическому эхо. — Но, нет... Это невозможно.

— Да, — сказал Нэт. — Но все-таки там корабль, — призрак корабля, вмерзшего в лед.

Он повернулся к Рэппу, качая головой, как будто сам не мог поверить своим словам.

— Я не могу точно описать детали. Только общие очертания кормы, а может, носа корабля, — совершенно невозможно сказать с уверенностью.

Он снял защитные очки и поднял вверх большой палец — вот это да! Рэпп облегченно вздохнул и перевел самолет на другой курс, выдерживая надежный разрыв между самолетом и холодной Атлантикой.

— Извините, лейтенант, — в наушниках пробился голос Хадли. Он был поглощен изучением маленькой белой точки почти в самом центре радарной установки. — Может, небезынтересно вам будет — общая длина предмета в айсберге около ста двадцати пяти футов.

— Скорее всего это брошенный за непригодностью рыболовный траулер. — Нэт начал усиленно растирать щеки, испытывая боль по мере восстановления циркуляции крови.

— Может быть, связаться со штаб-квартирой округа в Нью-Йорке и вызвать поисковую партию? — спросил Рэпп.

Нэт отрицательно покачал головой.

— Нет необходимости торопиться с поисковым судном. Вполне очевидно, что в живых там никого не осталось. Мы сделаем подробный отчет по возвращении в Ньюфаундленд.

Возникла пауза. Затем раздался голос Слоуна:

— Сделайте еще один облет айсберга, командир. Я сброшу нашу метку на него, чтобы его потом можно было сразу узнать.

— Ты прав, Слоун. Выбрасывай метку по моему сигналу. — Нэт вновь повернулся к Рэппу. — Давай облетим вокруг высокой части айсберга на высоте триста футов.

Четырехмоторный «Боинг» совершал облет величественного айсберга, подобно птице-монстру Мезозойской эры, летающей в поисках своего гнезда. В дверях грузового отсека застыл, подняв руку, Слоун. По команде Нэта он вылил в пространство галлон красной жидкости. Метка становилась все меньше и меньше, превращаясь постепенно на поверхности айсберга в тонкую отметину. Взглянув назад, Слоун увидел обширную панораму моря, в центре которой медленно двигалась миллионотонная масса льда.

— Попал как раз в точку, — воскликнул Нэт. — Поисковая партия без труда определит этот айсберг.

Помрачнев, он стал всматриваться вниз, в то самое место, где был погребен неизвестный корабль.

— Интересно, узнаем ли мы когда-нибудь, что с ним случилось?

Рэпп задумался.

— Вряд ли можно пожелать себе более величественный саркофаг.

— Ну, это временно. Через две недели этот айсберг, дрейфуя, попадет в Гольфстрим, и льда, который от него останется, не хватит для охлаждения и шести банок пива.

В кабине воцарилась тишина, которую еще больше подчеркивал гул четырех моторов самолета. Все молчали, погрузившись в собственные мысли. Они могли только поражаться этому ледяному чуду, возвышавшемуся над морем, и строить предположения по поводу того, что заключено там, в ледяном плену.

Наконец Нэт откинулся в кресле и вновь стал прежним, невозмутимым.

— Я настаиваю на том, Рэпп, чтобы вы доставили нас домой раньше, чем мы умрем от жажды.

Рэпп повернул самолет и взял курс на Ньюфаундленд.

Когда патрульный самолет службы береговой охраны скрылся из виду и гул его моторов стих в холодном соленом воздухе, возвышавшийся башней айсберг продолжил свой дрейф в полнейшем штиле, что случалось уже не раз с тех пор, как, оторвавшись от ледника около года тому назад, он был вынесен в море у западного побережья Гренландии.

Неожиданно произошло слабое, но все-таки ощутимое движение на льду, как раз над ватерлинией айсберга. Две незаметные тени постепенно трансформировались в двух мужчин, которые поднялись на ноги и стали всматриваться в направлении удалявшегося самолета. Невооруженным глазом их нельзя было увидеть даже с расстояния в двадцать шагов: оба были одеты в белые маскировочные костюмы, полностью сливавшиеся с окружающим пространством.

Они долго стояли, напряженно вслушиваясь и выжидая. Когда же они почувствовали уверенность в том, что самолет не вернется, один из них опустился на колени и разбил лед, под которым находился радиопередатчик. Он вытащил десятифутовую телескопическую антенну, установил частоту и начал крутить ручку. Через некоторое время он услышал ответ — кто-то ждал сообщения на этой частоте.

Глава 1

Капитан второго ранга Ли Коски покрепче зажал трубку в зубах, засунул руки в перчатках в карманы подбитой мехом ветрозащитной куртки и поежился от сильного холода. Два месяца назад ему стукнул сорок один год. Восемнадцать лет он отдал Службе береговой охраны Соединенных Штатов. Коски был невысокого роста, и в тяжелой многослойной одежде он выглядел квадратным. Его голубые глаза всегда, независимо от настроения, напряженно смотрели из-под светлых лохматых волос. У него были манеры человека, уверенного в себе. Это обстоятельство часто выручало Коски при исполнении нелегких обязанностей командира новейшего суперкатера береговой охраны «Катаваба». Он стоял на капитанском мостике, широко расставив ноги, не давая себе труда повернуться к стоявшему рядом с ним высокому мужчине.

— Даже с помощью радара черта с два они найдут нас при такой погоде. — Голос командира был резким и пронзительным, как стужа в Атлантике. — Видимость не больше мили.

Лейтенант Эймос Доувер, помощник командира «Катавабы», подбросил окурок сигареты на десять футов вверх, с интересом наблюдая, как ветер подхватил белую трубочку и, протащив через мостик, бросил в бурлящие волны.

— А какая разница, если и найдут, — произнес он посиневшими на холодном ветру губами. Нас так швыряет, что пилоту вертолета, если он, конечно, не абсолютно тупой или смертельно пьяный человек, в голову не придет приблизиться к нам сзади. — Он кивнул на посадочную площадку «Катавабы», совершенно мокрую от рассыпавшихся фонтанов брызг.

— Они даже не успеют послать проклятье тем, кто уготовил им такую смерть, — мрачно бросил Коски.

— Но они не станут утверждать, что их не предупреждали. — Доувер не только был похож на медведя, но и голос его, казалось, исходил откуда-то изнутри. — Я связался с вертолетом сразу после его вылета из Сент-Джона, уведомил об обстановке на море и настойчиво рекомендовал отказаться от рандеву. Все, что я услышал от пилота в ответ, было вежливое «спасибо».

Началась изморось. Ветер силой в двадцать пять узлов хлестал дождем по всему кораблю. Вскоре все, кто нес вахту на палубе, облачились в непромокаемые робы. К счастью для «Катавабы» и ее команды, температура воздуха держалась на отметке 40 градусов по Фаренгейту, что на 8 градусов выше температуры замерзания, той самой точки, когда весь корабль моментально сковало бы ледяным панцирем.

Только Коски и Доувер надели робы, как из громкоговорителя на мостике послышалось сообщение:

— Капитан, мы поймали «птицу» и с помощью радара ведем ее.

Взяв ручной передатчик. Коски подтвердил получение информации. Затем он повернулся к Доуверу.

— Боюсь, что замышляется какая-то темная игра.

— Вы имеете в виду поспешность, с которой потребовали взять на борт пассажиров? — спросил Доувер.

— А вас это не насторожило?

— Даже очень. Мне также показалось странным, что приказ стоять в определенной точке и принять гражданский вертолет пришел непосредственно из штаба командующего, а не от нашего окружного начальства.

— Проклятое невнимание руководства, — процедил Коски. — Не удосужились даже передать, чего эти люди хотят. В одном, правда, можно быть уверенным — у них нет желания совершить развлекательный круиз на Таити.

Коски вдруг умолк и прислушался: до его слуха доносились тяжелые удары лопастей винта вертолета. Еще с полминуты вертолет был невидим из-за тяжелых облаков. Потом они увидели его одновременно. Вертолет летел с запада сквозь дождь и направлялся прямо на корабль. Это был двухместный гражданский вариант «Улиссес 0-55», машины, способной делать до двухсот пятидесяти миль в час.

— Он просто чокнутый, если попытается сесть, — сухо произнес Доувер.

Коски оставил его слова без внимания. Он схватился за передатчик:

— Передайте сигнал пилоту вертолета! Передайте, чтобы не пытался сесть. Волны — не меньше десяти футов! Передайте, я не хочу отвечать за его безумства.

Он подождал несколько секунд, не отрывая взгляда от вертолета.

— Ну?

Громкоговоритель протрещал в ответ:

— Пилот сказал, что он очень признателен вам, командир, за беспокойство. Со всем уважением к вам он просит иметь под рукой несколько человек, чтобы обеспечить правильное направление катера в тот момент, когда вертолет коснется дорожки.

— Ишь какой учтивый, шельмец, — проворчал Доувер. — Но я должен сказать, что это говорит в его пользу.

Выставив подбородок на полдюйма вперед, Коски, как клещами, сжал зубами свою трубку.

— Учтивый! Черт бы его побрал! Да этот учтивый идиот, скорее всего, переломает весь мой корабль! — Он передернул плечами, выражая свое возмущение, и снова схватил передатчик. — Вахтенному офицеру Торпу! Держите людей наготове, чтобы обеспечить безопасность этой «птички», когда она будет садиться. Но ради Бога, держите людей под прикрытием до самого момента посадки, и держите поблизости аварийную команду.

— В данный момент, — спокойно сказал Доувер, — я бы не поменялся местами с этими ребятами наверху даже за всех секс-бомб Голливуда.

— «Катаваба», — прикинул Коски, — не может стать против ветра, потому что колебания верхней части корабля нанесут вертолету удар такой силы, что он просто рассыплется. С другой стороны, если корабль поставить на траверс, будет слишком сильная бортовая качка; и вертолет не сможет сесть точно на дорожку.

Однако здравый смысл и опыт, наряду со знанием особенностей управления «Катавабой», позволили ему принять правильное решение.

— Мы сможем принять вертолет, встав по ветру и поперек волны. Сбавить скорость и поменять курс!

Доувер кивнул и исчез в рубке. Через несколько секунд он вернулся.

— Согласно приказу, корабль поставлен поперек волны и так твердо, как позволяет море.

Обменявшись рукопожатием. Коски и Доувер начали напряженно высматривать пробивавшийся сквозь туман желтый вертолет. Он летел по ветру над оставляемым кораблем следом. Под углом в тридцать градусов он приблизился к корме «Катавабы». И хотя ветер страшно трепал «Улиссес», пилоту каким-то невероятным способом удавалось удерживать его в нужном положении. Примерно в ста ярдах от кормы вертолет начал сбавлять скорость, пока не завис, словно колибри, над то вздымавшейся вверх, то падавшей вниз посадочной площадкой. Некоторое время, показавшееся Коски вечностью, вертолет удерживался на взятой высоте, пока пилот пытался определить высшую точку, на которую поднималась корма корабля, когда он оказывался на гребне волны. Наконец, когда посадочная площадка в очередной раз поднялась до своей высшей точки, пилот вырубил двигатель, и «Улиссес» аккуратно опустился на «Катавабу» всего за миг до того, как ее корма упала вниз перед накатом следующей волны.

Едва шасси коснулись посадочной площадки, как появились пять человек из команды катера и под шквальным ветром начали укреплять вертолет, чтобы его не снесло ветром за борт. Выключенный мотор вскоре затих, лопасти винта остановились, дверь кабины открылась. Защищая лицо от ветра, на палубу спустились два человека.

— Вот черт! — с восхищением пробормотал Доувер. — Он проделал все это так, как будто ему это ничего не стоило.

Коски нахмурился.

— Для них будет лучше, если у них удостоверения служащих самого высокого ранга, а их полномочия исходят от Службы береговой охраны в Вашингтоне.

Доувер улыбнулся.

— Может быть, это конгрессмены с инспекцией?

— Не похоже, — отрывисто бросил Коски.

— Проводить их в вашу каюту?

Коски покачал головой.

— Нет. Передайте им мои поздравления и пригласите их в офицерскую кают-компанию. — Он слегка усмехнулся. — Что касается меня... Единственное, что меня сейчас интересует, — это чашка горячего кофе.

Через пару минут командир корабля Коски сидел за столом в офицерской кают-компании, обхватив руками чашку с горячим черным кофе. Он выпил почти половину чашки, когда дверь отворилась и в кают-компанию вошел Доувер в сопровождении круглолицего человека в очках без оправы, с большой лысиной, окруженной растрепанными седыми волосами. Лицо его выражало добродушие, а в карих глазах затаилась улыбка. Коски принял его за несколько «тронутого» ученого. Незнакомец поймал взгляд командира корабля, подошел к его столу и протянул руку.

— Командир Коски? Ханневелл. Доктор Уилли Ханневелл. Извините за причиненное беспокойство.

Коски встал и пожал Ханневеллу руку.

— Добро пожаловать на корабль, доктор. Пожалуйста, садитесь. Выпейте чашечку кофе.

— Кофе? Я его плохо переношу, — грустно сказал Ханневелл. — Но за каплю горячего какао я бы продал душу.

— Какао у нас есть, — ответил Коски. Он откинулся в кресле и громко произнес: — Брейди!

Из камбуза появился стюард, одетый в белый китель. Он был худой и высокий, судя по походке — техасец.

— Да, капитан. Что прикажете?

— Чашку какао для гостя и две чашки кофе для лейтенанта Доувера и... — Коски остановился и вопросительно посмотрел на Доувера. — Мне кажется, мы где-то потеряли пилота?

— Он будет через минуту. — На лице Доувера отразилась обеспокоенность, как будто он хотел от чего-то предостеречь Коски. — Хочет удостовериться, что вертолет надежно привязан.

Коски снова повернулся к стюарду.

— У тебя там все есть, Брейди? И принеси кофейник. Может быть, мы захотим еще.

Брейди понимающе кивнул и вернулся на камбуз.

— Это же настоящее счастье, — заметил Ханневелл, — оказаться вновь в надежных стенах, а не в вибрирующей кабине, когда между тобою и бушующей стихией практически ничего нет, кроме пластиковой перегородки, — от этого можно и поседеть.

Он провел рукой по волосам вокруг лысины и улыбнулся.

Коски поставил чашку на стол. На его лице не было улыбки.

— Сомневаюсь, доктор Ханневелл, что вы действительно представляли себе, насколько вы были близки к тому, чтобы совсем лишиться волос, как, впрочем, и головы. Полнейшее безрассудство со стороны вашего пилота лететь в такую погоду.

— Могу вас заверить, сэр, что этот полет был совершенно необходим. — Ханневелл произнес эти слова очень доброжелательно, видимо, так он обращался на лекциях к своим ученикам. — Вам, вашему экипажу, вашему судну выпал жребий выполнить жизненно важную задачу, и время сейчас играет главнейшую роль. Мы не можем позволить себе потерять хотя бы минуту.

Он вынул из внутреннего кармана бумаги и передал их через стол Коски.

— Прежде чем я объясню вам причины нашего появления здесь, я прошу вас дать команду немедленно взять курс на этот объект.

Коски взял бумаги, но читать их не стал.

— Извините, доктор Ханневелл, но я вовсе не обязан выполнять ваши указания. Согласно приказу, полученному мною из штаба командующего, я должен взять на борт двух пассажиров. О том, чтобы предоставить вам свободу действий или право определять дальнейший курс моего корабля, приказа не было.

— Вы просто не поняли.

Коски пристально посмотрел на Ханневелла поверх своей чашки кофе.

— Я бы сказал, доктор, что сегодня слишком много непонятного. Каковы ваши полномочия? Зачем вы здесь?

— Спокойнее, командир. Я не вражеский агент, заброшенный извне, чтобы подорвать ваш прекрасный корабль. По профессии я океанограф и работаю в Национальной военно-морской службе глубоководных исследований, иначе ее называют НСГИ.

— Нет возражений, — ровным тоном ответил Коски. — Однако один вопрос по-прежнему остается без ответа.

— Может, я смогу кое-что прояснить? — Новый голос прозвучал спокойно, но твердо, с некоторым оттенком властности.

Коски обернулся и увидел стоявшего в дверях высокого мужчину в синей лётной куртке военно-воздушных сил. Он был хорошо сложен, хотя и немного тяжеловат, лицо покрывал темный загар. Пронизывающий взгляд зеленых глаз не оставлял сомнений в том, что он не из тех, кого можно подчинить. Он смотрел на Коски с едва заметной снисходительной усмешкой.

— А-а. Вот и вы, — громко сказал Ханневелл. — Командир Коски, разрешите представить вам майора Дирка Питта, директора специальных программ НСГИ.

— Питт, — без эмоций откликнулся Коски и взглянул на Доувера.

Доувер в замешательстве пожал плечами.

— Вы случайно не тот Питт, который в прошлом году разрушил контрабандные планы глубоководных исследований в Греции?

— Ну, там было еще по меньшей мере человек десять, кто заслужил львиную долю похвал, — сказал Питт.

— Офицер военно-воздушного флота, участвующий в океанографических проектах, — вставил Доувер, — это несколько выходит за рамки вашей профессии. Не так ли, майор?

Легкие морщинки вокруг глаз Питта собрались в улыбку.

— Не больше, чем у тех офицеров военно-морского флота, что полетели на Луну.

— У вас веские аргументы, — заключил Коски.

Появился Брейди, поставил на стол кофе и какао и поднос с сэндвичами.

Коски почувствовал неуверенность. Ученый известной правительственной службы — ничего хорошего в этом нет. Офицер, служащий не по специальности, имеющий репутацию человека, бросающегося во всякие рискованные предприятия, — еще хуже. Но совсем никуда не годится то, что они собрались вместе и указывают ему, что делать и куда направляться.

— Как я вам уже сказал, командир, — бесстрастно произнес Ханневелл, — мы должны попасть в точку, которую я указал, как можно скорее.

— Нет, — сказал Коски. — Сожалею, если мое поведение кажется вам чистым упрямством, но, согласитесь, отказывая вам в ваших

требованиях, я остаюсь в рамках своих полномочий. Как командир корабля, я подчиняюсь только приказам, исходящим либо из штаба окружной службы береговой охраны в Нью-Йорке, либо из штаба командующего в Вашингтоне.

Он сделал паузу, чтобы налить себе еще кофе.

— Я получил приказ взять на борт двух пассажиров — и ничего больше. Я подчинился. Теперь я возвращаюсь на свой первоначальный патрульный маршрут.

Питт оценивающе посмотрел на Коски, как бы проверяя его на прочность. Неожиданно он поднялся, тихо подошел к двери, ведущей в камбуз, и заглянул внутрь. Брейди высыпал из мешка в огромный котел картошку. Также осторожно Питт обследовал коридор, ведущий в кают-компанию. Он заметил, что трюк его сработал, — Коски и Доувер обменялись непонимающими взглядами. Наконец, как бы удовлетворенный тем, что их никто не подслушивает, Питт вернулся к столу и сел. Наклонившись к двум офицерам службы береговой охраны, он снизил голос до шепота:

— Хорошо, джентльмены, дело вот в чем. Пункт, указанный вам доктором Ханневеллом, это примерное место расположения чрезвычайно важного айсберга.

Коски слегка покраснел, но ему удалось сохранить спокойное выражение лица.

— Можно вас спросить, а что именно называете вы «чрезвычайно важным айсбергом»?

Питт выдержал эффектную паузу.

— Это айсберг, внутри которого замурованы останки корабля. Если быть точным — это русский траулер, напичканный новейшей и самой сложной электронной техникой, какую когда-либо разрабатывали русские. Я уже не говорю о кодах и программе слежения за всем западным полушарием.

Коски даже не моргнул глазом. Не отрывая взгляда от Питта, он достал кисет и стал спокойно набивать трубку.

— Шесть месяцев тому назад, — продолжал Питт, — русский траулер под названием «Новгород», находясь в нескольких милях от берегов Гренландии, вел наблюдение за ракетной базой Военно-воздушных сил США, расположенной на острове Диско. Аэрофотосъемка показала, что на «Новгороде» были собраны все известные виды улавливающих электронных антенн и кое-что еще. Русские вели себя очень осторожно: ни траулер, ни экипаж, состоящий из тридцати пяти

высококвалифицированных специалистов, в числе которых были женщины, ни разу не нарушили границы территориальных вод Гренландии. Траулер стал обычным объектом для наших летчиков, которые использовали его в качестве контрольного пункта в плохую погоду. Большинство русских кораблей-шпионов заменяли через каждые тринадцать дней, однако этот находился на занятых им позициях около трех месяцев. В Департаменте морской разведки уже начали испытывать беспокойство в связи с его столь длительной задержкой. И вдруг в одно штормовое утро «Новгород» исчез. Это случилось почти за три недели до появления его сменщика. Этот разрыв во времени удивил — раньше русские никогда не заменяли корабль-шпион до прибытия на его место другого.

Питт сделал паузу, чтобы погасить сигарету.

— Для «Новгорода» были только два пути возвращения в Россию. Один — через Балтийское море, другой — через Баренцево море. Но и англичане, и норвежцы заверили нас, что «Новгород» не проходил ни тем, ни другим путем. Короче, где-то между Гренландией и побережьем Европы «Новгород» исчез, вместе с аппаратурой, которой был напичкан.

Коски поставил чашку на стол и сосредоточенно рассматривал ее дно.

— Мне кажется довольно странным, что служба безопасности береговой охраны не была об этом уведомлена. Я совершенно точно знаю, что мы не получали никакого сообщения об исчезнувшем русском траулере.

— Это показалось несколько странным и в Вашингтоне. Почему русским нужно держать в секрете исчезновение «Новгорода»? Напрашивается единственный логический ответ — они не хотят, чтобы западные страны обнаружили след их самого совершенного корабля-шпиона.

Губы Коски скривились в саркастической усмешке.

— Вы хотите, чтобы я купился на советский корабль-шпион, замурованный в айсберге? Послушайте, майор, я давно не читаю волшебных сказок.

Питт заметил усмешку Коски.

— Пусть все останется так, как есть. Один из ваших патрульных самолетов обнаружил в айсберге на 47° 36’ северной широты и 43° 17’ западной долготы внешние очертания корабля, похожего на траулер.

— Действительно, — холодно произнес Коски, — К этому месту ближе всего находится «Катаваба». Но почему приказ осмотреть это место не пришел прямо от окружного начальства, из Нью-Йорка?

— Из соображений безопасности, командир, предпочли принцип «плаща и кинжала», — ответил Питт. — Меньше всего ребята из Вашингтона хотели бы оглашения этого по радио. К счастью, летчик военно-воздушных сил, заметивший айсберг, сделал подробный отчет о находке после своего возвращения. Задача же состоит в том, чтобы попасть на траулер раньше, чем у русских появится шанс забрать его. Я думаю, командир, вы понимаете, насколько ценными для нашего правительства являются сведения о советских кораблях-шпионах.

— Разумнее было бы разместить в айсберге исследователей, высококлассных специалистов в области электроники, чтобы они все это объяснили. — Чуть заметное изменение тона Коски едва ли можно было принять за смягчение его позиции, но кое-что уже переменилось. — Если вы позволите мне высказать свое мнение... пилот и океанограф... вряд ли в этом есть смысл.

Питт пронизывающим взглядом посмотрел на Коски, потом на Доувера и вновь на Коски.

— Может, мы и не специалисты в области электроники, — спокойно произнес он, — но русские далеко не примитивны, когда речь идет о шпионских операциях. Военный самолет, разрезающий пространство над морем, где проходит очень мало кораблей, насторожит их. В то же время, вертолет НСГИ всем известен. Все знают, что мы занимаемся научными изысканиями в самых отдаленных уголках океана.

— А какая у вас квалификация?

— У меня большой опыт в пилотировании вертолетов в условиях Арктики, — ответил Питт, — а доктор Ханневелл — ученый с мировым именем, он занимается исследованием ледовой обстановки.

— Ясно, — медленно произнес Коски. — Доктор Ханневелл изучит айсберг, прежде чем ребята из разведки разнесут его на части.

— Вы поняли совершенно правильно, — со знанием дела заметил Ханневелл. — Если во льду скрывается именно «Новгород», моя задача будет заключаться в том, чтобы определить наиболее подходящий способ проникновения к корпусу корабля. Я уверен, вы понимаете, что айсберг — слишком мудреная штука, чтобы с ним играть. Это похоже на обработку алмаза: просчет мастера — и алмаз теряет цену. Слишком много термита или не в том месте — и лед рассыплется и все уничтожит. Или неожиданное интенсивное таяние льда. Оно может изменить центр гравитации и заставит айсберг перевернуться вверх дном. Так что, как

видите, совершенно необходимо изучить эту массу льда, прежде чем приблизиться к «Новгороду» со всеми возможными предосторожностями.

Коски откинулся в кресле и заметно расслабился. Он посмотрел на Питта. И тут на его лице появилась улыбка.

— Лейтенант Доувер!

— Да, сэр.

— Вы очень обяжете этих джентльменов, если ляжете на курс 47° 36' северной широты и 43° 17' западной долготы. И полный вперед! Сообщите окружному командованию в Нью-Йорк о нашем намерении покинуть место стоянки.

Он внимательно наблюдал за лицом Питта, но у того не дрогнул ни один мускул.

— Никаких возражений, — произнес Питт уверенно. — Я полагаю, что вы должны сообщить об этом вашему окружному начальству.

— У меня нет никаких подозрений или чего-то еще в этом роде, майор, — заметил Коски. — Просто у меня нет обыкновения кружить по всей Северной Атлантике, не уведомив службу береговой охраны, где находится принадлежащая им собственность.

— Правильно. Но я был бы благодарен вам, если бы вы не упоминали о цели изменения вашего маршрута. — Питт отбросил сигарету в сторону. — И еще. Уведомите, пожалуйста, руководство НСГИ в Вашингтоне, что доктор Ханневелл и я благополучно сели на борт «Катавабы» и что, как только погода позволит, мы продолжим наш полет в Рейкьявик.

Коски удивленно поднял брови.

— Рейкьявик? Исландия?

— Да. Это конечный пункт нашего назначения, — пояснил Питт.

Коски хотел что-то сказать, но передумал и только пожал плечами.

— Я покажу вам ваши каюты, джентльмены.

Он повернулся к Доуверу.

— Доктора Ханневелла можно разместить в каюте военного инженера, а майора Питта — в вашей, лейтенант.

Питт усмехнулся, глядя на Доувера, затем вновь повернулся к Коски.

— Чтобы лучше было присматривать за мной, командир?

— Это сказали вы, а не я, — ответил Коски.

Спустя четыре часа Питт уже дремал в койке, втиснутой в металлическое чрево, которое Доувер называл своей каютой. Он устал, тело его разламывалось, но в голове мелькало столько всяких мыслей, что он не мог погрузиться в счастливый глубокий сон.

Всего неделю назад, в это же самое время, он сидел на террасе гостиницы в Ньюпорте рядом с роскошной сексуальной рыжеволосой девицей и разглядывал панораму моря, раскинувшегося перед ньюпортским пляжем в Калифорнии. Он вспомнил, как ласково он обнимал подругу одной рукой, держа в другой стакан с шотландским виски, и неотрывно смотрел на залитую лунным светом водную гладь, по которой скользили призрачные и прекрасные яхты. Сейчас он был один и мучился на этой койке в каюте катера береговой охраны, находящегося где-то в морозильнике Северной Атлантики. «Надо быть законченным мазохистом, — подумал он, — чтобы опять добровольно взяться за исполнение еще одного безумного проекта адмирала Сандекера». Сам адмирал — генеральный директор Национальной службы глубоководных исследований — скорее взялся бы за решение какой-нибудь сложной задачи, чем принял участие в этой авантюре.

— Мне чертовски жаль, что пришлось вытащить тебя из солнечной Калифорнии, но эта трудноразрешимая головоломка свалилась на нас внезапно. — Сандекер, маленький рыжеволосый, похожий на грифона, размахивал, как жезлом, семидюймовой сигарой. — Предполагается, что мы должны заниматься глубоководными исследованиями. Почему мы? Почему не флот? Я считаю, что служба береговой охраны сама могла бы решить свои проблемы. — Попыхивая сигарой, он с раздражением покачал головой. — Тем не менее эта задача поставлена перед нами.

Питт закончил чтение и положил желтую папку с грифом «секретно» на стол адмирала.

— Я не считаю возможным... чтобы корабль вмерз в середину айсберга.

— Это совершенно невозможно. Однако доктор Ханневелл заверил меня, что такое может случиться.

— Да и найти этот айсберг будет нелегко — прошло уже четыре дня с того момента, как береговая охрана заметила его. Этот не в меру разросшийся ледяной дом мог уже отдрейфовать в сторону Азорских островов.

— Доктор Ханневелл рассчитал скорость течения и скорость дрейфа айсберга в пределах тридцати квадратных миль. При хорошем зрении трудностей с опознанием айсберга не будет, поскольку ребята из береговой охраны вылили на него краску.

— Одно дело — найти айсберг, — с сомнением произнес Питт, — и совсем другое — посадить на него самолет. Не будет ли более удобным и менее опасным добраться до него на…

— Нет, — перебил Сандекер. — Никаких кораблей. Если то, что находится внутри льда, так важно, как я предполагаю, я не желал бы подпускать к нему кого-либо ближе чем на пятьдесят миль, кроме тебя и доктора Ханневелла.

— Может, это и удивит вас, адмирал, но мне ни разу не приходилось сажать вертолет на айсберг.

— Скорее всего, никто не делал этого. Поэтому я вызвал тебя как директора специальных программ. — Сандекер улыбнулся. — Ты обладаешь, скажем так, досадным свойством доводить дело до успешного конца.

— И на этот раз, — с озорным лукавством спросил Питт, — мне предоставлена возможность добровольного выбора?

— Конечно.

Питт беспомощно развел руками.

— Не знаю, почему я всегда так легко уступаю вам, адмирал. Я начинаю думать, что вы раскусили меня, как последнего пижона.

Широкая улыбка осветила лицо Сандекера.

— Это сказал ты, а не я.

Щелкнул затвор, и дверь каюты распахнулась. Питт лениво открыл глаза и увидел входившего доктора Ханневелла. Тяжеловатый Ханневелл делал невероятные усилия, стараясь протиснуться между койкой Питта и шкафом для одежды Доувера, пока, наконец, не добрался до небольшого стула и письменного стола. Он тяжело вздохнул, его вздох слился со скрипом стула, на который он опустился.

— Боже! Как такой громила, как Доувер, втискивается сюда?

— А вы сильно задержались, — зевнул Питт. — Я ожидал вас несколькими часами раньше.

— Не мог же я прийти к вам, как на явочную квартиру, прячась за каждым углом или пытаясь пролезть через вентиляционную трубу. Мне нужно было найти какой-нибудь предлог, чтобы встретиться с вами.

— Предлог?

— Да. Вам привет от командира Коски. Обед подан.

— К чему эти уловки? — ядовито спросил Питт. — Нам нечего скрывать.

— Нечего скрывать! Ничего себе — нечего скрывать! Вы заврались вчера. А теперь спокойно заявляете, что нам нечего скрывать! — Ханневелл покачал головой. — Мы оба будем приговорены к расстрелу, когда береговой охране станет известно, что мы одурачили их, лишив возможности использовать один из своих лучших катеров.

— У вертолетов есть отвратительное свойство — они не летают, когда их баки заправлены воздухом, — с сарказмом бросил Питт. — Нам нужна база для наших операций и место, где мы можем дозаправиться. «Катаваба» — единственное судно в этом секторе, имеющее все необходимое. Кроме того, это ложное сообщение от имени командующего службой береговой охраны послали вы — значит, вы тоже на крючке, как и я.

— Надо же! А эта бесподобная выдумка об исчезнувшем русском траулере. Вы же не будете отрицать, что она принадлежит вам от начала до конца.

Питт заложил руки за голову и стал внимательно изучать потолок.

— А мне показалось, что всем понравилось.

— Лавры целиком ваши. Это была отличная проделка, и я имел несчастье подтвердить ее.

— Что делать?! Временами я сам себе ненавистен.

— Вы хоть отдаете себе отчет, что может произойти, если капитан Коски раскроет наш маленький хитрый план.

Питт приподнялся.

— Мы просто сделали то, что сделали бы двое любых других американских мошенников.

— То есть? — выдохнул Ханневелл.

Питт улыбнулся.

— Мы побеспокоимся об этом, когда придет время.

Глава 2

Из всех океанов только Атлантический океан абсолютно непредсказуем. Тихий, Индийский и даже Северный Ледовитый океан — каждый из них имеет свои особенности, но одно остается общим для всех: всегда можно предсказать их состояние. С Атлантическим все обстоит иначе, особенно севернее 15° северной широты. За какие-нибудь несколько часов сверкающая гладь океана может трансформироваться в бурлящий котел

с двенадцатибалльным штормом. А бывают времена, когда изменчивый характер Атлантики срабатывает с точностью до наоборот. Ночью сильнейший ветер, бурный океан — все указывает на приближающийся шторм. Но наступает утро, и от прошедшей ночи ничего не остается — зеркальная гладь океана под абсолютно безоблачным небом. Именно так и случилось: проснувшись утром, все на «Катавабе» увидели солнце, светившее над спокойной равниной океана.

Питт медленно пробуждался от сна. Глаза его сфокусировались на больших белых брюках Доувера, склонившегося над небольшой раковиной. Он чистил зубы.

— Никогда вы не выглядели столь элегантно, — заметил Питт.

Доувер обернулся, держа во рту зубную щетку.

— А?

— Я сказал, доброе утро.

Доувер кивнул, что-то промычав сквозь зубы, и снова повернулся к раковине.

Питт сел на койке и прислушался. По-прежнему был слышен шум из машинного отделения, но, кроме него, шум исходил еще и от кондиционера, подававшего теплый воздух. Корабль двигался так плавно, что движение казалось совершенно незаметным.

— Я бы не хотел показаться неучтивым, майор, — сказал, улыбаясь, Доувер, — но я бы предложил вам поскорее выбраться из кровати. Часа через полтора мы приблизимся к району ваших поисков.

Питт отбросил одеяло и встал.

— Когда по распорядку подается завтрак?

— Как представителя старшего офицерского состава я готов обслужить вас немедленно, — весело откликнулся Доувер.

Питт наскоро умылся, отказался от бритья и облачился в свою летную форму. Он последовал за Доувером, мысленно удивляясь, как такой крупный мужчина может двигаться по кораблю, не набивая шишек на голове.

Они заканчивали завтрак, который обошелся бы Питту, завтракай он в любом из лучших отелей, не менее чем в пять долларов, когда вошел матрос и доложил, что командир корабля Коски приглашает их в аппаратную. Доувер последовал за матросом. Следом шел Питт, держа в руках чашку кофе. Войдя в аппаратную, они застали склонившихся над морскими картами Коски и Ханневелла.

Коски поднял глаза. Его обычно настороженный взгляд казался почти спокойным.

— Доброе утро, майор. Хорошо отдохнули?

— Удобства несколько ограничены, зато еда великолепна.

Ответом ему была трудно давшаяся, но показавшаяся вполне искренней улыбка Коски.

— Ну а что вы скажете о нашей чудо-электронике?

Питт, повернувшись на триста шестьдесят градусов, окинул взглядом аппаратную. Она была похожа на космическую лабораторию из какого-нибудь фантастического фильма. Все четыре стальные переборки от пола до потолка светились огнями множества компьютеров, телемониторов и радиоустановок. Все оборудование было усеяно переключателями, кнопками с техническими обозначениями и таким количеством светящихся лампочек, что их хватило бы для любого казино в Лас-Вегасе.

— Впечатляет, даже очень, — небрежно заметил Питт, отхлебывая кофе. — Экраны радаров воздушного и наземного обнаружения, новейшее навигационное оборудование системы «Лоран» с высокими и сверхвысокими частотами, не говоря уже о компьютерном обеспечении определения курса.

Питт произносил это бесстрастным тоном начальника верфи, с которой сошла «Катаваба».

— «Катаваба» имеет гораздо более совершенное океанографическое, навигационное, а также радиооборудование, чем любое другое судно его водоизмещения. Кстати, командир, ваш корабль предназначен также для выполнения метеорологических наблюдений в открытом океане в любую погоду и для оказания помощи в океанографических изыскательских работах. Могу добавить, что катер укомплектован личным составом из семнадцати офицеров и ста шестидесяти матросов. Стоит он где-то порядка двенадцати-тринадцати миллионов долларов, а построен на верфи Норсгейт, в Уилмингтоне, штат Делавер.

Коски, Доувер и другие присутствовавшие в аппаратной, исключая Ханневелла, который склонился над картой, так и застыли. Если бы Питт был первым марсианином, посетившим Землю, то, вероятнее всего, он не стал бы объектом большего недоверия, смешанного со страхом.

— Не удивляйтесь, джентльмены, — сказал Питт, испытывая приятное чувство удовлетворения. — Я взял себе за правило готовиться ко всему основательно.

— Ясно, — угрюмо проговорил Коски. Хотя было очевидно, что ему ничего не ясно. — Может, вы объясните нам, что заставило вас так основательно готовиться к заданию.

Питт пожал плечами.

— Я уже сказал, такая у меня привычка.

— Однако создается впечатление, что сказано не все. — Коски посмотрел на Питта, испытывая некоторую неловкость. — Хотел бы я знать, действительно ли вы те, за кого себя выдаете?

— И доктор Ханневелл, и я выдаем себя за самих себя, — заверил Питт.

— Ну, это мы точно узнаем, майор, примерно минут через десять. — В тоне Коски неожиданно прозвучали циничные нотки. — Я тоже люблю хорошо готовиться к заданию.

— Вы мне не доверяете? — сухо ответил Питт. — Жаль. Ваше беспокойство совершенно напрасно. Ни доктор Ханневелл, ни я не имеем ни намерений, ни возможностей, чтобы нанести какой-нибудь ущерб вашему кораблю или вашему экипажу.

— Но вы мне и не дали оснований доверять вам. — Глаза Коски потемнели, голос стал ледяным. — У вас нет с собой письменного приказа, я не получал никаких указаний относительно ваших полномочий, ничего, кроме какого-то туманного сообщения из штаба командующего о вашем прибытии. Должен заметить, что любой, кому известны наши позывные, мог бы прислать подобное сообщение.

— Ничего невозможного в этом нет, — сказал Питт.

Он не мог не восхититься проницательностью Коски — командир попал в точку.

— Если вы играете в темные игры, майор, я не хочу принимать в них участия.

Хотя и не было заметно, что Питт испытывает неловкость, он был в замешательстве. Разоблачение могло наступить уже давно — у него было более чем достаточно времени, чтобы подготовиться к этому. К сожалению, наготове у него не было ни одной правдоподобной истории.

Коски прервал разговор, так как вошедший матрос принес ему телеграмму. Он внимательно и довольно долго читал ее. По его лицу можно было понять, что он во всем разобрался, хотя и был несколько удивлен. Он повернулся к Питту и передал ему текст телеграммы.

— Мне кажется, вы никогда не перестанете поражать меня.

Питт решил, что теперь он уже ничего не сможет сделать. Он взял телеграмму из рук командира с непроницаемым выражением лица. В телеграмме говорилось:

«В ответ на ваш запрос относительно доктора Ханневелла и майора Дирка Питта сообщаем, что доктор Ханневелл — один из ведущих специалистов в своей области. Он является директором Института океанографии. Майор Питт действительно директор Департамента специальных программ НСГИ. Он также является сыном сенатора Джорджа Питта. Оба они занимаются исследованиями в области океанографии, отвечающими жизненным интересам нашего государства, заслуживают всяческого уважения и поддержки. Передайте майору Питту, что адмирал Сандекер настаивает, чтобы майор опасался фригидных женщин». Подписано командующим службы береговой охраны.

Питт вернул телеграмму Коски.

— Наверно, неплохо иметь друзей в высших сферах, — с заметным раздражением в голосе произнес Коски.

— При случае это помогает.

— У меня нет выбора. Могу только сказать, что я удовлетворен, — буркнул Коски. — Но вот в конце... если только я не вторгаюсь в святая святых... Это что, шифровка?

— Большого секрета тут нет, — ответил Питт. — Это означает, что адмирал Сандекер дает понять доктору Ханневеллу и мне, чтобы после окончания обследования айсберга, мы проследовали в Исландию.

Некоторое время Коски стоял молча, озадаченно покачивая головой. В это время Ханневелл нагнулся к лежавшей на столе карте.

— Это должно быть здесь, джентльмены, — приблизительное месторасположение нашего призрачного корабля, плюс или минус несколько миль.

Ханневелл был великолепен. Если он и почувствовал всю напряженность обстановки, царившей еще несколько минут назад, то ничем этого не выдал. Он сложил карту и сунул ее в карман своей куртки.

— Майор Питт, думаю, будет лучше, если мы вылетим как можно скорее.

— Когда скажете, док, — ответил Питт. — Через десять минут я буду готов к вылету.

— Прекрасно, — кивнул Ханневелл. — Сейчас мы находимся как раз в том самом районе, где патрульный самолет обнаружил айсберг. По моим

расчетам, айсберг достигнет Гольфстрима только к завтрашнему дню. Если ребята с патрульного самолета правильно рассчитали размеры льдины, можно сделать вывод, что айсберг начал подтаивать, теряя примерно по тонне в час. Как только он попадет в теплые воды Гольфстрима, он не продержится и десяти дней. Единственный вопрос, на который пока нет ответа, когда же заброшенный корабль освободится ото льда? Может быть, он уже освободился, но есть надежда, что он еще там, и будет там еще несколько дней.

— А как вы рассчитали дальность полета? — спросил Питт.

— Приблизительно девяносто миль.

Коски взглянул на Питта.

— Как только вылетите, я сбавлю скорость до одной трети и буду держаться курса сто шесть градусов. Сколько времени вы будете заняты там?

— За три с половиной часа, думаю, мы управимся, — ответил Питт.

Коски задумался.

— Тогда через четыре часа я подойду за вами к торосистым льдам.

— Благодарю вас, командир, — сказал Питт. — Поверьте, я искренне благодарю вас, но...

— Вы думаете я не смогу подвести «Катавабу» поближе к району ваших изысканий? А если с вами что-нибудь случится на айсберге или вы соскользнете в море? Сомневаюсь, что успею помочь вам вовремя. При температуре в сорок градусов одетый человек может продержаться в воде не более двадцати пяти минут.

— Придется пойти на этот риск. — Питт сделал последний глоток кофе. — Русские уже могут что-то подозревать, если какой-нибудь из их траулеров заметил, что ваш корабль совершает воскресный круиз в районе, выходящем за пределы патрульного курса. Вот почему последний отрезок пути лучше проделать на вертолете. Мы полетим достаточно низко, чтобы нас не засек радар, но и так, чтобы не попасть в зону визуального наблюдения. Время тоже имеет большое значение. Вертолет сможет достичь местонахождения «Новгорода» и вернуться назад в десять раз быстрее, чем «Катаваба».

— Ну хорошо, — вздохнул Коски. — Это ваше шоу. Смотрите только, чтобы вы вернулись на посадочную площадку к...

Он посмотрел на часы, не решаясь назвать точное время.

— ...К половине одиннадцатого. — Он усмехнулся. — Если вы будете хорошо себя вести и вернетесь вовремя, вас будет ждать здесь добрая порция «Джонни Уокера».

Питт засмеялся.

— Теперь у нас есть великолепный стимул.

— Мне это не нравится, — прокричал Ханневелл сквозь шум мотора. — Мы уже должны встретить что-нибудь.

Питт взглянул на часы.

— Летим точно по времени, впереди еще два часа.

— Не могли бы вы подняться выше? Если вдвое увеличить площадь обзора, мы удвоим наши шансы обнаружить айсберг.

Питт отрицательно покачал головой.

— Не могу. Тогда мы вдвое увеличим возможность обнаружить нас. Гораздо безопаснее оставаться на высоте в сто пятьдесят футов.

— Мы должны найти его сегодня, — кричал Ханневелл. Крайнее возбуждение отразилось на его пухлом лице. — Завтра может оказаться слишком поздно для второй попытки.

Он снова углубился в карту, лежащую у него на коленях, затем схватил бинокль и направил его на север, где беспорядочной массой двигались вместе несколько айсбергов.

— Заметили ли вы хоть один айсберг, похожий по описанию на тот, что мы ищем? — спросил Питт.

— Час тому назад мы прошли один, по размерам и конфигурации подходящий под описание, но на нем не было красной метки. — Ханневелл повернул бинокль, обозревая безбрежный океан, забитый сотнями массивных айсбергов, из которых одни были расколоты и торчали из воды острыми углами, другие были круглые и гладкие, похожие на вырезанные из белой бумаги правильные геометрические фигуры.

— Мое "я" уязвлено, — скорбно произнес Ханневелл. — Никогда, еще со времен обучения в высшей школе, мои тригонометрические расчеты не отклонялись на такую большую величину.

— Возможно, изменение направления ветра повлияло на курс дрейфа айсберга?

— Едва ли, — отверг предположение Ханневелл. — Подводная часть айсберга в семь раз превосходит то, что мы видим над поверхностью

воды. Ничто, кроме океанского течения, не может даже в малейшей степени повлиять на его движение. Он может спокойно идти по течению против ветра со скоростью в двадцать узлов.

— Неодолимая сила, превращенная в застывшую глыбу.

— Почти нерушимая, черт возьми! — произнес Ханневелл, глядя в бинокль. — Конечно, они раскалываются и тают после того как попадают в теплые воды. Но на своем пути к Гольфстриму они не подвластны ни штормам, ни человеку. Айсберги обстреливали торпедами из восьмидюймовых орудий, термитными бомбами, чтобы ускорить процесс таяния. Результат можно сравнить с тем, как если бы племя пигмеев обстреливало игрушечными стрелами стадо огромных слонов.

Питт резко набрал высоту, облетая вокруг гладких стен высокого айсберга, — от этого маневра Ханневелла начало мутить. Он еще раз сверился с картой. Они уже облетели две сотни квадратных миль — и ничего не нашли.

— Давайте попробуем минут пятнадцать лететь прямо на север, — сказал он. — Потом на восток, до кромки пакового льда. Затем десять минут на юг и опять на запад.

— Полный круг по компасу, начиная с северного направления, — откликнулся Питт. Он подкорректировал контрольные приборы, удерживая вертолет в боковом полете, пока стрелка компаса не остановилась на нуле.

Минуты бежали, тошнота подкатывала к горлу Ханневелла. Лицо его сморщилось.

— Как у вас дела с газом?

— Об этом надо беспокоиться в последнюю очередь, — ответил Питт. — Чего нам не хватает сейчас — это времени и оптимизма.

— Согласен, — мрачно проговорил Ханневелл. — Оптимизм покинул меня четверть часа назад.

Питт сжал руку Ханневелла.

— Держись, док, — произнес он ободряюще. — Наш неуловимый айсберг, может быть, как раз за углом.

— Если так, то это нарушает все описанные в книгах законы дрейфа.

— Красная метка... А не могло ее смыть во время вчерашнего шторма?

— К счастью, нет. Состав, включающий хлористый кальций, необходимый ингредиент для глубокого проникновения в массу, в течение недель, а то и месяцев не поддается таянию.

— Это дает нам дополнительную надежду.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказал Ханневелл. — Можете отбросить эти мысли. Я более тридцати лет работал бок о бок с ребятами из службы береговой охраны и не знаю ни одного случая, чтобы они допустили ошибку в определении положения обнаруженного айсберга.

— Тогда все в порядке. Масса льда в миллион тонн... — Питт не закончил фразу отчасти потому, что вертолет несколько отклонился от курса, отчасти потому, что он кое-что заметил.

Неожиданно Ханневелл замер в своем кресле, затем подался вперед. Бинокль прыгал у него перед глазами.

— Вижу, я вижу его, — закричал Ханневелл.

Питт не стал дожидаться команды. Он опустил вертолет ниже и полетел в направлении, указанном Ханневелл ом.

Ханневелл передал бинокль Питту.

— Посмотрите и скажите мне, что мои старые глаза видели не мираж.

Питт сфокусировал бинокль и проверил приборы вертолета, чтобы вибрация не мешала удерживать айсберг в фокусе бинокля.

— Вы можете различить красную метку? — с беспокойством просил Ханневелл.

— Как горстка клубничек в центре ванильного мороженного.

— Я не могу понять, — покачал головой Ханневелл. — Этот айсберг не должен быть здесь. По всем известным законам течений и дрейфов, он должен плавать на девяносто миль юго-западнее этого места.

Но он находился там, на неровной линии горизонта. Возвышающаяся, как башня, глыба льда — великолепное создание природы, обезображенное рукотворными химикатами. Прежде чем Питт опустил бинокль, он увидел, как вобравшие в себя солнце кристаллы льда засверкали бриллиантами, ослепляя через линзы бинокля. Он вновь набрал высоту и выправил курс на несколько градусов, чтобы вернуться на нужное направление. Прошла почти минута, прежде чем «ледяные осколочки» в его глазах окончательно исчезли.

Неожиданно Питт почувствовал чье-то присутствие на воде, прозрачную, едва уловимую тень. Не успел он определить, что это за

темные очертания там мелькнули, как его вертолет чиркнул по кромке волны.

До айсберга было еще добрых семь миль, когда вертолет, плавно сделав полукруг, взял курс на восток, к «Катавабе».

— Что с вами, черт возьми? — выругался Ханневелл.

— Боюсь, что нагрянули гости, которых мы не ждали.

— Чепуха! Нигде не видно ни корабля, ни самолета.

— Они прибыли под водой.

Брови Ханневелла вопросительно изогнулись. Он медленно откинулся в кресле.

— Подводная лодка?

— Подводная лодка, док.

— Но вполне возможно, что это одна из наших.

— Извините, док, но вы выдаете желаемое за действительное.

— Значит, русские обошли нас? — Губы Ханневелла скривились. — Боже, мы опоздали!

— Еще нет. — Питт повернул вертолет в следующий крутой вираж, на этот раз в сторону айсберга. — Мы сможем встать на лед через четыре минуты. А подлодке потребуется не менее получаса, чтобы достичь айсберга. Даже при малой доле везения мы сможем отыскать то, ради чего мы сюда летели, и убраться, черт возьми, раньше, чем их команда успеет высадиться.

— Это уже несколько лучше. — В голосе Ханневелла не было уверенности. — Когда русские увидят нас бегущими по айсбергу… Они ведь не придут безоружными?

— Я был бы удивлен, если бы они не были вооружены. У них достаточно вооружения, чтобы разнести нас на кусочки. Но я ручаюсь, что командир лодки не воспользуется этой возможностью.

— А что он теряет?

— Ничего. Но, как следствие, он получит широкий международный скандал. Любой командир, если он чего-нибудь стоит, поймет, что мы имеем устойчивую радиосвязь со своей базой и тут же сообщим о занятой подводной лодкой позиции, а также начнем кричать о кровавом убийстве при первом же выстреле. Эта часть Атлантики является зоной

наших интересов, и он это знает. Он находится слишком далеко от Москвы, чтобы задираться.

— Ну хорошо, хорошо, — сказал Ханневелл. — Давайте вперед, и пойдем на посадку. Мне уже кажется, что лучше получить пулю в лоб, чем еще минуту оставаться в этой жужжащей машине.

Питт не произнес больше ни слова. Он добрался до цели и без малейших осложнений посадил вертолет на маленькую, не более двадцати футов в длину и пятнадцати в ширину, ледяную площадку. Раньше чем лопасти винта окончательно остановились, он и Ханневелл выпрыгнули из кабины и остановились на вершине безмолвного айсберга, стараясь угадать, когда же русская субмарина всплывет на поверхность и что они найдут под покровом льда, отделявшего их от холодной воды. Они не видели признаков жизни вокруг. Легкий, но холодный морской ветер касался их щек. Кроме ветра там ничего не было. Абсолютно ничего.

Глава 3

Несколько минут Питт не мог вымолвить ни слова. Когда же, наконец, он заговорил, ему показалось, что голос его звучит, как еле уловимый шепот. «Почему я шепчу?» — подумал он. Ханневелл находился в тридцати футах от него, обследуя лед. Русская субмарина, лежащая неподвижно на поверхности океана, находилась с северной стороны, в четверти мили от айсберга. В конце концов, Питту удалось привлечь внимание Ханневелла, хотя голос его по-прежнему был приглушен абсолютной, как в кафедральном соборе, тишиной.

— Время на исходе, док. — Ему все еще казалось, что их могут подслушивать, хотя русские, даже если бы он кричал во весь голос, не смогли бы разобрать его слов.

— Я не слепой, — буркнул Ханневелл, — Когда они будут здесь?

— На то, чтобы спустить шлюпку на воду, сесть в нее и приплыть на айсберг — а это расстояние примерно в четыреста футов, — им потребуется минут пятнадцать-двадцать.

— Черт возьми! Мы не можем терять время, — с раздражением произнес Ханневелл.

— Удалось вам что-нибудь? — спросил Питт.

— Ничего! — Вероятно, брошенное судно находится значительно глубже, чем я думал.

Он нервно вколачивал в лед зонд.

— Он здесь. Он должен быть здесь. Корабль в сто двадцать пять футов длиной не может бесследно исчезнуть.

— Может, ребята из береговой охраны видели корабль-призрак?

Ханневелл остановился на мгновение, чтобы поправить солнечные очки.

— Экипаж патрульного самолета, обследовавший ледовую обстановку, визуально мог ошибиться, но радарная установка их подвести не могла.

Питт подошел поближе к раскрытой кабине вертолета. Он бросил взгляд на Ханневелла, затем на подлодку и приставил к глазам бинокль. Он увидел крохотные фигурки, выскакивавшие из люка низко сидевшей субмарины. Менее чем через три минуты большая шестиместная шлюпка была спущена на воду рядом с субмариной. Несколько вооруженных автоматами человек заняли свои места. Едва различимые хлюпающие звуки разнеслись над бежавшими синими волнами. Этого было достаточно — Питт начал отсчет времени.

— Они плывут. Пять или шесть человек. Точно не могу сказать.

— Они вооружены?

— До зубов.

— Господи! — воскликнул Ханневелл. — Да не стойте вы там, раскрыв рот. Помогите мне найти корабль.

— Забудьте о корабле, — нетерпеливо проговорил Питт. — Через пять минут они будут здесь.

— Через пять? Но вы сказали…

— Я не знал, что у них моторная шлюпка.

Ханневелл растерянно посмотрел на субмарину.

— Но каким образом русские узнали о брошенном судне? И как они узнали, что оно находится именно здесь?

— Тут нет большой хитрости, — ответил Питт. — Без сомнения, кто-нибудь из агентов КГБ в Вашингтоне имеет доступ к письменным сообщениям службы береговой охраны — едва ли они классифицируются как секретные. А затем всем рыболовным траулерам и подводным лодкам, находившимся в этой части Атлантики, было дано указание срочно искать эту льдину. Так что для нас все это — неудачное стечение обстоятельств, для них — счастливое совпадение.

— Выглядит так, будто мы проиграли в игре в мяч, — заметил Ханневелл бесцветным голосом. — Они выиграли, мы проиграли. Если бы мы хотя бы отыскали то место на айсберге, которое служит оболочкой брошенному судну. Мы бы смогли уничтожить его, использовав термитную бомбу, чтобы оно не попало в руки русских.

— Награда — победителю, — пробормотал Питт. — Целый миллион тонн прекраснейшего, чистейшего первозданного гренландского льда среди вод Атлантического океана.

Ханневелл несколько удивился, но ничего не сказал. Явное безразличие Питта было ему непонятно.

— Скажите, док, какой сегодня день?

— День? — озадачено переспросил Ханневелл. — Среда, двадцать восьмое марта.

— Рановато, — сказал Питт. — Еще три дня до первого апреля, дня дураков.

Голос Ханневелла прозвучал холодно и мрачно:

— Вряд ли сейчас подходящее время и место для шуток.

— Почему бы и нет? Кто-то грандиозно разыграл и нас, и тех идиотов. — Питт махнул рукой в сторону уже высадившейся на лед и быстро приближавшейся группы русских. — Все мы — и вы, и я, и русские — играем определенные роли в грандиозной комедии. И кульминационный момент наступит, когда мы все узнаем, что никакого заброшенного корабля в этом айсберге нет.

Он сделал паузу, чтобы выпустить струю дыма.

— Дело в том, что здесь его никогда и не было.

Полное непонимание, но одновременно и надежда отразились на лице Ханневелла.

— Продолжайте, — выдохнул он.

— Помимо показаний радара, экипаж патрульного самолета сообщил, что они заметили во льду контуры корабля. Мы же ничего подобного перед посадкой на лед не видели. Хотя одно это еще ни о чем не говорит. Они находились в самолете и летели с возможной для патрульного самолета скоростью — двести миль в час. Если бы во льду что-то было, с зависшего над айсбергом вертолета было бы гораздо легче все это разглядеть.

Ханневелл внимательно слушал Питта, размышляя над каждым его словом.

— Я не совсем уверен, что правильно понял вас. — Он улыбнулся, — но я начинаю привыкать к вашей манере выражать мысли. Вы что-то скрываете?

— Никакой тайны здесь нет. Вы сами сказали: по известным законам течения и дрейфа, этот айсберг должен находиться на девяносто миль западнее.

— Правильно. — Ханневелл посмотрел на Питта с оттенком уважения. — Итак, что же у вас на уме?

— Не что, а кто, док! Кто-то втянул всех нас, как говорится, в погоню за дикими гусями. Этот некто стер красную метку с айсберга, внутри которого находилось исчезнувшее судно, и сделал точно такую же на другом, расположенном в другой стороне.

— Ну конечно! Был айсберг, над которым мы пролетали час тому назад. Именно такого размера, конфигурации и веса, только без красной метки.

— Вот там-то мы и найдем наш таинственный корабль, — сказал Питт. — Как раз там, где, по вашим расчетам, он и должен находиться.

— Да. Но кто же играет с нами в эти игры? — спросил Ханневелл. Он нахмурился, размышляя. — Совершенно очевидно, что это не русские. Их провели так же, как и нас.

— В данный момент это не имеет значения, — заключил Питт. — Сейчас нам необходимо торжественно проститься с этим плавучим ледяным дворцом и вылететь в открытое море, незваные гости уже прибыли. — Он кивнул на склон айсберга: — или вы ничего не заметили?

Ханневелл действительно ничего не заметил. Но присмотревшись сейчас, он увидел, что первая группа, прибывшая с субмарины, уже карабкалась по склону айсберга. Через несколько секунд, на склоне появились пять человек. Осторожно ступая, они направились в сторону Питта и Ханневелла. Они были одеты во все черное — эти русские моряки — и вооружены до зубов. Даже с расстояния в сто ярдов Питт безошибочно определил в них людей, которые точно знают, что они должны делать.

Он осторожно пробрался к борту вертолета, повернул ключ зажигания и включил двигатель. Лопасти винта еще не успели сделать первый оборот, а Ханневелл уже сидел в кресле, туго пристегнутый ремнями.

Прежде чем закрыть дверь кабины, Питт высунулся наружу и, сложив руки рупором, прокричал в сторону приближавшихся русских:

— Счастливо оставаться. Не забудьте убрать за собой мусор.

Офицер, руководивший группой, сначала прислушался, но поняв, что вряд ли летчик станет кричать по-русски, пожал плечами. Как бы желая предупредить сидевших в вертолете о мирных намерениях группы,

офицер опустил автомат и отсалютовал. В этот момент вертолет оторвался от айсберга и устремился в голубое небо.

Удерживая вертолет на минимальной скорости, Питт взял курс на север. Через пятнадцать минут, когда они уже скрылись из виду и радарные установки субмарины не могли засечь их, Питт повернул вертолет на юго-запад. В одиннадцать часов пятнадцать минут они обнаружили айсберг с исчезнувшим судном.

Когда они снизились над гигантской льдиной, и Питта, и Ханневелла охватило чувство опустошенности. Оно появилось не из-за долгих часов поисков — они уже давно вышли из лимита времени, отведенного капитаном Коски, — скорее всего это было связано с самим кораблем. Никто никогда не видел ничего подобного, как будто попали на другую планету. Неземная пустота вокруг айсберга, лучи солнца, проникая в лед, искажали очертания корпуса корабля, постепенно превращая общую конструкцию в абстрактную тень. Все выглядело таким нереальным, что Питту трудно было поверить во вполне очевидный факт существования корабля. Снижаясь на вертолете над льдиной, он надеялся, что спрятанный от людского глаза корабль исчезнет.

Питт попытался сесть на гладкую площадку близко к кромке айсберга, но угол ее наклона оказался настолько большим, что пришлось приземлиться прямо на вершину замурованного корабля. Ханневелл выпрыгнул из кабины раньше, чем шасси коснулись поверхности льда. Скоро он измерял шагами длину корабля, от носа до кормы. Питт присоединился к нему.

— Совершенно необычный, — говорил Ханневелл. — Совершенно. Ничто не возвышается над поверхностью: ни мачты, ни антенны радаров. Каждый квадратный дюйм очень плотно сидит во льду.

Питт достал носовой платок из кармана куртки и высморкался. Он потянул носом воздух, будто пробуя его:

— Пахнет как-то необычно, док!

Ханневелл повернулся к нему и тоже медленно втянул воздух.

— Да. Чем-то отдает. Правда, очень слабо. Не могу определить, чем именно.

— Если бы вы почаще вылезали из своей лаборатории и чуть больше знали жизнь, вы бы сразу уловили аромат какой-то жженой дряни.

— А откуда он исходит?

Питт кивнул на судно у себя под ногами.

— Откуда же еще — оттуда!

Ханневелл отрицательно покачал головой.

— Этого не может быть, и это доказано наукой. Вы не можете ощутить запах неорганической субстанции, закованной в лед, находясь снаружи.

— Мой длинный нос меня никогда не обманывал, — ответил Питт.

Полуденное солнце постепенно побеждало холод. Питт снял свою летную куртку.

— Видимо, где-то протаяло.

— Ну вас с вашим высококвалифицированным носом, — сказал Ханневелл. — Предлагаю не разыгрывать из себя ищейку, а приступить к установке термитного заряда. Единственная возможность пробиться внутрь корабля — это растопить ледяную шубу.

— Мы очень рискуем.

— Положитесь на меня, — мягко сказал Ханневелл. — Я не собираюсь взрывать весь айсберг, а вместе с ним корабль, вертолет и нас с вами. Я хочу начать с малого количества, постепенно прокладывая путь внутрь.

— Меньше всего я думал об айсберге. Я думал об изувеченном корабле. Что если пробиты топливные баки и вытекающим из них топливом залита килевая часть по всей ее длине? Стоит просчитаться и поджечь хотя бы одну каплю, весь корабль вспыхнет, как грандиозный фейерверк.

Ханневелл постучал ногой по плотному ледяному покрову.

— И как же вы намерены пробиться через это — с помощью ледоруба?

— Доктор Ханневелл, — спокойно сказал Питт, — я не стану оспаривать тот факт, что вы известны во всем мире как один из самых выдающихся ученых. Однако, как и многим выдающимся ученым, вам не хватает знаний о практической стороне жизни. То вы говорите о термитном заряде, то о ледорубе. Не берите в голову все эти сложности. Мы просто произнесем: «Сезам, откройся».

— У вас под ногами лед ледникового периода, — сказал Ханневелл. — Он очень плотный. Вы не сможете пробиться сквозь него.

— Извините, мой друг, но вы сильно ошибаетесь.

Ханневелл посмотрел на него с подозрением.

— Докажите!

— Смотрите. — Питт театральным жестом показал наверх. — Работа уже проделана. Наш Макиавелли и веселая банда его помощников, очевидно, уже побывали здесь.

Ханневелл поднял голову и посмотрел вверх, на широкую поверхность крутого ледяного склона. Вдоль внешней кромки, ближе к основанию, всего в нескольких ярдах от того места, где стояли Питт и Ханневелл, лед был совершенно гладким. А начиная с вершины и до середины склона — испещрен выбоинами так, что напоминал обратную сторону Луны.

— Итак, — заключил Ханневелл, — это означает, что кто-то был очень обеспокоен тем, чтобы начисто уничтожить красную метку, оставленную береговым патрулем.

Он еще раз окинул взглядом ледяную скалу и повернулся к Питту.

— Зачем этим неизвестным понадобилось скрести глыбу руками, когда они легко могли стереть метку с помощью взрывчатки.

— На этот вопрос я не могу ответить, — сказал Питт. — Может, они опасались, что айсберг развалится, или у них не было взрывчатки. Кто знает? Однако, держу пари на весь свой месячный заработок, что наши умненькие друзья не только скребли лед. Абсолютно уверен, что они отыскали и вход на спрятанный корабль.

— Так что нам остается только отыскать сверкающую надпись «Вход здесь». — Ханневелл сказал это с ноткой сарказма в голосе. Он не допускал мысли, что кто-то может превосходить его в сообразительности. По выражению его лица было ясно, что ему это не понравилось.

— Участок размягченного льда мог бы стать более точным ориентиром.

— Насколько я понимаю, — сказал Ханневелл, — вы предлагаете искать закамуфлированный вход в ледяной тоннель?

— Верно, Именно эта мысль и пришла мне в голову.

Доктор посмотрел на Питта поверх очков.

— Что ж, давайте начнем. Если мы и дальше будем стоять здесь, теоретизируя, у меня отмерзнут конечности.

Поиски оказались не такими уж сложными, но и не простыми. Непредвиденное все же случилось: Ханневелл не удержался на ногах и покатился к опускавшемуся в ледяной океан крутому выступу. Он катился вниз, отчаянно кувыркаясь на льду, пытаясь зацепиться ногтями за твердую поверхность. Все произошло так внезапно, что он сообразил позвать на помощь только когда оказался на краю выступа.

В это время Питт деловито разглядывал огромную глыбу свободного льда. Услышав крик, он обернулся и увидел, в какое положение попал Ханневелл. Он мгновенно представил, что будет, если тот попадет в ледяную воду. Одним движением он сбросил свою летную куртку и стремительными прыжками бросился вниз по склону.

Охваченному паникой Ханневеллу прыжки Питта показались полным сумасшествием.

— О господи! Нет! Нет! — закричал, он, но предпринять ничего не мог. Только наблюдал, как Питт со скоростью бобслеиста приближался к нему. «Кажется, есть шанс, — подумал он, — если Питту удастся удержаться на айсберге». Пока же больше шансов найти свой конец в соленой ледяной воде. «Двадцать пять минут, — слова командира Коски сверлили мозг. — Всего двадцать пять минут человек может оставаться живым в воде, температура которой сорок градусов. И ни за что на свете не смогут они выбраться из воды и подняться на крутой склон айсберга».

Если бы у Питта была хоть секунда для размышлений, он, несомненно, согласился бы с Ханневеллом. Он действительно был похож на сумасшедшего. Внезапно, когда до Ханневелла осталось совсем немного, он с силой уперся пятками в лед и тут же ощутил невыносимую боль, остановился и бросил рукав своей куртки Ханневеллу.

Перепуганного ученого не надо было уговаривать. Он крепко ухватился за куртку и повис на ней. Еще с минуту он ждал, когда его немолодое сердце успокоится и войдет в норму. Осторожно осмотрелся и увидел, что край ледяного уступа упирается ему прямо в поясницу.

— Теперь, когда вы ухватились за куртку, — сказал Питт спокойно, хотя в голосе его чувствовалось огромное напряжение, — попытайтесь подтянуться.

— Я не могу, — хрипло пробормотал он. — Я могу только держаться за это.

— А упереться во что-нибудь ногами вы не можете?

Ханневелл отрицательно покачал головой.

Питт ухватился за куртку и ободряюще улыбнулся Ханневеллу.

— Я так уперся пятками, что лед может не выдержать. Не делайте никаких поспешных движений. Я собираюсь втащить вас на этот уступ.

На этот раз Ханневелл согласно кивнул. У него болел желудок, ломило кончики замерзших пальцев, лицо выражало боль и ужас. Только одно дошло до его затуманенного страхом сознания — решимость во взгляде

Питта он почувствовал, что внутренняя сила и уверенность Питта переходят к нему.

— Перестаньте усмехаться, — сказал он, — и начинайте тянуть.

Осторожно, дюйм за дюймом, Питт подтягивал Ханневелла. Прошло шестьдесят тревожных секунд, прежде чем голова Ханневелла оказалась на уровне колен Питта. Питт отбросил куртку и схватил Ханневелла под мышки.

— Это было самое легкое, — сказал он. — Следующее упражнение за вами.

— Я ничего не могу гарантировать.

— Ваш измерительный циркуль при вас?

Ханневелл побледнел, потом кивнул.

— В боковом кармане.

— Отлично. А теперь перелезайте через меня и вытянитесь во всю длину. Когда ваши ноги прочно упрутся в мои плечи, вытащите циркуль и вгоните его в лед.

— Крюк альпиниста! — воскликнул Ханневелл. неожиданно обретая уверенность, — вы чертовски умны, майор.

Ханневелл стал перелезать через Питта, пыхтя при этом, как взобравшийся на гору локомотив. Вскоре это ему удалось. Затем с помощью Питта, который крепко держал его за колени, Ханневелл достал стальной циркуль, которым он обычно измерял расстояния на карте, и вонзил его концы глубоко в лед.

— Все в порядке, — подтвердил он.

— А теперь мы повторим все сначала, — сказал Питт, — Вы можете держаться?

— Делайте все быстрее, — ответил Ханневелл. — У меня совершенно онемели руки.

Все еще упираясь одной пяткой в лед из предосторожности, Питт испытал циркуль на прочность. Циркуль вонзился крепко. Как кошка, Питт прополз за Ханневеллом и вылез на безопасный участок. Почти сразу же, как показалось Ханневеллу, он выбросил из вертолета нейлоновую веревку. А еще через полминуты бледный и измученный океанограф сидел на льду у ног Питта.

Ханневелл сделал глубокий вдох и взглянул в лицо Питту, на котором ясно читалось чувство облегчения.

— Знаете, что я сделаю в первую очередь, когда мы вернемся в цивилизованный мир?

— Да, — улыбаясь, сказал Питт. — Вы пригласите меня на обед с таким количеством выпивки, сколько я только смогу одолеть, и представите меня чувственной полногрудой исландской нимфе.

— Обед и выпивка — за мной, это я вам гарантирую. А вот нимфу не могу обещать. Прошло так много лет с тех пор, когда я без труда договаривался с очаровательными женщинами. Боюсь, я уже забыл подход.

Питт рассмеялся, хлопнул Ханневелла по плечу и помог ему подняться.

— Не берите в голову, мой старый друг. Девушки — это по моей части. — Он вдруг остановился. — Ваши руки выглядят так, будто вы держали их на шлифовальном круге.

Ханневелл безразлично посмотрел на свои окровавленные пальцы.

— С ними совсем не так плохо, как кажется. Немного антисептика, маникюр, и они станут совсем как новенькие.

— Давайте, — сказал Питт. — В вертолете есть аптечка. Я перевяжу ваши пальцы.

Через несколько минут, когда Питт перевязал ему бинтом последний палец, Ханневелл спросил:

— Нашли вы что-нибудь похожее на тоннель до того, как я свалился?

— Отличная работа, — ответил Питт. — Вырезана полная гладкая окружность, прикрывающая вход и абсолютно совпадающая с окружающим льдом. Если бы некто вырезал еще и ручку, можно было бы открыть и войти.

Лицо Ханневелла внезапно потемнело.

— Этот айсберг проклят, — сказал он. — Он — враждебен нам.

Он сцепил свои обмороженные пальцы. Взгляд его был напряженным, лицо выглядело усталым.

Питт отошел в сторону и поднял ледяную глыбу трех футов в диаметре и трех дюймов в толщину, закрывавшую вход в грубо пробитый тоннель, достаточный, чтобы в него мог едва протиснуться один человек. Он невольно отшатнулся — из отверстия исходило едкое зловоние сгоревшей краски, материи и топлива, смешивавшегося с запахом расплавленного металла.

— Это только подтверждает, что я могу различать запахи сквозь толщу льда, — сказал Питт.

— Да. Ваш нос выдержал испытание, — немного саркастически заметил Ханневелл. — Но, что касается невозможности использовать термит, тут вы оказались не совсем на высоте. Ведь это не что иное, как выжженный лаз туда, вниз.

Он сделал паузу и бросил на Питта взгляд поверх очков, как на ученика, не выучившего урок.

— Мы могли бы взрывать здесь хоть до лета, не нанося заметного ущерба замурованному судну.

Питт пожал плечами.

— Много выиграешь — мало проиграешь. — Он передал Ханневеллу второй фонарик. — Я пойду первым. Вы подождете пять минут, а потом следуйте за мной.

Ханневелл склонился над краем ледяного тоннеля, Питт встал на колени, чтобы пролезть внутрь.

— Две. Я даю вам две минуты, не больше. И следую за вами.

Лаз длиной в двадцать футов, освещенный проникающими сквозь кристаллы лучами солнца, спускался вниз под углом в тридцать градусов и упирался в обгоревшую, покореженную стальную пластину обшивки. Вонь стала невыносимой, Питт едва дышал. Он попытался уйти от этого запаха и кинулся к изуродованной огнем пластине. Тут он увидел, что проход идет параллельно обшивке еще на десять футов и заканчивается открытым люком, изуродованным и разбитым. «Какой же должна была быть температура, чтобы такое могло случиться?» — подумал он.

Протиснувшись через разбитый край люка, он встал и направил луч фонарика на то, что осталось от стен после пожара. В какое он попал помещение, догадаться было невозможно. После опустошительного пожара, здесь ничего не уцелело. Питта внезапно охватил ужас. Несколько минут он стоял как в столбняке, затем постарался взять себя в руки и вошел в темный коридор.

Луч его фонарика осветил весь коридор, вплоть до лестницы, которая вела на нижнюю палубу. Если не считать оставшегося от ковра пепла, коридор был пуст. Вокруг была жуткая тишина. Ни звона посуды, ни гудения машин, ни плеска воды о траурную обшивку — ничего, кроме абсолютной пустоты. Питт минуту постоял перед дверью, не решаясь войти. Первая мысль, пронзившая его мозг, была: что-то пошло совсем

не так, как планировал адмирал Сандекер. Похоже, что не к этому он стремился и не этого ожидал.

Ханневелл пролез в люк. Вскоре он стоял рядом с Питтом и смотрел на почерневшие стены, на покореженный и расплавившийся металл, на сплющенные дверные петли, на которых когда-то держалась деревянная дверь. Вдруг он стремительно бросился в дверной проем. Глаза его были полузакрыты, голова тряслась, будто он находился в трансе.

— Мы найдем ничтожно мало из того, что нас интересует.

— Мы не найдем ничего, — твердо произнес Питт. — Наши неизвестные друзья подобрали все, что могло остаться после огня.

В подтверждение сказанному, он направил луч фонарика на следы от мужских ботинок, оставшиеся на слое сажи. Они вели к выходу и обратно.

— Давайте посмотрим, чем они тут занимались?

Они вошли в узкий коридор между каютами и, ступая по пеплу, направились к соседнему помещению. Это была каюта радиста. И здесь трудно было что-нибудь опознать. Вместо мебели остались только остовы от сгоревшего дерева, радиоаппаратура превратилась в сплошную застывшую массу. Теперь уже они немного привыкли к запаху, но никак не могли привыкнуть к тому, что они видели внутри.

— Боже мой! — выдохнул Ханневелл. Он выронил фонарик, тот покатился по палубе и осветил обезображенную человеческую голову с выступившими скулами и зубами.

— Не завидую его смерти, — пробормотал Питт.

Ханневелл не мог смотреть на эту мертвую голову. Он отошел в угол и несколько минут мучился позывами к рвоте. Когда же он, наконец, повернулся к Питту, то выглядел так, будто только что вернулся с того света.

— Извините, — виновато произнес Ханневелл. — Я никогда раньше не видел сожженных трупов. У меня даже отдаленного представления не было о том, как это выглядит. Я никогда и не задумывался над этим. Зрелище не из приятных. Не так ли?

— Приятных трупов не бывает, — сказал Питт. Он тоже начал ощущать приступы тошноты. — Если эта кучка пепла на полу каким-то образом указывает на то, что нас ожидает, то мы должны отыскать еще четырнадцать таких же.

Ханневелл остановился и поднял фонарик — лицо его передернулось. Затем он достал из кармана записную книжку и осветив ее фонариком, начал перелистывать.

— Вы правы. На корабле было шесть человек команды и девять пассажиров: всего пятнадцать человек, — он полистал еще, отыскивая нужную страницу. — Этот несчастный, должно быть, радист Свенборг — Густав Свенборг.

— Может, он, а может, и нет. Только его дантист мог бы сказать точно. — Питт глядел на то, что когда-то было живым человеком и пытался представить, как наступил его конец. Раскаленные докрасна стены и оранжевое пламя, короткий, страшный крик, жуткий болевой шок, ввергнувший его в бессознательное состояние, и дикая пляска смерти, в которой дергаются и извиваются все части тела. «Умереть в огне, — подумал он, — провести в жуткой агонии последние секунды жизни — самый страшный конец, который можно представить как для человека, так и для животного».

Питт встал на колени, чтобы внимательно посмотреть на то, что осталось от тела. Рот был плотно сжат, колени почти касались подбородка, а руки вытянуты и плотно прижаты к бокам, приварившись к ним от страшного жара. Но было еще кое-что, привлекшее внимание Питта. Он направил луч света на пол каюты, слабо осветив покореженные стальные ножки кресла, вонзившиеся снизу в обезображенное тело.

Ханневелл с совершенно бескровным лицом спросил:

— Что вы нашли такое интересное в этом кошмаре?

— Посмотрите, — ответил Питт. — Несчастный Густав, кажется, сидел, когда умер. Его кресло буквально выгорело под ним. Вам не кажется удивительным, — продолжал Питт, — человека заживо сжигают, а он даже не пытается сделать какое-нибудь усилие, чтобы встать или хоть как-то выбраться отсюда.

— В этом нет ничего странного, — сказал Ханневелл. — Пламя, видимо, охватило его, когда он работал с передатчиком, пытаясь послать сигнал о помощи.

Его опять начало выворачивать.

— Давайте уйдем отсюда, пока я еще в состоянии передвигать ноги, и попытаемся разыскать остальных.

Питт кивнул, повернулся и направился к выходу. Вместе они прошли во внутреннюю часть судна. Машинное отделение, узкий коридор, салон, — всюду, где они проходили, их взгляд наталкивался на ту же ужасную

картину смерти. К тому времени, когда они обнаружили в рулевой рубке тринадцатый и четырнадцатый трупы, желудок Ханневелла постепенно вернулся в свое исходное состояние. Еще несколько раз он сверялся со своей записной книжкой, отмечая карандашом на некоторых страницах, пока не осталось только одно имя, не перечеркнутое тонкой линией.

— Почти все, — сказал он, захлопнув книжку. — Мы нашли всех, кроме того, ради которого попали сюда.

Питт закурил сигарету и выпустил длинную струю голубоватого дыма.

— Они все обгорели настолько сильно, что узнать их невозможно. Он может оказаться любым из них.

— Его среди них не было, — категоричным тоном произнес Ханневелл. — Его тело нетрудно идентифицировать, во всяком случае, мне. — Он сделал паузу. — Я знал его очень хорошо. Вам известно это?

Питт поднял брови.

— Нет. Я не знал.

— Тут, собственно, нет секрета. — Ханневелл подышал на линзы очков и протер их носовым платком. — Тот, ради которого мы рисковали своими жизнями, и кто, похоже, умер, — этот человек посещал мои лекции в Институте океанографии шесть лет тому назад. Он был блестящим ученым.

Он указал рукой на два лежавших на полу сожженных трупа.

— Мне очень жаль, если он кончил жизнь таким образом.

— А почему вы говорите, что можете отличить его от других? — спросил Питт.

— По кольцам. Он был неравнодушен к кольцам. Он носил их на каждом пальце, кроме больших.

— Ну, кольца не являются достаточным доказательством при идентификации.

Ханневелл чуть улыбнулся.

— А отсутствующий на левой ноге палец подойдет?

— Это подойдет, — задумчиво произнес Питт. — Но мы ведь не нашли пока труп, подлежащий опознанию, хотя уже обшарили весь корабль.

— Не совсем. — Ханневелл вырвал из блокнота листок и подставил его под луч фонарика. — Здесь примерная схема корабля. Я снял копию с оригинала, когда работал в Морском архиве.

— Смотрите сюда, это как раз за каютой, где находились морские карты и схемы. Узкая лестница ведет в каюту, как раз под ложной трубой. Это единственный вход.

Питт быстро вышел.

— Вход действительно есть, — сказал он, вернувшись, — а вот лестница к черту сгорела, правда остались некоторые перекладины, способные выдержать наш вес.

Изолированная каюта, расположенная в самом центре корабля, без иллюминатора, пострадала даже больше, чем другие, а стальная обшивка на стенах выворочена так, как будто это были бумажные обои. Она казалась пустой. Никаких следов того, что хотя бы отдаленно напоминало бывшую обстановку. Питт стоял на коленях, рассматривая кучку пепла, пытаясь найти что-то похожее на тело, когда Ханневелл дико закричал:

— Здесь! — Он упал на колени. — Здесь, в углу!

Он направил фонарик на то, что когда-то было человеком. Теперь это была лишь кучка обуглившихся костей. Проглядывались только челюстные и тазовые кости. Он наклонился еще ниже и аккуратно очистил место вокруг останков. Когда он поднялся, у него в руках было несколько покореженных кусочков металла.

— Может, это и недостаточно убедительные доказательства, но зато абсолютно достоверные. Никогда не было более достоверных.

Питт взял эти расплавленные кусочки и стал их разглядывать при свете фонарика.

— Я помню эти кольца очень хорошо. Все они были очень красивой работы с вправленными полудрагоценными камнями исландского происхождения. На каждом кольце было изображение древнего нордического бога.

— Звучит впечатляюще, но уж очень безвкусно, — заметил Питт.

— Для вас, может быть, потому что вы — иностранец, — деликатно заметил Ханневелл. — Если бы вы знали его…

Голос Ханневелла дрогнул.

Питт взглянул на Ханневелла с недоумением.

— Вы всегда так сентиментальны в ваших отношениях со студентами?

— Гениальный, преуспевающий ученый, легендарный человек, в двадцать пять лет входивший в первую десятку самых богатых людей

мира. Добрый и благородный человек, абсолютно не испорченный ни славой, ни богатством. Да, думаю, что дружба с Кристианом Фири могла бы вылиться в сердечную привязанность.

«Странно, — подумал Питт. — Ученый впервые упомянул имя Фири с того времени, как мы покинули Вашингтон. Он произнес его с таким трепетом и с такими же интонациями в голосе, какие прозвучали у адмирала Сандекера, когда он говорил об исландце».

Питт не испытывал никакого благоговения, стоя над жалкими останками человека, который являлся одним из самых влиятельных людей финансового мира. Он стоял, глядя вниз, и в его сознании этот пепел никак не ассоциировался с человеком, о котором неоднократно писали газеты всего мира как о блестящем организаторе науки. Может, если бы ему пришлось когда-нибудь встретиться со знаменитым Кристианом Фири, подобное чувство посетило бы его сейчас. Хотя Питт сильно сомневался в этом. Он был не из тех, кто легко поддавался чувствам.

Питт еще покрутил в руках скрученные металлические кольца и вернул их Ханневеллу. И вдруг на верхней палубе, прямо над ними, услышал слабое движение. Он застыл, напряженно прислушиваясь. Но звук замер в темноте, за верхним люком. Что-то зловещее нависло над опустошенной каютой — ощущение, что кто-то наблюдает за каждым их движением, вслушивается в каждое их слово. Питт настроился на оборону, но было поздно. Мощный луч света, идущий откуда-то сверху, пронзил комнату и полностью ослепил их.

— Грабите мертвецов, джентльмены? Мой Бог, я всегда был уверен, что вы вдвоем способны на многое.

Лицо было скрыто за лучом света, но голос можно было узнать безошибочно — он принадлежал капитану Коски.

Глава 4

Безмолвно, не шелохнувшись, стоял Питт посреди сожженной палубы. Он простоял так, как ему казалось, меньше минуты, пытаясь сообразить, каким образом Коски мог оказаться на сожженном корабле. Он допускал, что Коски может появиться, но, по его расчетам, только часа через три. Теперь он понял, что вместо того, чтобы ждать условленного часа встречи, Коски пустил «Катавабу» на полной скорости по курсу, указанному Ханневеллом, к паковым льдам сразу же, как только вертолет скрылся из виду.

Коски направил луч фонаря на лестницу, высветив позади себя лицо Доувера.

— Нам будет о чем поговорить, если вам угодно, майор Питт и доктор Ханневелл.

Питт подумал, что бы сказать в ответ, но не нашел никаких объяснений. Вместо этого он сказал:

— Коль вы решили валять дурака, Коски, спускайтесь вниз! И тащите с собой этого медведя, громилу в офицерской форме, если вам так будет спокойнее.

Прошла почти минута зловещего молчания, прежде чем Коски ответил:

— Вряд ли ваше положение дает основание выдвигать требования в столь грубой форме.

— Почему же нет? Все преимущества на нашей стороне. Мы можем сидеть здесь и сосать палец, пока вы разыгрываете роль детектива-любителя.

— Не стоит так раздражаться, майор. Честное объяснение потребует много времени. Вы лгали с того момента, как ступили на палубу моего корабля. Начиная с «Новгорода». Даже «зеленый» курсант Академии береговой охраны не принял бы эту скорлупу за русский шпионский траулер. Антенны радарных установок, новейшие достижения электронной техники, которые вы обрисовали с таким знанием дела, — где они? Испарились. Я не доверял вам и Ханневеллу с самого начала, но ваши россказни были убедительны. Более того, мое начальство каким-то таинственным образом поддержало вас. Вы использовали меня, майор. Использовали мой корабль, мой экипаж, как такси или станцию обслуживания. Объяснитесь, пожалуйста. Не думаю, что прошу слишком много. Просто ответьте на один вопрос: что, черт возьми, происходит?

«Коски уже сдает позиции, — думал Питт. — Он уже не петушится, не требует — он спрашивает».

— Вам все-таки не помешает спуститься сюда — часть ответа лежит здесь, в пепле.

После недолгих колебаний Коски в сопровождении огромного Доувера спустился по лестнице и очутился лицом к лицу с Питтом и Ханневеллом.

— Хорошо, джентльмены. Пусть так.

— Вы уже осмотрели большую часть корабля? — спросил Питт.

Коски утвердительно кивнул головой.

— Да. Хотя, надо сказать, за восемнадцать лет полной опасностей морской службы я никогда не видел столь разбитого и разоренного корабля.

— Вы его узнали?

— По-моему, это невозможно. Разве можно узнать то, что осталось? Судя по всему, это судно было предназначено для развлечений. Это — яхта. Это можно сказать с уверенностью. Что же касается прочего, об этом можно только гадать. — Коски несколько озадаченно посмотрел на Питта. — Собственно, ответа жду я. К чем вы клоните?

— Это «Лакс». Слышали когда-нибудь?

Коски кивнул.

— «Лакс» исчезла больше года тому назад со всей командой, включая и владельца, исландского магната горнорудного дела... — Он неуверенно пытался вспомнить. — Фири. Кристиан Фири. Господи, половина службы береговой охраны была задействована в поисках в течение нескольких месяцев. Но не нашли никаких следов. Так это «Лакс»?

— Вы стоите на ее палубе, — медленно произнес Питт, стараясь, чтобы его слова запали глубоко в сознание капитана. Он направил фонарик на пол. — А эта горстка пепла — все, что осталось от Кристиана Фири.

Глаза Коски расширились, он побледнел. Он сделал шаг вперед и бросил взгляд на то, что лежало в желтом освещенном кругу.

— Бог мой! Вы уверены?

— Без преувеличения, сгорел до неузнаваемости. Но доктор Ханневелл на девяносто процентов уверен, что это именно Фири собственной персоной.

— Да, кольца. Я невольно слышал это.

— Возможно, это немного. Но это значительно больше, чем мы смогли обнаружить около других трупов.

— Я никогда не видел ничего подобного, — сказал Коски озадаченно. — Это просто невозможно. Корабль таких размеров не мог бесследно исчезнуть почти на год, а потом вновь возникнуть сожженным дотла и замурованным в стену айсберга.

— Похоже, именно так и случилось, — вставил Ханневелл.

— Извините, док, — сказал Коски, глядя в глаза Ханневеллу. — Хоть я и не могу тягаться с вами в том, что касается науки о ледяных образованиях, но я достаточно много времени провел в Северной

Атлантике, чтобы знать, что айсберг может уплыть в другую сторону, увлекаемый течением. Он может дрейфовать по кругу или перемещаться вдоль берегов Ньюфаундленда в течение трех лет — этого времени достаточно, чтобы «Лакс» по какому-то невероятному стечению обстоятельств была зацеплена айсбергом, а потом и замурована внутрь. Но с точки зрения здравого смысла — это совершенно не выдерживает критики.

— Вы совершенно правы, — сказал Ханневелл. — Вероятность мала, но тем не менее это возможно. Как вам должно быть известно, сгоревшему судну требуется несколько дней, чтобы остыть. Если же течение или ветер погонят судно и будут держать его остов прижатым к айсбергу, то в течение сорока восьми часов, а может, и меньше, весь этот корабль окажется внутри, под покровом айсберга. Это аналогично ситуации, если, скажем, прижать к глыбе льда раскаленную кочергу. Кочерга расплавит себе путь внутрь ледяной глыбы, пока не остынет окончательно. Тогда лед, если он вновь замерзнет вокруг металла, крепко схватит его.

— Хорошо, док. Вы правы. Однако есть еще один немаловажный фактор, на который никто пока не обратил внимания.

— Да? — немедленно отозвался Питт.

— Последний курс «Лакс», — ответил Коски.

— Здесь нет ничего странного, — возразил Питт. — Это было во всех газетах. Фири со своим экипажем и пассажирами покинул Рейкьявик утром десятого апреля прошлого года и направился прямым ходом в Нью-Йорк. Последний раз его видели с танкера компании «Стандарт Ойл» в шестистах милях от мыса Фэруэлл, в Гренландии. После этого никто не видел «Лакс» и ничего о ней не слышал.

— До этого момента все шло прекрасно, — отозвался Коски. Он поднял до ушей меховой воротник и постарался унять дрожь от холода. — Кроме того, что видели ее вблизи пятнадцатой параллели — слишком далеко от района айсбергов.

— Я бы хотел напомнить всем, — произнес Ханневелл, — что и ваша служба береговой охраны зафиксировала полторы тысячи айсбергов за один год ниже сорок восьмой параллели.

— А я бы хотел напомнить вам, док, — настойчиво заявил Коски, — что в течение года, о котором идет речь, количество айсбергов ниже сорок восьмой параллели равно нулю.

Ханневелл только пожал плечами.

— Было бы лучше, доктор Ханневелл, если бы вы объяснили, каким образом айсберг появился там, где не мог появиться, да еще с «Лакс», вмерзшей в его середину, да вопреки основным течениям, через одиннадцать с половиной месяцев. Да еще отдрейфовал на четыре градуса на север, в то время как все другие айсберги в Атлантике дрейфовали на юг со скоростью три узла в час.

— Этого я объяснить не могу, — бросил Ханневелл.

— Не можете? — Лицо Коски потемнело, выражая недоверие. Он посмотрел на Ханневелла, затем на Питта, затем вновь на Ханневелла.

— Вы, поганые ублюдки! — свирепо прорычал он. — Перестаньте врать мне!

— Ну, чересчур острые выражения, командир, — отозвался Питт.

— А на что, черт возьми, вы рассчитывали? Вы оба — интеллигентные люди, тем не менее позволяете вести себя подобно дикарям. Вот вы, доктор Ханневелл! Всемирно известный ученый, и не можете просто объяснить, как может айсберг дрейфовать на север против Лабрадорского течения. Или вы мошенник, доктор, или вы — самый тупой из всех всемирно известных ученых. Истина состоит в том, что айсберг не может изменить направление дрейфа, так же как и ледник не может повернуть вспять.

— Никто не совершенен, — заметил Ханневелл, беспомощно пожав плечами.

— Не соблюдены и правила хорошего тона, и не получен и честный ответ. Не так ли?

— Это вовсе не вопрос порядочности каждого из нас, — заметил Питт. — Мы имеем свой приказ, как и вы имеете — ваш. Еще час тому назад мы с Ханневеллом действовали по заранее разработанному плану, который в данный момент уже вылетел в форточку.

— Ха-ха-ха. Каков же следующий шаг в нашей игре в шарады?

— Дело в том, что мы не можем все объяснить, — сказал Питт, — а можем чертовски мало. Я расскажу вам, что известно нам с доктором Ханневеллом. А после вы сделаете свои выводы.

— Вы могли бы снизойти до моего уровня и пораньше.

— Вряд ли, — сказал Питт. — Как командир корабля вы имеете всю полноту власти. В вашей власти не выполнить приказ вашего начальства или принять собственное решение, если вы чувствуете, что этот приказ несет угрозу экипажу и кораблю. У меня такой возможности нет. Мы должны были ошеломить вас, чтобы побудить сотрудничать с нами.

Кроме того, мы не имели права посвящать кого-либо в это предприятие. Я готов протестовать против подобных приказов хоть сейчас.

— Не собираетесь ли вы еще раз нас ошеломить?

— Может быть, — мрачно заметил Питт. — Все зависит от обстоятельств. Ханневеллу и мне больше ничего не надо. Мы умываем руки и направляемся прямо в Исландию.

— И бросаете все это на меня?

— А почему бы и нет? Заброшенное судно — это уже ваша забота. Помните, «Semper paratus» — «всегда готов». Таков ведь девиз службы береговой охраны.

Исказившееся лицо Коски выглядело довольно забавно.

— Я бы попросил касаться только фактов. Комментарии можете оставить при себе.

— Хорошо, — спокойно сказал Питт. — Все, что я рассказал вам на «Катавабе» было чистейшей правдой вплоть до одного момента — замены «Лакс» на «Новгород». На яхте Фири, разумеется, не было того, что именуется электронным оборудованием. Самой главной ценностью корабля были восемь высококвалифицированных инженеров и ученых из компании «Фири лимитед», направлявшихся в Нью-Йорк на секретные переговоры с двумя важными представителями нашего правительства в области оборонной промышленности. Где-то на корабле, может даже, в этой комнате, находились документы, содержавшие результаты геологических исследований шельфа. Что именно исследовательской группе Фири удалось обнаружить на дне морском — осталось загадкой, хотя информация эта была бы жизненно необходима огромному количеству людей. Наше собственное Министерство обороны также было не прочь наложить на эти данные лапу. Этого хотели и русские.

— Ваши последние слова объясняют многое, — произнес Коски.

— Что вы имеете в виду?

Коски обменялся понимающим взглядом с Доувером.

— Мы были одними из тех, кто принимал участие в поисках «Лакс» — это было первое задание «Катавабы». Не раз мы сталкивались с бороздившими океан русскими кораблями. Мы даже возгордились — нам казалось, они наблюдают за нашими поисками. А теперь оказывается, они просто вынюхивали, куда делась «Лакс».

— Именно поэтому мы и вмешались в ваши дела, — вставил Доувер. — Минут через десять после того, как вы с доктором Ханневеллом

покинули корабль, мы получили телеграмму от командующего береговой охраны о том, что русская подводная лодка патрулирует в районе паковых льдов. Мы пытались, но не смогли связаться с вами…

— Ничего удивительного, — сказал Питт. — Было важно, чтобы на радиосвязи соблюдалось строжайшее молчание, поскольку мы направлялись к пропавшему судну. Мне была дана строжайшая инструкция отключить радиосвязь. Мы не могли ни передавать, ни принимать.

— После того как командир Коски уведомил штаб о невозможности связаться с вами, — продолжил Доувер, — по горячей линии связи поступил строгий приказ следовать за вами и сопровождать вас, если подводная лодка предпримет какие-либо активные действия.

— И как вы нас нашли? — спросил Питт.

— Мы не успели пройти и два айсберга, как заметили ваш желтый вертолет. Он стоял, как канарейка, на верхушке айсберга.

Питт и Ханневелл глянули друг на друга и дружно рассмеялись.

— Вам это кажется шуткой? — серьезно спросил Коски.

— Везение, незаметное, простое, парадоксальное везение, — ответил Питт, на лице которого все еще блуждала улыбка. — Мы летели через настоящий ад целых три часа, прежде чем нашли этот плавучий ледяной дворец, а вы нашли его через пять минут.

Питт вкратце рассказал Коски и Доуверу о ледовой ловушке и о встрече с русской субмариной.

— Бог мой, — пробормотал Доувер, — Вы предполагаете, что не мы первыми ступили на этот айсберг?

— Это совершенно очевидно, — ответил Питт. — Метка ледового патруля была соскоблена. Мы с Ханневеллом нашли отпечатки следов почти во всех каютах корабля. И более того, есть еще кое-что, что переводит ситуацию из категории мистического в категорию жуткого.

— Пожар?

— Пожар.

— Совершенно очевидно, что это — несчастный случай. Пожары на кораблях случаются с тех пор, как первые редкие лодки стали плавать вниз по Нилу тысячи лет тому назад.

— Убийства случались и задолго до этого.

— Убийства! — повторил Коски. — Вы сказали — убийства?

— С большой буквы "У".

— Если не считать интенсивного пожара, я не заметил ничего, чего бы я уже не видел на других судах, — и трупы, и зловоние, и опустошение, и прочее. Что именно, по мнению уважаемого офицера Военно-Воздушных сил, отличает этот пожар от других?

Питт проигнорировал замечание Коски.

— Все абсолютно очевидно. Радист — в радиорубке, капитан с помощником — на мостике, пассажиры — в каютах и салоне, даже кок — в камбузе. Каждый находится именно там, где ему следовало быть. Объясните, командир какой это должен быть пожар, чтобы он охватил полностью весь корабль, сжег всех в прах, не дав никому возможности даже предпринять что-либо для спасения.

Коски почесал себя за ухом.

— Ни один брандспойт не задействован. Совершенно ясно, что никто и не пытался спасать судно.

— Ближайшее к огнетушителю тело лежит в двадцати футах. Экипаж вел себя вопреки всем законам человеческой логики. Такое ощущение, будто в последнюю минуту они решили умереть на местах, хотя я не могу представить себе кока, который предпочел бы умирать в камбузе.

— Это ничего не доказывает. Могла возникнуть паника...

— Что же убедит вас, капитан? Объясните случай с радистом. Он умер на своем месте, хотя всем известно, что сигналов бедствия с «Лакс» никто не получал. Кажется довольно странным, что он не смог послать хоть три-четыре слова с призывом о помощи.

— Продолжайте, — спокойно сказал Коски. В его пристальном взгляде появился проблеск интереса.

Питт закурил сигарету и выпустил круглое облако дыма в студеный воздух. На какое-то мгновение он показался нерешительным.

— Давайте поразмышляем об обстановке на этом судне. Вы сказали, капитан, что не видели ни одного сгоревшего судна в таком ужасном состоянии, как это. Почему? На нем не было ни взрывчатых веществ, ни возгорающихся предметов, можно исключить и баки с горючим. Да, они способствовали распространению пламени, но не до такой же степени. Кроме того, они находились в совершенно противоположной части судна, посмотрите, как глубоко выжжен каждый квадратный дюйм! Обшивка и все верхние надстройки сделаны из стали. А ведь кроме брандспойтов и огнетушителей, на «Лакс» была и автоматическая противопожарная система.

Он остановился и указал на свисавшие с потолка два куска арматуры.

— Пожар на судне обычно начинается в каком-нибудь одном месте, в машинном отделении или трюме, а затем распространяется из помещения в помещение. Требуются часы, а иногда и дни, чтобы пожар охватил весь корабль. Держу пари на любую сумму, что тому, кто будет расследовать обстоятельства возникновения пожара, придется попыхтеть, но рано или поздно заявить, что он вспыхнул мгновенно, сразу охватив весь корабль. Воспламенение произошло по причине или по вине лица, оставшегося неизвестным.

— А что вы думаете о причине?

— Огнемет, — ответил Питт.

С минуту потрясенные люди стояли в полной тишине.

— Вы представляете, что вы говорите?

— Представляю. Неистовый взрыв испепеляющего огня, жуткое шипение струи пламени, ужасный запах сгоревшего мяса. Так или как-то похоже, но огнемет — это единственный логичный ответ.

Они слушали его, замерев от ужаса. У Ханневелла что-то сдавило в горле, будто опять подступила рвота.

— Это… невообразимо, — пробормотал Коски.

— Вся эта трагедия невообразима, — тихо произнес Питт.

Ханневелл взглянул на Питта невидящим взором.

— Не могу поверить, что они стояли как бараны, безропотно позволив превратить себя в человеческие факелы.

— А разве вы не поняли? — спросил Питт. — Наш дьявольский друг каким-то образом отравил пассажиров и команду либо наркотиками, либо ядом. Может, он влил огромную дозу хлоралгидрата в их пищу или выпивку.

— А может, они были застрелены? — вставил Доувер.

— Я изучил останки некоторых из них. — Питт отрицательно покачал головой. — Ни признаков пуль, ни поврежденных костей.

— А может, он ждал, пока яд поразит их, а затем растащил их по всему кораблю? Он ходил из одного помещения в другое с огнеметом… — Коски умолк. — Как же этот убийца мог попасть сюда?

— Прежде чем ответить на этот вопрос, — жестко произнес Ханневелл, — давайте разберемся, куда он мог исчезнуть. Ведь на «Лакс» было

пятнадцать человек — мы нашли пятнадцать обгоревших трупов. Значит, эта работа выполнена командой какого-то другого корабля.

— Не получается, — произнес Коски. — Любое соприкосновение двух кораблей требует своего рода радиоконтакта. Если бы даже «Лакс» подобрала потерпевших аварию с какого-либо другого судна, капитан немедленно должен был доложить об этом. — Коски неожиданно улыбнулся. — Насколько я припоминаю, в последней телеграмме Фири просил зарезервировать для него пентхауз в отеле Стетлер-Хилтон в Нью-Йорке?

— Бедняга, — медленно проговорил Доувер. — Если успех и богатство имеют такой конец, то кому это нужно?

Он вновь посмотрел на то немногое, что оставалось на полу, и быстро отвернулся.

— Господи, какой же маньяк мог убить пятнадцать человек разом? Методически отравить их, а затем спокойно сжечь их из огнемета?

— Такой же, как и те, кто разбивает самолеты ради получения страховки, — сказал Питт. — Тот, кто способен убить другого, себе подобного, не испытывая при этом чувства вины, может угробить и самолет. Мотив же вполне очевиден. Фири и его люди сделали жизненно важное открытие. Его пожелали иметь Соединенные Штаты. Его пожелала иметь Россия. Но темная лошадка исчезла и унесла все с собой.

— Стоило ли этого всего, что произошло? — с болью во взгляде спросил Ханневелл.

— Это нужно было тому, шестнадцатому. — Питт посмотрел на жалкие останки на полу. — Неустановленному, незваному посетителю, ставшему причиной смерти всех на корабле.

Глава 5

Исландия — страна морозов и огня, страна с торосистыми льдами и курящимися вулканами, остров, на котором под золотыми лучами солнца переливаются красками красные потоки лавы, зеленая кудрявая тундра и сверкающая гладь голубых озер. Окруженная со всех сторон водами Атлантического океана, омываемая теплыми водами Гольфстрима с юга и холодными полярными морями с севера, Исландия расположена как раз посередине между Москвой и Нью-Йорком. Удивительной красоты остров, где, как в калейдоскопе, сочетаются самые не сочетаемые пейзажи, и совсем не такой холодный, как это представляется из названия. Средняя температура самого холодного месяца, января, редко опускается ниже той, что наблюдается на

побережье Новой Англии в Соединенных Штатах. Для тех же, кто видит Исландию впервые, остров кажется несравненным феноменом красоты.

Питт заметил выросшие на горизонте зубцы вершин, покрытых снежными шапками. Темно-синяя вода открытого моря на большой глубине постепенно меняла свой цвет на ярко-зеленый — цвет прибрежного прибоя. Питт изменил режим работы контрольных приборов, и вертолет плавно стал снижаться под углом в девяносто градусов, прокладывая курс вдоль торчавших из воды остроконечных, образовавшихся из застывшей лавы скал. Они миновали небольшую, прижавшуюся к полукруглой бухточке рыболовецкую деревушку. Крыши домиков, окаймленных светло-зеленой краской, радовали глаз красной черепицей. Одинокий форпост на пути к воротам за Полярный круг.

— Сколько времени? — спросил, пробуждаясь ото сна, Ханневелл.

— Десять минут пятого, утро.

— Господи, а поглядишь на солнце, кажется, четыре часа дня. — Ханневелл громко зевнул, сделав слабую попытку потянуться в крохотной кабине. — Я бы отдал правую руку только за то, чтобы оказаться в мягкой постели между хрустящими белыми простынями.

— Откройте глаза пошире, скоро будем.

— Сколько еще до Рейкьявика?

— Полчаса. — Питт бросил взгляд на приборы. — Мы могли бы уже прибыть, но мне очень хотелось полюбоваться побережьем.

— С тех пор как мы покинули «Катавабу», прошло шесть часов сорок пять минут. Вы показали неплохое время.

— Мы могли бы и его сократить, если бы не были перегружены лишним баком горючего.

— Да. Правда, без него пришлось бы около четырехсот миль до берега добираться вплавь.

Питт усмехнулся.

— Мы в любое время могли бы послать сигнал о помощи службе береговой охраны.

— Судя по настроению, в каком мы оставили капитана Коски, вряд ли он бросился бы за нами, даже если бы мы провалились в канализацию, а у него в руках была бы затычка.

— Да, да. Хотя, несмотря на его неприязненное ко мне отношение, я бы голосовал за него обеими руками, если бы ему решили присвоить звание адмирала. В моем списке он занесен как чертовски хороший человек.

— У вас своеобразная манера выражать свое восхищение, — сухо заметил Ханневелл. — Кроме вашего проницательного вывода об огнемете — за что я снимаю перед вами шляпу, — вы, действительно ничего ему не сказали.

— Мы сказали ему правду, насколько это было возможно. Все остальное — пусть это будет хоть пятьдесят процентов — только догадки. Единственный реальный факт, который мы назвали, это имя Фири.

— Цирконий. — Ханневелл смотрел в никуда. — Атомное число — сорок.

— Я едва прополз курс геологии, — заметил Питт с улыбкой. — Почему цирконий? Что делает его причастным к массовому убийству?

— Очищенный цирконий — необходимый компонент при создании атомных реакторов, потому что он совсем или почти совсем не поглощает радиацию. Любая страна в мире, имеющая возможность вести исследования в области атомной энергетики, отдала бы все на свете, чтобы добывать его вагонами. Адмирал Сандекер уверен, что Фири и его ученые действительно открыли крупные залежи циркония. Это значит, что цирконий находится под водой, но достаточно близко к поверхности, и что добыча его экономически выгодна.

Питт поглядел в окно на бесконечное, ничем не нарушаемое водное пространство. В море вышло рыболовное судно с цепочкой тянувшихся за ним лодок. Хрупкие суденышки двигались так спокойно, будто под ними было тонкое стекло. Он почти не замечал их, пристально разглядывая экзотическое побережье.

— Черт возьми это предпринимательство, — пробормотал он достаточно громко, чтобы, несмотря на шум мотора, его услышал Ханневелл. — Проблема разработки сырья на морском дне оказывается слишком сложной.

— Да, но не неразрешимой. «Фири лимитед» наняла ведущих мировых экспертов по вопросам разработки морского дна. Вы знаете, каким образом Кристиан Фири создал свою империю? Он добывал алмазы у берегов Африки. — Ханневелл произнес это с оттенком некоторого восхищения. — Ему было всего восемнадцать. Он был матросом на старом греческом фрегате, когда покинул корабль в маленьком портовом городке Бейре на побережье Мозамбика. Через короткое время он оказался втянутым в «алмазную лихорадку». Там в те дни стоял алмазный бум, однако крупные компании уже расхватали все выгодные участки разработок. Вот тут-то Фири и обошел всех — у него

был проницательный и творческий ум. Если алмазные залежи можно обнаружить на земле, думал он, то почему бы им не лежать под водой на континентальном шельфе? Каждый день в течение пяти месяцев он нырял в теплые воды Индийского океана, пока не обнаружил участок морского дна, подававший надежды. Теперь его задача была собрать достаточную сумму для приобретения нужного оборудования. Фири прибыл в Африку, не имея ничего, кроме рубашки. Просить у белых, располагавших деньгами, но заинтересованных в самостоятельных разработках, было бы пустой тратой времени. Они забрали бы все себе, оставив его ни с чем.

— Иногда один процент чего-то лучше, чем девяносто девять ничего, — вставил Питт.

— Но не для Кристиана Фири, — ответил Ханневелл, как бы защищая его. — Он обладал истинным здравым смыслом, присущим исландцам, — делись прибылью, но не упускай ее. Он отправился к черным мозамбикцам и предложил организовать их собственный синдикат, разумеется, с Кристианом Фири в качестве президента и генерального директора. Как только черные мозамбикцы выделили ему средства на приобретение посудины и оборудования, Фири начал работать по двадцать часов в сутки, пока не отладил все предприятие. Пять месяцев ныряния окупились вполне — разработки почти сразу же стали давать высококлассные алмазы. Через два года компания Фири оценивалась в сорок миллионов долларов.

Впереди, на несколько сот футов выше «Улиссес», Питт заметил черное пятнышко.

— Похоже, вы досконально изучили историю Фири.

— Может это прозвучит странно, — продолжал Ханневелл. — но Фири редко останавливался на каком-либо проекте более нескольких лет. Большинство людей истощают предприятие до основания. Но не Кристиан. Когда он преуспел в смелых своих мечтаниях, он передал все дело людям, финансировавшим начало этого предприятия.

— Вот так все и отдал?

— Всю техническую документацию, всю наличность и активно разрабатываемые трубки. Он распределил всю наличность между местными акционерами, создал администрацию из черных мозамбикцев, способных эффективно управляя предприятием без него, и сел на первый корабль, отплывавший в Исландию. Среди немногих белых, заслуживших глубокое уважение африканцев, имя Кристиана Фири занимает одно из самых высоких мест.

Питт внимательно следил за блестящей черной точкой в северной части неба, постепенно превратившейся в сверкающий реактивный самолет. Он наклонился вперед, стараясь защитить глаза от голубого блеска. Это был английский реактивный самолет новой конструкции, вмещающий до двенадцати пассажиров на борту, способный облететь полземного шара без дозаправки. Едва Питт осознал, что неизвестный самолет от носа до хвоста выкрашен черной краской, как тот исчез из поля зрения, улетев в противоположном направлении.

— И чего же еще похвального совершил Фири? — спросил Питт.

— Марганцевые рудники на острове Ванкувер в Британской Колумбии и разработки нефти на континентальном шельфе в Перу — это всего несколько примеров. Он превратил «Фири лимитед» в крупный промышленный концерн, специализировавшийся на глубоководных геологических исследованиях. И ничего больше.

— А семья у него была?

— Нет. Его родители сгорели при пожаре, когда он был еще совсем юным. Была у него сестра-близнец. Я, собственно, ничего о ней не знаю. Фири отдал ее в школу в Швейцарии, которую она закончила и, по слухам, позднее занялась миссионерской деятельностью в Новой Гвинее. Совершенно очевидно, что успехи брата в бизнесе для нее ничего не значили...

Ханневелл не успел закончить фразу. Он качнулся в сторону Питта с невидящим взглядом, рот открылся, будто от удивления. Питт увидел, что старик упал ничком, и весь его облик говорил о том, что он, вероятно, мертв. Плексиглас лопнул и разлетелся по кабине множеством мелких осколков. Питт отшатнулся вбок и выставил вперед руку, прикрывая лицо от обжигающих волн холодного воздуха. Сразу же он потерял контроль в управлении. «Улиссес» резко задрал нос вверх, отбросив Питта и лежавшего без сознания Ханневелла назад на спинки сидений. Тут Питт понял, что по фюзеляжу строчат из пулемета. Неожиданный бесконтрольный маневр вертолета спас ему жизнь. Пулеметчик, находившийся на борту черного самолета, выверил траекторию слишком поздно, а потому большая часть огня на поражение ушла в небо.

Таинственный самолет не смог подладиться под малую скорость вертолета и стал делать круги, готовясь к новой атаке. На этот раз Питт приготовился тоже. Пилот самолета пролетел под Питтом, не имея возможности использовать пулемет. Мрачная улыбка пробежала по лицу Питта, когда он снизил вертолет до двадцати футов над водой. «На победу рассчитывать не приходится, но хоть бы маленький шанс», — думал он. Питт крепче ухватился за рычаги управления своего

беззащитного вертолета и завис над водой, в то время как самолет бросился прямо на него.

Пулеметчик, лежа лицом вниз, посылал смертоносный огонь из открытых дверей грузового отсека, ожидая, когда он окажется на одной линии с вертолетом. Питт направил «Улиссес» прямо вверх на атакующий самолет, нанося сокрушительные удары лопастями винта вертолета и разрезая на куски горизонтальный стабилизатор самолета. Рокот самолета смолк, в небе стало тихо. Только ветер свистел в ушах Питта. Он успел взглянуть на неизвестный самолет как раз в тот момент, когда тот рухнул в море.

Питту и лежащему без сознания Ханневеллу было не намного лучше. Все, что он мог, — это сидеть и ждать, когда покалеченный вертолет камнем свалится с высоты в семьдесят футов в холодные воды Атлантики. «Улиссес» упал набок в прибрежные воды Исландии на глубину шесть футов и на расстояние футбольного поля от берега. К счастью, обжигающая холодная вода вернула Питту сознание. Его лицо исказилось от боли. Он отстегнул привязанные ремни и набрал в легкие воздух раньше, чем проходившая волна накрыла вертолет, быстро освободил лежавшего без сознания Ханневелла и поднял его голову над водой. Вдруг Питт подскользнулся. Он успел схватить Ханневелла за меховой воротник куртки и вместе с ним, борясь с накатами волн, стал плыть к берегу.

Если раньше Питт недоумевал, как люди могут тонуть, теперь это ему было понятно. Ледяная вода пронизывала каждый дюйм его кожи миллионом иголок. Уши были заложены, а голова охвачена сплошной невыносимой болью. Наконец, ударившись коленями об основание скалы, он попытался встать на ноги, поднял голову и с благодарностью вдохнул чистый исландский воздух. И в этот момент, в этом самом месте он поклялся себе, что если когда-нибудь решит покончить жизнь самоубийством, то ни в коем случае не будет топиться.

Он вышел из воды на берег, то неся, то волоча Ханневелла, будто один пьяный тащил другого. Сделав несколько шагов по берегу, Питт опустил свою ношу на землю и стал проверять у него пульс и дыхание. И то, и другое было учащенным, но постоянным. Тут он взглянул на левую руку Ханневелла. Она целиком была изрешечена пулями в районе локтя. Питт снял с себя рубашку, оторвал оба рукава и крепко перевязал рану, чтобы остановить кровь, посадил Ханневелла, прислонив его спиной к скале, и поднял раненую руку повыше.

Ничего больше Питт не мог сделать для своего друга. Он лег на камни и, расслабившись, насколько позволяла боль в теле, закрыл глаза, отключившись от созерцания великолепного арктического неба с пробегавшими по нему редкими облаками.

Питт находился в бессознательном состоянии несколько часов. И вдруг почувствовал какую-то тревогу. Он открыл глаза: небо и облака были такими же, но что-то изменилось. Достаточно было секунды, чтобы Питт понял, что перед ним стоят пятеро ребятишек. Они без страха разглядывали Питта и Ханневелла.

Питт, приподнявшись на локте, изобразил улыбку:

— Доброе утро, ребята! Рано вы поднялись, верно?

Не понимая ни слова, младшие уставились на старшего, а тот, поколебавшись несколько мгновений, сказал подбирая слова:

— Мы тут с сестрами и братьями пасли корову отца на лугу за скалами. Мы видели ваш... — Он сделал паузу.

— Вертолет?

— Да, именно. — Его лицо засветилось. — Вер-то-лет. Мы видели — ваш вертолет лежит в океане.

Его чистое скандинавское лицо окрасил румянец.

— Извините, сэр, мой английский, он такой неважный.

— Нет, нет... — мягко сказал Питт. — Это мне следует стыдиться. Ты говоришь по-английски, как профессор из Оксфорда, тогда как я не могу вымолвить по-исландски и двух слов.

Мальчик расцвел от его слов, помогая Питту встать на ноги.

— Вы ранены, сэр. У вас голова в крови.

— Я-то выживу. А вот у моего друга раны серьезные. Нам нужно быстро отвезти его к ближайшему доктору.

— Я уже послал свою младшую сестренку за отцом. Он быстро приедет на грузовичке.

В это время Ханневелл слабо застонал. Питт склонился над ним, поддерживая обеими руками его круглую лысую голову. Старик пришел в сознание. Его глаза округлились и смотрели на Питта. Затем он взглянул на ребят. Он тяжело дышал, пытаясь что-то сказать, но слова застревали у него в горле. В его глазах появилась какая-то безмятежность. Он сжал руку Питта и с напряженным усилием пробормотал: «Бог спасет тебя...» Затем вздрогнул и стал задыхаться. Через мгновение доктор Ханневелл был уже мертв.

Глава 6

Фермер и его старший сын донесли Ханневелла до «лендровера». Питт сел сзади, поддерживая голову океанографа. Он закрыл его глаза и пригладил несколько оставшихся на голове прядей седых волос. Большинство детей боятся смерти, но ребятишки, окружавшие Питта в кузове грузовика, сидели молча и спокойно. Их лица не выражали ничего, кроме абсолютного понимания того, что ждет каждого из нас.

Фермер, крупный мужчина приятной наружности, осторожно вел машину по узкой дороге сначала в гору, а затем через луг, оставляя облако красной вулканической пыли. Через несколько минут он остановился перед небольшим коттеджем на окраине деревни, над которой традиционно возвышалась исландская церковь с погостом.

Из дома вышел маленький хмурый мужчина со взглядом мягких зеленых глаз, спрятавшихся за очками в тонкой металлической оправе. Он представился как доктор Джонссон. Осмотрев Ханневелла, он провел Питта в коттедж, где обработал и перевязал рану на его голове и дал ему сухую одежду. Позднее, когда Питт уже пил густой крепкий кофе, вошли мальчик и его отец.

Мальчик поклонился Питту и сказал:

— Мой отец сочтет за честь отвезти вас и вашего друга в Рейкьявик, если вы пожелаете ехать туда.

Питт поднялся и взглянул в теплые серые глаза его отца.

— Скажи отцу, что я глубоко благодарен и что это мне оказана честь.

Он протянул руку исландцу и крепко пожал ее. Мальчик перевел, а его отец просто кивнул. Они повернулись и вышли из комнаты, не сказав больше ни слова.

Питт закурил сигарету и пристально посмотрел на доктора Джонссона.

— Вы принадлежите к старинному народу, доктор. Все вы, кажется, так и излучаете тепло вместе с учтивостью, а ваша внешность производит впечатление сухой с полным отсутствием эмоций.

— Жители Рейкьявика покажутся вам более открытыми. Такова страна. Мы родились на отрезанной от мира, застывшей, но прекрасной земле. Исландцы, живущие вне города, не любят лишней болтовни. Мы понимаем друг друга раньше, чем начинаем говорить. Жизнь и любовь — единое целое, а смерть воспринимается как неизбежное.

— Меня удивило, что дети, сидевшие рядом с трупом, были абсолютно безучастны.

— Смерть для нас — просто разлука. Посмотрите, — рука доктора указала через окно на могильный камень на погосте, — вот те, кто ушел раньше нас.

Некоторое время он смотрел на надгробия, над каждым из которых склонился свой ангел. Затем его внимание привлек фермер, который нес собственноручно изготовленный гроб. Крупный молчаливый мужчина, уверенно и осторожно, будто молодой отец своего первенца, опустил тело Ханневелла в традиционный ящик.

— Как зовут фермера? — спросил Питт.

— Мундссон. Торстейнн Мундссон. А сына его зовут Бьярни.

Питт продолжал смотреть в окно, пока гроб не был осторожно опущен в кузов грузовика. Тогда он обернулся:

— Я всегда буду мучиться мыслью: остался бы доктор Ханневелл в живых, если бы я сделал что-то по-другому.

— Кто знает? Запомните, мой друг, если бы вы родились на десять минут раньше или на десять минут позже, вы могли бы не встретиться никогда.

Питт улыбнулся.

— Я понял, что вы хотите сказать. Но действительность такова, что его жизнь была в моих руках, а я так нелепо потерял его.

Он немного помолчал, вспоминая все происшедшее.

— На берегу я отключился на полчаса после того как перевязал ему руку. Если бы я был рядом, может, он бы и не умер.

— Пусть совесть не мучает вас. Доктор Ханневелл умер не от потери крови. Это был шок от его ранения, шок от вашего падения, шок от того, что вы оказались в ледяной воде. Уверен, что вскрытие покажет — его изношенное сердце отказало раньше, чем он истек кровью. Его и так потрепали годы и, по-моему, он не отличался атлетическим сложением.

— Он был ученым. Океанографом. Лучшим.

— Тогда я завидую ему.

Питт посмотрел на деревенского доктора с недоумением.

— Почему?

— Человек посвятил себя морю и умер в море, которое так любил. Может, его последние мысли были так же чисты и прозрачны, как вода.

— Он говорил о Боге, — пробормотал Питт.

— Ему повезло. А я буду счастлив, если, когда придет мое время, меня положат для последнего успокоения здесь, на церковном погосте, всего в сотне шагов от того места, где я родился, жил, работал и любил.

— Я бы хотел разделить с вами ваше стремление оставаться на одном месте... — Питт оборвал фразу на полуслове, когда открылась дверь и в комнату вошли двое. Они были в полицейской форме. Один из них поприветствовал доктора кивком головы, и Питт вдруг понял, в чем дело.

— Вам не надо было тайно звонить в полицию, доктор Джонссон. Мне нечего ни от кого скрывать.

— Нет возражений. Но рука доктора Ханневелла явно пострадала от огнестрельного оружия. Я много раз лечил раненых охотников, поэтому точно знаю эти признаки. Закон гласит ясно, так же, как, я уверен, и в вашей стране. Я должен сообщать обо всех пулевых ранениях.

Питту все это не очень понравилось. Двое стоявших перед ним крепких полицейских вряд ли поверят рассказу о таинственном черном самолете, обстрелявшем «Улиссес». Связь между замурованным в айсберг судном и черным самолетом не была случайностью: то, что начиналось как обычные поиски исчезнувшего судна, обернулось втягиванием в тайную операцию. Он устал лгать — его тошнило от всей этой чертовой кутерьмы. Им владела одна мысль: Ханневелл мертв, и кто-то должен за это заплатить.

— Вы пилот вертолета, рухнувшего в воду, сэр? — спросил один из полицейских.

Питт безошибочно узнал английский акцент и уважительный тон, хотя «сэр» было подчеркнуто особо.

— Да.

Предельно краткий ответ Питта будто отбросил полицейского назад.

— Ваше имя и имя убитого?

— Питт. Майор Дирк Питт. Военно-Воздушные силы Соединенных Штатов. Убитый был доктором Уильямом Ханневеллом из Национальной службы глубоководных исследований.

Питту показалось странным, что ни один из полицейских не сделал и попытки записать полученную информацию.

— Конечный пункт вашего полета? Кефлавик?

— Нет. Вертолетное поле в Рейкьявике.

Некоторое удивление промелькнуло в глазах полицейского. Оно было едва уловимым, но Питт его заметил. Полицейский повернулся к своему напарнику, огромному темнокожему детине в очках, и сказал ему что-то по-исландски. Тот качнул головой в сторону «лендровера» и снова повернулся к Питту.

— Можете ли вы сказать, откуда вылетели, сэр?

— Из Гренландии. Я не могу назвать вам город. Название состоит из двадцати букв, но для американца они совершенно непроизносимы. Мы с доктором Ханневеллом участвовали в экспедиции по заданию нашего правительства, нанося на карту айсберги в Восточно-гренландском течении. Задача состояла в том, чтобы пересечь Датский пролив, дозаправиться в Рейкьявике и вернуться в Гренландию на пятьдесят миль севернее. К сожалению, мы плохо рассчитали, у нас кончилось горючее, и мы упали недалеко от берега. Вот и все, не считая мелких деталей.

Питт врал, не сознавая, зачем. «Бог мой, это становятся привычкой», — подумал он.

— А где именно вы упали?

— Откуда, черт возьми, я знаю, — ответил Питт раздраженно. — Пройдите три здания после луга, где пасут коров, затем поверните налево, на Бродвей. Вертолет припаркован между третьей и четвертой волнами. Он желтого цвета. Вы не ошибетесь.

— Пожалуйста, не теряйте благоразумия, сэр.

Питт почувствовал удовлетворение от внезапно вспыхнувшего лица полицейского.

— Мы должны знать все детали, чтобы написать рапорт своему начальству.

— Тогда почему бы вам не перестать задавать мне пустые вопросы и не спросить прямо о ранении доктора Ханневелла? — Питт взглянул на доктора Джонссона. — Вы сказали, что в этом причина их появления здесь?

— Я полагаю, вы объясните, каким образом был ранен ваш товарищ, — спросил один из полицейских.

— Мы прихватили охотничье ружье пострелять белых медведей, — медленно проговорил Питт. — Случайно оно разрядилось, и пуля задела локоть доктора Ханневелла.

Насколько он мог заметить, его сарказм не задел исландских полицейских. Они стояли в раздумье. «Над тем, как заставить меня

подчиниться, если я окажу сопротивление», — подумал Питт. Ему не пришлось долго ждать.

— Извините, сэр, но мы вынуждены забрать вас в участок для дальнейшего дознания.

— Единственное место, куда меня можно «забрать», — это американское консульство в Рейкьявике. Я не совершал преступлений в отношении исландского народа, а также не нарушил ни одного из ваших законов.

— Я достаточно хорошо знаком с нашими законами, майор Питт. Нам не доставляет удовольствия подниматься с постели в такую рань, чтобы вести расследование. Вопросы неизбежны. Ваши ответы нас не удовлетворяют, поэтому мы должны отвезти вас в участок. Там вы будете иметь возможность связаться с американским консульством.

— В свое время, сержант. А сейчас не будете ли вы так любезны представиться.

— Не понял? — Тот холодно взглянул на Питта. — Почему мы должны представляться? И так ясно, кто мы такие. Доктор Джонссон может засвидетельствовать.

Он не показал ни отпечатанную карточку, ни полицейский значок. Единственное, что он показал, было раздражение.

— Ваши официальные полномочия не вызывают сомнений, — почти извиняющимся тоном сказал Джонссон. — Но нашу деревню обычно патрулирует сержант Арнарсон. И я не помню, чтобы видел вас когда-нибудь раньше.

— У Арнарсона срочный вызов в Гриндавик. Он попросил нас принять ваш вызов до его возвращения.

— А вы переведены на наш участок?

— Нет. Мы как раз проезжали мимо, направляясь на север за одним заключенным. Мы остановились, чтобы перекинуться парой слов и выпить чашечку кофе с сержантом Арнарсоном. В этот момент позвонили вы и одновременно позвонили из Гриндавика.

— Видимо, тогда разумнее будет, чтобы майор Питт дождался здесь прибытия сержанта?

— Не думаю, — полицейский обратился к Питту: — Примите мои извинения, майор.

Повернувшись к Джонссону, он добавил:

— Будет лучше, доктор, если вы тоже пойдете с нами, чтобы оказать майору помощь. Это простая формальность.

«Странная формальность», — подумал Питт, размышляя над сложившимися обстоятельствами. Ему ничего не оставалось делать, как согласиться с желанием полицейских.

— Извините, джентльмены, — вмешался в разговор Джонссон, — но я не закончил обрабатывать рану майора. Мне надо ее промыть, прежде чем он сможет пойти куда-то. Пожалуйста, майор.

Он указал Питту на комнату рядом, где его осматривал. Дверь за ними закрылась.

— Я решил, что вы все заодно — решили меня освежевать, — пошутил Питт.

— Эти люди — мошенники, самозванцы. — прошептал Джонссон.

Питт ничего не сказал. Он подошел к двери, приложил ухо и прислушался.

— Вы уверены?

— Да. — Сержант Арнарсон не патрулирует Гриндавик и еще он не пьет кофе, потому что у него аллергия на кофе. Поэтому он даже не держит его у себя.

— А вы не обратили внимания на форму того, кто задавал вопросы? Она же ему мала. Может быть, это форма сержанта Арнарсона?

— Не понимаю, — прошептал Джонссон. — Что происходит?

— Ничего не могу сказать. Шестнадцать, а может сейчас уже и девятнадцать человек убиты, и это еще не конец. Похоже, сержант Арнарсон был последней жертвой. Теперь ваша и моя очередь.

Джонссон был поражен, руки его дрожали.

— Вы хотите сказать, что я должен умереть, потому что видел убийц и говорил с ними? А вы, майор? Почему они хотят убить вас?

— Потому что доктор Ханневелл и я видели то, чего не должны были видеть.

Джонссон долгим взглядом посмотрел на Питта.

— Они не смогут убить нас на глазах всей деревни. Исландия маленькая страна. Тут нельзя убежать далеко или долго скрываться от правосудия.

— Это профессионалы, и уже через час после того, как мы будем мертвы, они будут сидеть с выпивкой либо в Копенгагене, либо в Лондоне, либо в Монреале.

— Что же делать? Их машина и грузовик Мундссона стоят прямо перед домом — они прикончат нас раньше, чем мы успеем открыть дверь. — Питт махнул рукой в окно. Здесь негде скрыться. Вы сами это сказали.

— Тогда мы будем бороться.

— У вас есть какое-нибудь оружие?

— Нет. Мое хобби — рыбалка, а не охота. Если только… хирургические инструменты…

Питт осмотрел инструменты.

— У нас только одно преимущество — они не думают, что мы о чем-то догадываемся. А потому мы познакомим их со старой американской игрой, которая называется «приколи ослу хвост».

Через пару минут Джонссон приоткрыл дверь, через которую был виден Питт с бинтами на голове. Джонссон обратился к белому, говорившему по-английски.

— Мне понадобится помощь. Не могли бы вы ассистировать мне?

Полицейский удивленно поднял брови и повернулся к своему напарнику. Тот полудремал. Во избежание подозрений, Джонссон оставил дверь полуоткрытой, но так, чтобы была видна только часть комнаты.

— Не могли бы вы подержать голову майора обеими руками, чтобы я не прерывался. — Джонссон перешел на исландский, — Эти американцы как дети, когда им больно.

Мнимый полицейский засмеялся и толкнул доктора в бок. Он обошел вокруг Питта и схватил его голову обеими руками.

— Ну, ну, майор Питт. Несколько надрезов, пустяки. Вот если хороший доктор отрежет вам…

Все было сделано менее чем за четыре секунды. Не говоря ни слова, Питт мгновенно схватил врага за кисти рук, а доктор Джонссон залепил ему марлевым тампоном рот и всадил в шею шприц. Полицейский попытался крикнуть, но Питт так заорал, якобы от боли во время операции, что того просто никто не услышал. Он еще раз попытался вырваться, но Питт держал его мертвой хваткой. Затем глаза его закатились, и он упал без сознания на руки доктора Джонссона.

Питт наклонился, вытащил из его кобуры револьвер и тихо подошел к двери. Он выставил оружие и рывком открыл дверь. Секунду бандит тупо смотрел на него, затем его рука метнулась к кобуре.

— Замри! — приказал Питт.

Бандит проигнорировал команду, и тогда в маленькой комнате прогремел выстрел. Оружие вылетело из рук темнокожего. Пуля оторвала ему большой палец правой руки.

— Убейте меня, майор, — вдруг закричал он. — Быстро! Прямо здесь!

Он бил себя в грудь раненой рукой.

— Так. Значит, ты говоришь по-английски. Здорово, ты ничем не выдал, что понимал все, о чем здесь говорилось.

— Убейте меня!

— Зачем торопиться? У тебя впереди возможность быть повешенным за убийство сержанта Арнарсона. Вы ведь убили сержанта?

— Да, сержант мертв. А теперь сделайте это для меня.

Джонссон молча наблюдал за этой сценой.

— Давай, четырехглазый, — сказал Питт, — мы заключим с тобой сделку. Следующая пуля войдет прямо тебе в сердце, если ты назовешь мне имя человека, который тебе платит.

Тот посмотрел на Питта как затравленное животное, покачал головой, но не произнес ни слова.

— Сейчас не война, приятель. Ты не предаешь ни своего Бога, ни свою страну.

— Вы убьете меня, майор! Я заставлю! — он двинулся прямо на Питта.

Пуля тридцать восьмого калибра вонзилась в левую ногу бандита, как раз над коленной чашечкой. Убийца начал медленно оседать на пол. Вокруг него появилась лужа крови.

— Кажется, нашему другу больше нечего сказать, — Питт направил револьвер на темнокожего.

— Пожалуйста, не убивайте его, — попросил Джонссон. — Его жизнь не стоит бремени, которое ляжет на вашу душу. Отдайте мне револьвер.

Питт, поколебавшись, отдал Джонссону револьвер.

— Я позабочусь об этих двоих и свяжусь с властями немедленно, — сказал доктор. — А вы поезжайте с Мундссоном в Рейкьявик и побудьте в постели хотя бы денька два. Это приказ доктора.

— Ваше предписание трудно выполнимо, — заметил Питт. — Вы были правы, сказав, что всполошится вся деревня.

Он кивнул в сторону дороги. Там, с ружьями наготове, стояли человек двадцать деревенских жителей.

Питт поднял руки, чтобы они были хорошо видны.

— Думаю, доктор сейчас самое время дать мне ваши рекомендации. Эти добрые люди не уверены, кто из нас — хорошие парни, а кто — нет.

Джонссон встал рядом с Питтом и заговорил по-исландски. Когда он закончил, люди опустили ружья и стали расходиться. Джонссон протянул руку, и Питт крепко пожал ее.

— Надеюсь, вы добьетесь успеха в поисках этого человека, который ответит за такое количество бессмысленных убийств, — сказал Джонссон. — Однако я опасаюсь за вашу жизнь. Вы — не убийца. Ваше слабое место — ваше отношение к жизни. Когда наступит момент, прошу вас, мой друг, будьте твердым! Да будет с вами Бог и удача!

Питт махнул рукой доктору Джонссону, повернулся и спустился по ступенькам вниз. Бьярни оставил переднюю дверь «лендровера» открытой. Сиденье было мягким и удобным, но Питт не почувствовал этого: все его тело как бы оцепенело. Как только он сел, Мундссон завел мотор, и они двинулись по узкой дороге в сторону Рейкьявика. Питт погрузился в глубокий сон, который время от времени прерывался всплесками воспоминаний: что-то сказанное им, что-то виденное им, что-то неуловимое, как мелодия, которая вертится в голове, но не вспоминается, не давало его мозгу возможности расслабиться полностью и отдохнуть.

Глава 7

Время от времени он боролся с волнами на качающейся доске: шатаясь, тащил по пляжу Ханневелла, перевязывал океанографу руку — и вновь впадал в небытие. Каждый раз, когда какой-либо момент всплывал в его памяти, как кадр из далекого фильма, он отчаянно цеплялся за эти обрывки сознания, понимая, что ничего изменить уже нельзя. «Это всего лишь ночной кошмар», — думал он, пытаясь вырваться с этого забрызганного кровью пляжа. Усилием воли он заставил себя открыть глаза, рассчитывая увидеть перед собой пустую комнату.

— Доброе утро, Дирк, — проговорил мягкий голос. — Я уже потеряла надежду, что ты когда-нибудь проснешься.

Питт посмотрел в искрившиеся улыбкой карие глаза длинноногой девушки, сидевшей на стуле недалеко от изголовья его кровати.

— Последняя пташка с желтым клювом, которая сидела на моем подоконнике, нисколько на тебя не походила, — сказал он.

Она рассмеялась, тряхнув головой так, что ее густые каштановые волосы откинулись за спину, встала и подошла к кровати так грациозно, как ртуть пробегает по извилистой трубочке. На ней было красное шерстяное платье, плотно облегавшее точеную фигурку и открывавшее скульптурно вылепленные колени. Она не была ни экзотически красива, ни чрезмерно сексуальна, но она была пикантна — чертовски пикантна, — с той дерзкой привлекательностью, которая заставляла дрогнуть каждого встречавшего ее мужчину.

Она дотронулась до повязки на его голове и мелодично пропела:

— Ты, похоже попал в жуткую передрягу? Очень больно?

— Только когда я встаю на голову.

Питт понимал причины ее неподдельного беспокойства: он знал, кто она такая. Ее звали Тиди Ройял, и ее игривая внешность могла ввести в заблуждение. Она могла стенографировать и писать на машинке по сто двадцать слов в минуту, не вставая все восемь часов в день. Именно за это, по крайней мере, он так упорно утверждал, адмирал Сандекер взял ее на работу в качестве своего личного секретаря.

Питт сел на кровати, предварительно заглянув под одеяло, чтобы проверить, было ли на нем что-нибудь надето. На нем были только спортивные трусы.

— Раз ты здесь, значит, и адмирал где-то поблизости?

— Через пятнадцать минут после получения твоего сообщения по радио из консульства, мы уже сидели в самолете, отправлявшемся в Исландию. Он в шоке от смерти доктора Ханневелла. Он так винит себя.

— Он должен встать в очередь, — заявил Питт, — так как первым в этой очереди — я.

— Он так и сказал, что ты будешь чувствовать то же самое. — Тиди старалась говорить мягко, но у нее не очень получалось. — Спрятанное глубоко внутри, сознание вины будет мучить тебя, вынуждая анализировать, как можно было бы этого избежать,

— Экстрасенсорные способности адмирала выше всякой похвалы.

— О, нет. Я говорю не об адмирале.

Питт вопросительно взглянул на нее.

— Доктор Джонссон из той маленькой деревушки к северу позвонил в консульство и дал очень подробные инструкции, как будет проходить твое выздоровление.

— Что? Выздоровление? — взорвался Питт. — И вообще, что ты делаешь в моей комнате?

— Я — сиделка.

— Сиделка?

— Да. Я находилась здесь, пока ты спал. Так велел доктор Джонссон. Здесь был еще сотрудник консульства.

— А сколько времени?

— Около десяти часов... утра, следует добавить.

— Боже, я потерял почти четырнадцать часов. А где моя одежда?

— Думаю, на помойке. Она не годится уже даже на тряпки. Тебе надо одолжить что-нибудь у ребят из консульства.

— В таком случае не могла бы ты подобрать мне сейчас что-либо на время, пока я приму душ и побреюсь. — Он бросил на нее испытующий взгляд. — И, дорогая, не могла бы ты отвернуться к стене.

Она не двинулась с места.

— Я сидела и думала, каким ты окажешься, когда встанешь с кровати?

Он пожал плечами и сбросил одеяло. И только собрался встать на ноги, как перед глазами оказались три Тиди, комната закачалась, как резиновая, и в голове, стучало так, как будто ударили молотом.

Тиди подскочила к нему и, обеспокоенная, подхватила за правую руку.

— О, Дирк, тебе еще нельзя вставать.

— Ничего, ничего. Просто я слишком резко вскочил. Из тебя получится ужасная сиделка, Тиди. Ты слишком волнуешься за своих пациентов.

Он оперся на ее руку и подождал, пока головокружение не прекратилось. Осталась только сильная головная боль.

— Ты — единственный пациент, из-за которого я беспокоюсь, Дирк, — Она не спешила отпускать его руку. — Но ты, похоже, никогда не замечал этого, как, впрочем, и саму меня. И, я думаю, если бы мы столкнулись где-нибудь в пустом лифте, ты даже и не посмотрел бы на меня. Иногда я даже сомневаюсь, знаешь ли ты, что я существую.

— О, я хорошо знаю, что ты существуешь. — Он оторвался от нее и медленно побрел в ванную, стараясь не глядеть на девушку. — Рост у тебя чуть больше пяти с половиной футов, вес — сто тридцать пять фунтов, тридцать шесть дюймов вокруг бедер и восхитительные двадцать три дюйма в талии, бюст примерно тридцать шесть дюймов, третий номер. Фигурка в целом потянет на обложку «Плейбоя». Далее. Каштановые волосы обрамляют живое яркое лицо с блестящими карими глазами, тонким маленьким носиком, изящным ртом с двумя ямочками, которые появляются только тогда, когда ты улыбаешься. Да, еще. Две родинки за левым ухом, и... сейчас твое сердце бьется со скоростью примерно сто пять ударов в минуту.

Она застыла, проглотив на мгновение язык, как победитель телеконкурса, которому только что объявили о его выигрыше. Она подошла к нему, держась левой рукой за родинки.

— Невероятно! Не верю своим ушам. Нет... этого не может быть! Ты замечал меня — ты даже думал обо мне.

— Ну, сильно не обольщайся. — Питт выглянул из двери ванной комнаты. — Ты очень привлекательна, и ты мне нравишься; как любому мужчине понравится симпатичная девушка, но я не влюблен в тебя,

— Ты... ты никогда и не давал повода. Ты никогда даже не приглашал меня на свидание.

— Извини, Тиди. Ты — личный секретарь адмирала. А я следую одному правилу — никогда не затевать никаких интрижек с его служащими. — Питт оперся на дверь. — Я уважаю старика — он больше для меня, чем просто друг или шеф. И я не хотел бы осложнений за его спиной.

— Понятно, — смиренно пробормотала она. — Я не гожусь для той роли, когда герой бросает героиню ради секретарши.

— Может, ты годишься для роли девицы, которая сбегает в монастырь из-за отвергнутой любви?

— Мы будем ссориться?

— Нет, — ответил Питт. — Не будем, если ты станешь хорошей девочкой и подберешь мне что-нибудь из одежды. Посмотрим, так ли хорошо ты изучила мои размеры, как я твои?

Тиди ничего не сказала. Она только разочарованно покачала головой и вышла из комнаты.

Ровно через два часа, одетый в слаксы и спортивный джемпер, Питт сидел напротив адмирала Джеймса Сандекера. Адмирал выглядел усталым и постаревшим, намного старше своих лет. Его рыжие волосы

были всклокочены. Судя по щетине на щеках и подбородке, он не брился около двух дней. Он держал большую сигару, но, не зажигая ее, задумчиво крутил ее в руках. Он пробормотал что-то насчет того, что он рад видеть Питта живым, что все встанет на свои места и тому подобное. Затем он поднял на Питта усталые, налитые кровью глаза.

— Давай без предисловий. Рассказывай, Дирк.

Питт помолчал, а потом сказал:

— Я провел почти четыре часа, готовя подробный отчет о том, что произошло, начиная с момента, когда мы с Ханневеллом поднялись в воздух, со взлетной площадки НСГИ в международном аэропорту Даллес, до того, когда фермер со своим сыном доставили нас в консульство. Я описал также мои собственные наблюдения и соображения. Зная вас, адмирал, я не сомневаюсь, что вы прочитали это, по меньшей мере, дважды. Больше добавить мне нечего. Все, что могу сейчас, только ответить на ваши вопросы.

На лице Сандекера отразился определенный интерес, если не очевидное удивление от вопиющего отсутствия субординации. Он встал, возвышаясь над Питтом своими пятью футами и семью дюймами, в своем облегающем синем кителе, и посмотрел на него так, как он делал обычно, когда собирался произнести речь.

— Если мне понадобится человек с саркастическим умом, майор, — он уже не называл его Дирком, — то я вызову профессионалов — Дона Рикли или Морга Сахла. Я понимаю, что с тех пор, как я вытащил вас с прекрасного пляжа в Южной Калифорнии, вас заставила поволноваться служба нашей береговой охраны и русская подводная лодка, вы пережили леденящий кровь кошмар на айсберге, не говоря уже о расстреле с самолета, падении в Атлантику и ответственности за человека, который умер у вас на руках, — с тех пор прошло всего семьдесят два часа. Но все это не дает вам права так разговаривать со старшим по званию офицером.

— Извините за недостаток уважения, сэр, — сказал Питт тоном, в котором, однако, звучала легкая ирония. — Если я немного вспылил, то только потому, что чувствую во всем этом некоторую фальшь. У меня такое чувство, что вы запустили меня в лабиринт, позабыв снабдить путеводителем.

— И ?..

— Начать с того, что мы ходили по тонкому льду, когда пытались обмануть береговую охрану, чтобы получить площадку для заправки. По крайней мере, я так думал. Но не Ханневелл. Он был в курсе всего сценария от начала до конца. Я уже чувствовал себя сидящим в

тюремной камере, когда Коски отправил телеграмму командованию береговой охраны в Вашингтоне о проверке наших личностей. Я наблюдал за Ханневеллом — он погрузился в свои карты, как будто ничего не случилось. Ни дрожи в руках, ни капельки пота на лбу. Он был знаком с ситуацией, зная, что вы обо всем позаботились еще до того, как мы покинули Даллес.

— Не совсем. — Сандекер зажег сигару и лукаво взглянул на Питта. — Командующий инспектировал оборудование по наблюдению за ураганами во Флориде. Вы как раз пересекали Новую Шотландию, когда я разыскал его.

Он выпустил в потолок толстую струю дыма.

— Что еще?

Питт откинулся в своем кресле.

— Неясные, смутные очертания корабля были обнаружены в айсберге. Береговая охрана не имеет ни малейшего представления о том, что это за корабль. Четыре дня расследования ни к чему не приводят. Почему? Видимо, потому, что какой-то высокий, очень высокий чин из Капитолия, приказал — руки прочь. Вот почему.

Сандекер поиграл с сигарой:

— Надеюсь, вы отдаете отчет в том, что говорите, майор?

— Э-э, нет... сэр. Нет фактов, я только предполагаю. Но вы и Ханневелл не предполагали. Вы абсолютно не сомневались, что замурованный в айсберге корабль — это «Лакс», который числился исчезнувшим уже больше года. У вас были точные доказательства. Откуда они у вас были, я не могу сказать, но они были. — Зеленые глаза Питта устремились прямо на Сандекера. — И вот в этом месте ситуация покрывается туманом. Я был удивлен, а Ханневелл — просто ошарашен, когда мы обнаружили, что «Лакс» сгорел дотла. Этой детали не было в сценарии, верно, адмирал? Тогда весь ваш хорошо продуманный план стал рушиться. Кто-то, о ком вы не имели представления, играл против вас. Кто-то обладавший возможностями, которые превосходили ваши. Вы потеряли контроль над ситуацией, — продолжал Питт. — Даже русские были сбиты со следа. Вы перехитрили сами себя, адмирал. Предупреждение написано большими буквами — этот парень не играет в детские игры. Он убивает людей, как муравьев. А название игры, которая рекламируется, — цирконий. Я не покупаю его. Ханневелл был вашим другом в течение многих лет, адмирал, моим — только несколько дней, и я потерял его. Он находился под моей защитой. Я виноват. Он приносил такую пользу обществу, что, я думаю, лучше бы я оказался на его месте.

Сандекер никак не отреагировал на эти слова. Он немигающим взглядом следил за лицом Питта. Затем он встал, обошел вокруг стола и положил руки на плечи Питта.

— Дерьмо! — спокойно, но твердо бросил он. — Винить надо только меня. У меня было предположение, что может произойти, но я не успел выложить карты. Я не посвящал тебя в детали, потому что в этом не было необходимости. Ты был лучшим из моих людей, кому я мог доверить это. Как только ты доставил бы Ханневелла в Рейкьявик, я был намерен отправить тебя обратным рейсом в Калифорнию.

Он взглянул на часы.

— Через час разведывательный самолет ВВС вылетает в Нью-Джерси на базу Тайлер Филд. Ты можешь там пересесть на другой, до Калифорнии.

— Нет. Спасибо, адмирал, — Питт встал со стула и подошел к окну, глядя на остроконечные, залитые солнцем крыши домов. — Говорят, что исландские женщины славятся своей холодной красотой. Я бы хотел убедиться в этом сам.

— Я могу приказать.

— Не надо, сэр. Я понимаю, что вы хотите сделать, и я благодарен вам за это. Но первая попытка покушения на жизнь мою и Ханневелла была успешной наполовину. Вторая — более коварной и более тщательно разработанной, так как касалась меня одного. Третья должна стать шедевром. Поэтому я останусь и посмотрю, как она будет разыграна.

— Извини, Дирк. — Голос Сандекера смягчился. — Я не могу оставить тебя на произвол судьбы. Прежде чем я окажусь на твоей могиле, боюсь, я должен буду отдать тебя под военный трибунал за порчу государственного имущества.

Питт улыбнулся.

— И об уставных отношениях нам тоже надо поговорить, адмирал. — Он прошелся по комнате и уселся на край стола. — Последние полтора года я аккуратно выполняю все предписания, получаемые мной из вашего офиса. И я не задавал никаких вопросов. Но пришло время кое-что прояснить. Во-первых, возможно или нет вам отдать меня под военный трибунал. Сомневаюсь, что Военно-Воздушные Силы очень обрадует то, что их офицера будет судить морской суд. Второе и самое главное: НСГИ не является флагманом военно-морского флота. Поэтому вы не являетесь моим прямым начальником. Вы — просто мой шеф, не больше, не меньше. И если то, что я не соблюдаю субординацию, оскорбляет ваши чувства и морские традиции, вы можете просто застрелить меня.

Несколько секунд Сандекер молчал, но в его глазах загорелись лукавые огоньки. Он повернул голову и разразился глубоким раскатистым смехом.

— Боже! Может ли быть что-нибудь хуже, чем дерзкий Дирк Питт! Если только заразиться сифилисом и сгнить ко всем чертям. — Он снова сел за стол, скрестив руки над головой. — Хорошо, Дирк, я объясню: будешь играть с моей подачи — никаких самовольных действий. Согласен?

— Вы — начальник.

— Хорошо. Без всякой субординации расскажи мне всю историю с самого начала. Я читал отчет, но я хочу еще раз послушать ее, прямо из твоих уст. Начнем?

Выслушав Питта, Сандекер произнес:

— «Бог спасет тебя...», так он сказал?

— Именно. И после этого умер. Я надеялся, что доктор Ханневелл поможет мне найти ключ к разгадке о «Лакс» в промежутке между тем временем, когда она пропала и когда ее обнаружили замурованной в айсберг, но он предпочел рассказать мне душещипательную историю жизни Кристиана Фири и прочитать лекцию о цирконии.

— Он говорил, как ему было указано. Я не хотел впутывать тебя в эту историю.

— Это было целых два дня назад. Теперь я уже впутался по самые уши. — Питт наклонился к адмиралу. — А теперь, старая лукавая лиса, карты на стол. Что, черт возьми, произошло?

Сандекер ухмыльнулся, вытащил один из ящиков шкафа и поставил на него ногу.

— Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, куда ты впутываешься?

— Не имею ни малейшего представления, но расскажите же мне, наконец!

— Ну хорошо. — Сандекер сделал глубокую затяжку и выпустил струю дыма в потолок. — Вот, что я знаю. Хотя должен сразу сказать, что все мои сведения не составляют и пятидесяти процентов от общей картины. Около полутора лет назад исследователи Фири успешно разработали атомную глубоководную научно-исследовательскую станцию, способную идентифицировать от пятнадцати до двадцати минералов в толще морского дна. Зондирование производилось путем обработки металлических элементов нейтронами, вырабатываемыми лабораторно созданным продуктом, который называют селтиний-279. Активированные нейтронами элементы морского дна выделяют

гамма-лучи, которые анализируются на детекторе зонда. Во время испытаний в Исландии были обнаружены образцы магния, золота, никеля, титана и циркония, причем циркония — в огромных, невероятно огромных количествах.

— Понятно. Без зонда цирконий во второй раз не обнаружить, — задумчиво проговорил Питт. — Загвоздка, значит, не в самих редких металлах, а в зонде.

— Именно. Зондирование открывает неисчерпаемые возможности исследования морского дна. Кто обладает зондом, конечно, не станет повелителем мира, но он станет обладателем огромной финансовой империи, основанной на богатствах тех стран, в континентальном шельфе которых имеются большие запасы минералов.

Питт помолчал несколько секунд.

— Боже. Сколько же убийств может еще произойти!

Сандекер ничего не сказал, но потом заметил:

— Это зависит от того, в какие руки попадет эта техника. Есть люди, которые не могут убить и муравья, но есть и такие, кто готов перерезать глотку ради куска хлеба.

— В Вашингтоне вы говорили мне, что Фири и его исследователи готовы были сотрудничать с представителями оборонной промышленности Соединенных Штатов. Как я понимаю, вы немного преувеличили?

— Немного. Немного преувеличил. Фири должен был встретиться с президентом и ознакомить его с результатами зондирования. — Он посмотрел на Питта и продолжил: — Фири меня уведомил первым, что результаты испытаний успешны. Не знаю, что тебе говорил о Фири Ханневелл, но он был мечтатель, добрейшей души человек, который не то что убить, наступить на муравья не смог бы. Он сознавал, какую пользу для человечества могут принести его исследования. Он также сознавал, какие последствия могут быть, если аппаратура попадет в равнодушные руки, — поэтому он и решил передать ее той стране, в которой он был уверен, что результаты зондирования будут использованы только в полезных и благородных делах. Но добродетельность иногда оборачивается против самих хозяев. Я не знаю, кто еще оказался в курсе секретов Фири. Но если бы он не был так болтлив, он был бы сейчас жив.

Питт улыбнулся. Он хорошо знал адмирала: за взрывной внешностью скрывалось добрейшее сердце, сердце человека, ненавидевшего несправедливость.

— А наши, американские инженеры, не смогут разработать модель такого зонда?

— На самом деле один зонд у нас уже есть. Но, сравнивая его с зондом Фири, можно сказать о нем, что он, как велосипед по сравнению со спортивной гоночной машиной. Его люди сделали рывок, на десятилетие вперед обогнав и наших, и русских ученых.

— У вас есть какие-нибудь соображения, кто мог украсть зонд?

Сандекер отрицательно покачал головой.

— Нет. Соображение только одно, что это очень богатая организация. А в остальном, мы бродим в потемках.

— Может, какая-нибудь страна, у которой есть достаточные средства...

— Не следует забывать и прогноз Агентства национальной безопасности, — прервал его Сандекер. — Они уверены, что ни одно правительство не замешано в этом. Даже китайцы десять раз подумают, прежде чем убить две дюжины людей из-за невинного, не обладающего никакой разрушительной силой аппарата. Нет, здесь замешаны частные интересы. И, возможно, большие финансовые возможности.

Он беспомощно пожал плечами:

— Но какие, никто не знает.

— Хорошо. Пусть эта мистическая организация обладает зондом и найдет эти залежи богатой руды в жиле. Но как они поднимут это?

— Никак, — ответил Сандекер. — Без специального оборудования — никак.

— Тогда это теряет всякий смысл. Как я понимаю, они обладали этим зондом уже целый год, и какую выгоду им это принесло?

— Они использовали зонд достаточно активно, — серьезно заметил Сандекер. — Они исследовали каждый квадратный километр континентального шельфа Атлантического побережья Северной и Южной Америки, И находился этот зонд на «Лакс».

Питт непонимающе уставился на него.

— На «Лакс»? Как это?

Сандекер выбросил содержимое пепельницы в мусорную корзину.

— Помнишь доктора Лена Матаджика и его помощника Джека О'Райли?

Питт кивнул.

— Да, я сбрасывал им снаряжение месяца три назад, когда они разбили лагерь на льдине в заливе Баффина. Доктор Матаджик занимался исследованиями течений, проходивших на глубине десяти тысяч футов, пытаясь доказать свою любимую теорию, что глубоководный слой теплой воды может привести к таянию на Северном полюсе, если только хоть один процент ее поднимется наверх.

— А когда ты слышал о них в последний раз?

Питт пожал плечами.

— Я занялся проектом океанской лаборатории в Калифорнии, как только они перешли к рутинным, повседневным занятиям. А почему вы меня об этом спрашиваете? Вы же планировали и координировали их экспедицию?

— Совершенно верно. Я планировал их экспедицию, — медленно повторил Сандекер. Он размял костяшки пальцев и скрестил руки над головой. — Матаджик и О'Райли мертвы. Самолет, доставлявший их с айсберга, упал в море. Не найдено никаких следов.

— Странно. Я ничего не слышал об этом. Это случилось только что?

Сандекер взял следующую сигару и поднес спичку.

— Это случилось, чтобы быть точным, месяц и один день назад.

Питт в изумлении посмотрел на него.

— А почему такая секретность? Ничего не было в газетах, никаких сообщений по телевидению или радио. Как директор вашей службы специальных программ, я должен был первым узнать об этом.

— Кроме меня, в курсе этого происшествия был только один человек — радист, который принял их последнее сообщение. Я не делал никаких заявлений, потому что надеялся, что смогу поднять их из подводной могилы.

— Извините, адмирал. Я совершенно запутался.

— Ничего, — тяжело произнес Сандекер. — Пять недель назад я получил сообщение от Матаджика. О'Райли во время одного из походов по айсбергу заметил, что к северной его части пришвартовался рыболовный траулер. Не вступив с ними ни в какой контакт, он вернулся на базу и доложил Матаджику. Затем вдвоем они вернулись к месту стоянки траулера и поинтересовались у рыбаков, не нужна ли им помощь. Корабль, по словам Матаджика, производил довольно странное впечатление. Он стоял под исландским флагом, хотя большинство команды состояло из арабов, остальные же члены экипажа представляли разные страны, включая и Соединенные Штаты. И вместо

того, чтобы дрейфовать в море, пока они занимались ремонтом, они предпочли пристать к айсбергу, чтобы команда могла размять ноги.

— В этом нет ничего подозрительного, — заметил Питт.

— Капитан пригласил Матаджика и О'Райли на борт отужинать, — продолжал Сандекер. — Этот акт вежливости был в тот момент совершенно безобидным. Потом стало ясно, что это было сделано, чтобы избежать подозрений. Но, по абсолютной случайности, он привел к неожиданным результатам.

— Так, так. Двое наших ученых заметили на корабле то, чего они не должны были видеть.

— Ты угадал. Несколько лет назад Кристиан Фири принимал доктора Ханневелла и доктора Матаджика на борту своей яхты. Внешний вид корабля был изменен полностью, но когда Матаджик вошел в кают-компанию, он узнал «Лакс». Если бы он промолчал, он и О'Райли были бы сегодня живы. К сожалению, он безо всякой задней мысли поинтересовался, почему изысканный и роскошный «Лакс» был переделан в обычный рыболовный траулер. Этот невинный вопрос имел самые жестокие последствия.

— Они могли убить их прямо там и выбросить их тела в море — никто никогда бы не нашел их.

— Ты неправ. Одно дело, когда ко дну идет корабль, — газеты забыли об исчезновении «Лакса» через неделю, — но совсем другое дело, когда исчезают ученые и государственная исследовательская станция. Пресса бы пережевывала загадку пропавшей станции годами. Нет, если Матаджика и О'Райли пожелали убрать, они сделали это менее подозрительным способом.

— Расстреляв, например, без свидетелей безоружный самолет в воздухе?

— Это, видимо, было в основе плана, — грустно проговорил Сандекер. — У Матаджика зародились сомнения, уже когда они вернулись на станцию. Капитан просто объяснил совпадение, что корабль являлся близнецом «Лакс», принадлежавшим Фири. «Возможно, — рассуждал Матаджик. — Но если корабль является рыболовным траулером, где же рыба?» Не было даже характерного запаха. Он связался по радио со штаб-квартирой НСГИ и изложил мне все свои подозрения, предложив, чтобы служба береговой охраны проверила траулер. Я приказал им оставаться на айсберге, пока я в срочном порядке не пришлю за ними самолет, чтобы вывезти их в Вашингтон для подробного отчета.

Сандекер вновь вытряхнул пепельницу в корзину, угрюмо глядя в стол:

— Я опоздал. Капитан траулера, видимо, перехватил сообщение Матаджика. Их пилот сел на айсберг и забрал их. После чего они исчезли.

Сандекер полез во внутренний карман кителя и вытащил потрепанный листок бумаги:

— Вот последнее сообщение Матаджика.

Питт взял листок из рук Сандекера и разгладил на столе.

Там было написано:

«МАЙСКИЙ ДЕНЬ! МАЙСКИЙ ДЕНЬ! ЖЕСТОКОЕ НАПАДЕНИЕ. ЧЕРНЫЙ. НОМЕР ДВИГАТЕЛЯ...»

На этом сообщение обрывалось.

— Снова черный самолет?

— Именно. После этого единственной заботой капитана стало избежать проверки службой береговой охраны.

Питт задумчиво посмотрел на Сандекера.

— Но береговая охрана не появилась. Их не предупредили. Вы должны объяснить, почему вы продолжали хранить упорное молчание, когда узнали, что ваших людей убила, как скот, банда заезжих наемников.

— В то время я этого не знал, — неопределенность. прозвучавшая в голосе Сандекера, была совершенна ему не свойственна. Обычно он был решителен и прямолинеен, как крепежный винт.

— Я думал, что не следует радовать этих чертовых ублюдков тем, что у них вышло то, что они задумали. Я хотел бы оставить их в неведении. Я понимал, что хватаюсь за листик во время урагана, но было маловероятно, что они не сделают ни одного ложного шага, ни одной ошибки, которая могла бы дать нам надежду опознать их.

— А как вы организовали их поиск?

— Я объявил всем поисковым и спасательным командам Северного округа, что значительная часть оборудования, находившаяся на исследовательском судне, принадлежавшем НСГИ, была утеряна в том районе. Я дал приблизительный курс самолета... и ждал ответного сообщения. Но напрасно. — Сандекер беспомощно пожал плечами. — Так же напрасно я прождал сообщения, что кто-нибудь заметит траулер, напоминающий «Лакс». Он растворился.

— Поэтому вы и были абсолютно уверены, что в айсберге оказался именно «Лакс»?

— Скажем, я был уверен процентов на восемьдесят. Я также очень тщательно проверил все порты и предупредил все портовые власти от Буэнос-Айреса до залива Гуз в Лабрадоре. В двенадцати портах были зарегистрированы приход и отплытие исландского рыболовного траулера, напоминавшего «Лакс», с полностью измененным внешним видом. И что важно, он ходил под именем «Сюртсей». Кстати, «Сюртсей» на исландском означает «подводная лодка».

— Понятно. Рыбаки из северных стран вряд ли выдержат в южных морях. Они занимались глубоководным зондированием — вот единственное объяснение.

— Да. Но эта разгадка ставит перед нами целую кучу новых необъяснимых вопросов.

— Вы продолжаете контактировать с командиром Коски?

— Да. «Катаваба» находится сейчас около айсберга, в то время как целая команда специалистов тщательно «прочесывает» корабль. Три трупа были опознаны как члены команды Фири. Остальные сгорели так сильно, что опознать их было невозможно.

— Прямо история с привидениями Эдгара Аллана По. Фири и его команда исчезают в открытом море. Примерно через год «Лакс» появляется как исследовательское судно с совершенно другой командой. А через некоторое время тот же самый корабль оказался сожженным дотла и замурованным в айсберг с телами Фири и членов его команды. Да, чем глубже я влезаю в эту историю, тем больше понимаю, как правильно, что я не воспользовался самолетом и не отправился в Тайлер Филд.

— Ты был предупрежден?

Питт усмехнулся и потрогал повязку на голове.

— Ты счастливчик, Питт, — продолжал Сандекер. — Избежать двух покушений в один и тот же день...

— Да. Кстати, как два моих друга-полисмена?

— Их допрашивают. Но несмотря на методы, которые близки к методам гестапо, я очень сомневаюсь, что мы выудим из них хотя бы имя, звание и номер. Они постоянно твердят, что их убьют в любом случае, а потому — зачем давать нам информацию.

— Кто их допрашивает?

— Агенты из Национальной безопасности, находящиеся на нашей военно-воздушной базе в Кефлавике. Исландское правительство помогает всеми силами — Фири ведь был здесь почти национальным

героем. Они так же, как и мы, заинтересованы выяснить, что произошло с «Лакс» и зондом. Если ты спросишь, — продолжал он, — почему НСГИ вмешивается во всю эту историю вместо того, чтобы спокойно заниматься своими проектами, предоставив возможность распутать этот клубок супершпионам Агентства национальной безопасности, я тебе скажу — дело в Ханневелле. В течение многих лет Ханневелл сотрудничал с исследователями Фири, помогая им своими знаниями о последних достижениях в области зондирования. Именно он разработал процесс действия селтиния-279. Только он знал точно, как выглядит зонд, и только он безопасно мог разобрать его.

— Теперь понятно, почему Ханневелл должен был первым вступить на борт этого корабля.

— Именно, первым. Селтиний в чистом виде очень нестабилен. При определенных условиях он может взорваться с силой, равной пятидесятитонной фосфатной бомбы, но со свойственными только ему характерными особенностями. Селтиний взрывается очень медленно, сжигая все дотла на своем пути. В отличие от обычных взрывов, скорость его распространения очень мала. Она составляет примерно шестьдесят миль в час.

— Значит, мои предположения об огнемете отпадают. Это зонд взорвался и превратил «Лакс» в вечный огонь?

Сандекер кивнул.

— Ты почти прав.

— Но это означает, что зонд разрушен?

Сандекер снова кивнул, добавив:

— Все это — зонд, убийцы, результат их поисков, подземные богатства — все превратилось в ничто. Страшная картина.

— Может, организация, которая стоит за этим, имеет теперь в своем распоряжении чертежи и планы для создания нового зонда.

— Более чем вероятно. — Сандекер помолчал, затем продолжил. — Это принесет им мало пользы. Ханневелл был единственным человеком на планете, кто знал действие селтиния-279. Как он объяснял, эта реакция настолько простая, что он держал ее в своей голове.

— Идиоты, — пробормотал Питт. — Они уничтожили единственную возможность создания нового зонда. Но зачем? Ханневелл ведь не представлял для них серьезной угрозы, пока не обнаружил останки корабля, которые могли вывести нас на организацию и ее руководство.

— У меня нет ни малейшего представления. — Сандекер беспомощно пожал плечами. — Я даже не представляю, кто смог уничтожить красный опознавательный знак на айсберге.

— Да. Если бы знать, в каком направлении нам надо предпринять следующие шаги… — произнес Питт.

— Я позаботился о тебе.

— Надеюсь, это не станет очередным проявлением вашей благосклонности?

— Ты ведь говорил, что хотел бы проверить, правда ли, что исландские женщины славятся своей холодной красотой?

— Вы меняете тему, адмирал. — Питт посмотрел ему прямо в глаза. — Попробую догадаться. Вы хотите представить меня дородной сероглазой представительнице исландских властей, которая в течение всей последующей ночи будет мучить меня теми же занудными вопросами, на которые я уже отвечал много раз. Нет, адмирал. Спасибо.

Сандекер прищурился.

— Остынь. Девушка, которой я тебя собираюсь представить, — не дородная, не сероглазая, не представляет никакие официальные органы. Она — прелестнейшая девушка из всех, живущих к северу от шестьдесят четвертой параллели и, могу добавить, богатая.

— Правда? — Питт оживился. — Как ее зовут?

— Керсти, — улыбнулся Сандекер, — Керсти Фири. Она близнец Кристиана Фири.

Глава 8

Если бы ресторан «Снорри» в Рейкьявике можно было поднять в воздух и перенести в какой-нибудь из эпикурейских городов мира, он получил бы там немедленное признание. Его огромный зал с открытой кухней и земляными печами, расположенными всего в нескольких футах от обеденной зоны, был исполнен в стиле викингов. Стены, отделанные богатыми деревянными панелями, затейливая резьба на дверях и перекрытиях — все это располагало к расслабляющему изысканному ужину. Меню было составлено таким образом, чтобы угодить вкусам даже самого требовательного гурмана. Вдоль одной из стен был организован шведский стол с более чем двумястами различными блюдами местной кухни.

Питт осмотрел заполненный зал. За столиками сидели улыбавшиеся, болтающие исландцы с элегантными симпатичными женщинами. Пока его глаза разглядывали публику, а ноздри наслаждались дразнящим

запахом блюд, к нему подошел метрдотель и заговорил по-исландски. Питт в ответ указал на адмирала Сандекера и Тиди Ройял, удобно расположившихся за одним из столиков недалеко от стойки бара, и направился в их сторону.

Сандекер показал Питту на стул напротив Тиди и подозвал официанта.

— Ты опоздал на десять минут.

— Извините, — ответил Питт. — Я погулял немного по садам Тхарнаргардара и познакомился с местными достопримечательностями.

— А выглядишь так, как будто только что вышел из модного магазина мужской одежды, — с восхищением заметила Тиди. Ее большие карие глаза задержались на шерстяном бежевом свитере Питта, вельветовом пиджаке с поясом и клетчатых слаксах.

— Хотелось чего-нибудь новенького, — с улыбкой ответил Питт.

Сандекер взглянул на официанта.

— Повторите еще по одному. Ты что будешь, Питт?

— Что взяли вы с Тиди?

— Голландский джин с тоником. Он хорошо подходит к местным блюдам.

Питт поморщился.

— Нет, спасибо. Мне — мое старое надежное виски.

Официант кивнул и удалился.

— И где же это восхитительное создание, о котором я столько наслышан, — спросил Питт.

— Мисс Фири появится с минуты на минуту, — ответил Сандекер.

— До того как на нас напали, Ханневелл сказал, что сестра Фири была миссионером в Новой Гвинее.

— Да, хотя о ней было мало что известно. Пока Фири не назвал ее как единственное лицо, получающее доходы с доверительной собственности. Затем однажды она появилась в «Фири лимитед» и так прочно взяла власть в свои ручки, как будто она создавала всю эту империю. И не надейся соблазнить ее. Она хитра — так же, как и ее брат.

— Тогда зачем вы утруждаете себя таким длинным вступлением? Вы говорите «руки прочь» и в то же время, как мне кажется, я должен играть роль очаровательного принца. Будь завлекательным, но не слишком. Вы ошиблись во мне, адмирал. Я сам знаю, что я выгляжу

далеко не так, как Рок Хадсон или Пол Ньюман, но когда дело доходит до того, чтобы поволочиться за какой-нибудь юбкой, у меня появляется скверная привычка — я разборчив. Я не стану набрасываться на первую женщину, которая попадает в поле моего зрения, особенно если она — вылитый портрет своего брата, да еще полжизни была миссионером и железной рукой управляет гигантской корпорацией. Извините, адмирал, похоже, мисс Фири — это не мой тип.

— По-моему, это отвратительно, — неодобрительно заметила Тиди, подняв брови высоко над большими карими глазами. — НСГИ должна заниматься научными исследованиями в океанах. Но ничто из вашей беседы не кажется мне слишком научным.

Сандекер бросил на нее предостерегающий взгляд.

— Секретарши должны быть видны, а не слышны.

От дальнейших упреков Тиди спас официант, который принес заказанные напитки. Он заученным движением расставил их на столе и удалился.

Сандекер подождал, пока официант отойдет подальше, и повернулся к Питту.

— Почти сорок процентов проектов НСГИ посвящены исследованию поверхности моря. Россия является лидирующей державой в разработках, касающихся верхних слоев: исследования ее рыболовного флота превзошли наши достижения. Но она здорово отстает в глубоководных программах — ей мешает нехватка этого чертова специального оборудования для глубинных исследований. Это наша сильная сторона. И это преимущество должно быть закреплено. Наша страна имеет необходимые ресурсы, а «Фири лимитед» обладает «ноу хау». С Кристианом Фири у нас были хорошие рабочие контакты. Теперь, когда о нем осталась одна память, я бы хотел, чтобы результаты наших работ были похоронены в тот самый момент, когда мы достигли «золотой жилы». Я разговаривал с мисс Фири. Она отвечала достаточно уклончиво — сказала, что ей следует заново просчитать программы ее фирмы с нашей страной.

— Вы говорили — она хитра, — заметил Питт. — Может, она подыскивает покупателя побогаче? Нигде не сказано, что она должна быть столь же великодушна, как и ее брат.

— Черт ее знает, — фыркнул Сандекер. — Все может быть. Может, она ненавидит американцев?

— И не только она.

— Если так, то должна быть какая-то причина, и нам следует ее выяснить.

— И тут на сцене появляется Дирк Питт.

— Точно, но без каких-либо выкрутас. Я окончательно забираю тебя из проекта по созданию лаборатории в Тихом океане и направляю сюда. Забудь о роли секретного агента, пока ты здесь. Оставь интригу и мертвецов для Агентства национальной безопасности. Ты должен заниматься здесь своей основной работой — как директор специальных проектов НСГИ. Ни больше, ни меньше. И даже, если тебе в руки попадется какая-либо информация, позволяющая выйти на убийц Фири, Ханневелла и Матаджика, ты должен передать ее.

— Передать — кому?

Сандекер пожал плечами.

— Не знаю точно. АНБ не проинструктировало меня об этом перед отлетом из Вашингтона.

— Замечательно! Я опубликую все материалы в местной газете, — вяло заметил Питт.

— Не советую. — Сандекер сделал длинный глоток и поморщился. — Черт, что они нашли в этих исследованиях?

Он сделал еще глоток тоника.

— Я должен вернуться в Вашингтон послезавтра. У меня достаточно времени, чтобы расчистить тебе дорогу.

— С... м-м... мисс Фири?

— С «Фири лимитед». Я разработал программу обмена. Я забираю одного из их лучших инженеров с собой в Штаты, чтобы он исследовал наше оборудование, пока ты находишься здесь и изучаешь их оборудование. Твоя главная задача — восстановить тесное сотрудничество, существовавшее ранее между нами и фирмой Фири.

— Но если эта юная Фири отказалась сотрудничать с вами и НСГИ, то почему она согласилась встретиться с вами сегодня?

— Это жест вежливости. Доктор Ханневелл и ее брат были друзьями. Его смерть, а также тот факт, что ты совершил благородную, но безнадежную попытку спасти его жизнь, затронули ее чувства. Короче, она настояла на встрече с тобой.

— Не могу дождаться, когда встречусь с моим новым боссом лицом к лицу, — сказал Питт.

Сандекер кивнул.

— Ровно через пять секунд — она как раз вошла.

Питт повернул голову, как, впрочем, и все находившиеся в зале мужчины. Она стояла у входа: светловолосая и очень высокая. Идеал женщины. Неправдоподобно красивая, она как будто сохраняла позу престижной фотомодели перед камерой. Ее точеная фигура была облачена в длинное фиолетовое бархатное платье, украшенное национальной вышивкой по рукавам и кромке подола. Наконец она заметила жест Сандекера и пошла в направлении их столика, двигаясь с грацией балерины. Все женщины, находившиеся в ресторане, провожали ее завистливыми взглядами.

Питт отодвинул стул и поднялся. Пока она приближалась, он внимательно разглядывал ее лицо. Загар, вот что заинтриговало его. Такой тип слегка загорелой кожи не был свойствен исландским женщинам, даже если они часть жизни провели в отсталой Новой Гвинее. В целом же эффект был ошеломляющим: белокурые волосы, огромные фиалковые глаза, оттеняющее их цвет платье, беззаботные случайные взгляды с хорошо контролируемым возбуждающим эффектом — такую женщину Питт и представить себе не мог.

— Дорогая мисс Фири, я польщен, что вы согласились поужинать с нами. — Адмирал Сандекер поцеловал ей руку. Он повернулся к Тиди, которая надела маску дружелюбия:

— Разрешите представить вам мою секретаршу, мисс Тиди Ройял.

Женщины обменялись вежливым, но холодным приветствием.

Сандекер повернулся к Питту.

— Это майор Дирк Питт, настоящий двигатель всех проектов нашей организации.

— Это и есть тот джентльмен, о котором вы мне столько рассказывали, адмирал? — До Питта донесся голос, хрипловатый и необычайно сексуальный. — Я очень сожалею о трагической кончине доктора Ханневелла. Мой брат был о нем очень высокого мнения.

— Мы тоже сожалеем, — ответил Питт.

Наступила небольшая пауза, пока они разглядывали друг друга: Керсти Фири с дружеским интересом, Питт — с аналитическим мужским восхищением.

Он первым прервал паузу:

— Ели я так уставился на вас, мисс Фири, то только потому, что адмирал Сандекер забыл предупредить, что у главы «Фири лимитед» такие загадочные глаза.

— Мужчины и раньше говорили мне комплименты, майор Питт, но не называли мои глаза загадочными.

— Это с научной точки зрения. Глаза — это дверь к тем секретам, которые человек прячет в своей душе.

— А какие глубокие, темные секреты, вы полагаете, спрятаны в моей душе?

Питт засмеялся.

— Джентльмен никогда не раскроет секретов леди.

Он предложил ей сигарету, но она покачала головой.

— На самом деле, в наших глазах есть что-то одинаковое.

— Глаза мисс Фири — фиалковые, твои же — зеленые, — вмешалась в разговор Тиди. — Что может быть между ними общего?

— В глазах мисс Фири, как и в моих, есть лучики, которые разбегаются от зрачка к радужной оболочке. Иногда они вспыхивают. — Он замолчал, чтобы прикурить сигарету. — Мне говорил очень большой авторитет, что эти вспышки отражают психическую силу.

— Вы — ясновидящий? — спросила Керсти.

— Я проигравший, — ответил Питт. — Я всегда проигрываю в покер, потому что мне надо только прочитать карты или мысли партнера. А вы, мисс Фири, можете заглянуть в будущее?

Легкая тень пробежала по ее глазам.

— Я знаю свою судьбу настолько, насколько я могу контролировать ее.

Улыбающееся лицо Питта немного напряглось. Он нагнулся над столом и приблизил к ней лицо. Теперь только несколько дюймов разделяли их — зеленые глаза смотрели в фиалковые.

— Я полагаю, вы всегда получаете то, чего желаете?

— Да! — Ответ прозвучал моментально, без малейшего колебания.

— Тогда предположим, что ни при каких обстоятельствах я не сделаю попытки заняться с вами любовью.

— Я догадываюсь, о чем вы завели разговор, майор. — На ее лице появилось выражение вызывающей решимости. — Но если я

действительно захочу вас и вашего внимания, я подыграю вам. Но я редко трачу время на то, что мне не хочется делать. Я просто не замечу ваших пустых отказов.

Питт вел себя так, как будто не чувствовал напряжения в воздухе.

— О, мисс Фири, я и не предполагал, что вы такая превосходная актриса.

Адмирал Сандекер прокашлялся. Он подумал, что может произойти, если этот разговор продолжится в том же духе.

— Не понимаю, почему старый человек должен сидеть здесь и выслушивать эту легкую болтовню, когда он умирает с голоду? Особенно когда пища, находящаяся всего в десяти футах, привлекает наше внимание?

— Позвольте, я познакомлю вас с нашей национальной кухней, — предложила Керсти. — Надеюсь, аппетит майора Питта к еде более регулируем, чем к любви.

— Какой выпад! — Питт засмеялся. Он встал и отодвинул стул Керсти. — С этого момента каждый мой шаг вперед будет достаточно осторожным.

Блюда из рыбы казались бесконечными. Питт насчитал более двадцати различных блюд из лосося и около пятнадцати из трески. Они вернулись за столик с доверху нагруженными тарелками.

— Я смотрю, вам пришлось по вкусу вяленое мясо нашей акулы, майор. — Глаза Керсти улыбались.

— Я много слышал о том, как его готовят. И наконец получил возможность попробовать.

Улыбка в ее глазах сменилась удивлением, когда он съел несколько кусков.

— Вы уверены, что вам точно рассказывали, как мы готовим его?

— Конечно. Мясо акул, которые водятся в холодных водах, нельзя есть свежим, поэтому его нарезают тонкими кусками и зарывают в песок на берегу на двадцать шесть дней, а затем вялят на ветру.

— Но вы едите его сырым, — настаивала Керсти.

— А что, есть какой-нибудь другой способ? — спросил Питт, отправляя в рот очередной кусок.

— Не теряйте время, пытаясь шокировать его, мисс Фири. — Сандекер бросил неприязненный взгляд на мясо акулы. — Его хобби — приготовление всяких изысканных блюд, а специализация — рыба. Он является экспертом по приготовлению блюд из даров моря.

— На самом деле, это вкусно, — произнес Питт, отвлекшись от еды. — Однако малазийский вариант мне нравится больше. Они вялят мясо акулы, завернув его в морские водоросли, называемые ехидна. Это придает ему более утонченный вкус, чем у вашего исландского деликатеса.

— Американцы обычно заказывают бифштекс или цыпленка, — сказала Керсти. — Вы первый, кто предпочитает рыбу, из тех, кого я знаю.

— Не совсем так, — ответил Питт. — Как и у большинства моих сограждан, моим любимым блюдом является двойной гамбургер с жареной картошкой.

Керсти бросила взгляд на Питта и улыбнулась.

— Я начинаю думать, что у вас железный желудок.

Питт пожал плечами.

— У меня есть дядя — первый бонвиван Сан-Франциско. По мере моих скромных возможностей я стараюсь идти по его стопам.

Остаток ужина прошел в легкой беседе. Присутствующие расслабились и наслаждались дружеской атмосферой и хорошей едой. Через два часа, после того как подали взбитое мороженое с земляникой, приготовленное специально по заказу Питта шеф-поваром, Керсти стала извиняться за то, что ей пора уходить.

— Я надеюсь, вы не сочтете мня невоспитанной, адмирал Сандекер, но, боюсь, я должна очень скоро покинуть вас, мисс Ройял и майора Питта. Мой жених пригласил меня сегодня на поэтический вечер, и поскольку я всего лишь женщина, мне трудно отказать ему. — Она одарила Тиди мягкой женской улыбкой. — Я уверена, мисс Ройял, вы меня понимаете.

Тиди мгновенно отразила этот романтический выпад.

— О, я завидую вам, мисс Фири, жених, который любит поэзию, — редкая добыча.

Адмирал Сандекер засиял улыбкой.

— Мои искренние пожелания счастья вам, дорогая мисс Фири. Я и не знал, что вы обручены. И кто же этот счастливец?

«Адмирал хорошо держит себя в руках», — подумал Питт. Он знал, что Сандекер ошеломлен, что эта новость может полностью изменить все основные установки. Даже Питт задумался о том, каковы же будут новые правила игры.

— Рондхейм. Оскар Рондхейм, — объявила Керсти, — Мой брат познакомил нас через письма. Почти два года мы переписывались с Оскаром, прежде чем встретились.

Сандекер пристально посмотрел на нее.

— Постойте. Мне кажется, я знаю, его. Не он ли является владельцем международной цепи консервных заводов? «Рондхейм индастриз»? Рыболовный флот, равный военно-морскому флоту Испании? Или это другой Рондхейм?

— Нет, вы совершенно правы, — ответила Керсти. — Его главный офис находится именно здесь, в Рейкьявике.

— Рыболовецкие суда голубого цвета с красным флагом, в центре которого альбатрос? — уточнил Питт.

Керсти кивнула:

— Альбатрос — символ удачи Рондхейма. Вам знакомы его суда?

— Да, я несколько раз пролетал над ними.

Без сомнения, Питту были знакомы эти суда и их символ. Они были знакомы каждому рыбаку любой страны к северу от сороковой параллели. Рыболовы Рондхейма пользовались дурной славой: они уничтожали рыбные отмели, обрекая рыбу на вымирание, они воровали сети у других рыболовов и устанавливали свои красные сети в территориальных водах других стран. Альбатроса Рондхейма ненавидели так же, как фашистскую свастику.

— Слияние «Фири лимитед» и «Рондхейм индастриз» создаст самую мощную империю, — медленно, как бы взвешивая все возможные последствия, произнес Сандекер.

Мысли в голове Питта бежали в том же направлении. Внезапно этот поток прервал взмах руки Керсти.

— Вот и он! Вон там!

Они обернулись, следуя за взглядом Керсти, и увидели высокого, светловолосого, хорошо сложенного мужчину, твердой походкой направлявшегося к ним. Он был достаточно молод: ему не было и сорока, с мужественным лицом, на котором оставили свой след года океанских штормов и соленый воздух. У него были холодные серо-голубые глаза, тонкий прямой нос и мягкий рот, который, как размышлял Питт, во время деловых переговоров вытягивался в твердую агрессивную линию. Питт мысленно нарисовал себе резкого и коварного оппонента. Он пожелал себе никогда не поворачиваться спиной к этому человеку.

Рондхейм остановился у столика, его белоснежные зубы сверкнули в кажущейся сердечной улыбке.

— Керсти, дорогая, как замечательно ты сегодня выглядишь! — Он порывисто обнял ее.

Питт ждал, на ком остановятся теперь серо-голубые глаза, — на нем или адмирале.

Он ошибся: Рондхейм повернулся к Тиди.

— О! Кто эта приятная молодая леди?

— Это секретарь адмирала Сандекера. Мисс Тиди Ройял, — ответила Керсти. — Могу я представить вам Оскара Рондхейма?

— Мисс Ройял. — Он слегка поклонился. — Я очарован вашими необыкновенными глазами.

Питт прижал салфетку к губам, чтобы заглушить усмешку.

Тиди начала хихикать, а Сандекер расхохотался так, что привлек внимание сидящих за соседними столиками. Питт не сводил глаз с Керсти. Он был заинтригован испуганным, почти паническим выражением, промелькнувшим на ее лице, прежде чем она смогла выдавить легкую улыбку и присоединиться к веселью присутствующих.

Рондхейм ничего не понял. Его глаза смотрели безучастно, выражая смущение, а губы угрожающе вытянулись в приступе ярости — не надо быть слишком проницательным, чтобы понять — этот человек не привык служить предметом для насмешек.

— Я сказал, что-то смешное? — спросил он.

— Похоже, что в этот вечер все говорят комплименты женщинам об их глазах, — ответил Питт.

Керсти объяснила Рондхейму о чем идет речь и торопливо представила Сандекера.

— Мне действительно очень приятно познакомиться с вами, адмирал. — Глаза Рондхейма вновь обрели свойственное им холодное выражение. — Ваша репутация моряка и океанографа хорошо известна среди людей морской профессии.

— Ваша репутация не менее хорошо известна среди людей морской профессии, мистер Рондхейм. — Адмирал пожал его руку и повернулся к Питту. — Майор Дирк Питт, директор специальных программ моей службы.

Рондхейм сделал небольшую паузу, с холодным профессионализмом оценивая стоявшего перед ним человека, прежде чем протянуть ему руку.

— Как поживаете? — Питт сцепил зубы: рука Рондхейма сжала его как клещи. Питт поборол желание выдернуть свою; напротив, он расслабил ее в мертвой хватке Рондхейма.

— Бог мой, мистер Рондхейм, вы очень сильный человек!

— Извините, майор. — Рондхейм вздрогнул и отдернул свою руку так, как будто по ней прошел ток. — Люди которые работают на меня, грубой породы, они требуют такого обращения. Когда я изредка покидаю палубу рыболовного судна, я забываю вести себя на земле как джентльмен.

— Что вы, мистер Рондхейм, вам незачем извиняться. Я восхищаюсь мужественными людьми. — Питт поднял руку и пошевелил пальцами. — Пока я могу держать в ней кисть, ей вреда не причинить.

— Вы увлекаетесь живописью, майор? — спросила Керсти.

— В основном пейзажной. Я люблю также писать живые цветы. В цветах есть что-то, что вдохновляет душу, не так ли?

Керсти с любопытством посмотрела на Питта.

— Я бы хотела взглянуть когда-нибудь на ваши работы.

— К сожалению, все мои полотна в Вашингтоне. Однако, пока я здесь, я был бы рад познакомить вас с моими впечатлениями от Исландии. Я хотел бы написать серию акварелей. Вы сможете повесить их в вашем офисе.

— Вы очень любезны, но я не смогу принять…

— Чепуха, — прервал ее Питт. — Ваше побережье прекрасно. Я только не знаю, смогу ли я ухватить контраст между морем и скалами в их естественном освещении.

Керсти вежливо улыбнулась.

— Если вы настаиваете. Но вы должны обещать принять от меня что-либо взамен.

— Только одно — судно. Писать побережье лучше всего с моря. Ничего необычного. Какой-нибудь маленький крейсер.

— Обратитесь к начальнику моего дока, майор. Он подберет для вас что-нибудь подходящее. — Она поколебалась минуту, когда Рондхейм

положил ей руку на плечо и шею. — Наши судна пришвартованы на двенадцатом причале.

— Пойдем, дорогая, — мягко сказал Рондхейм, оскалив белоснежные зубы. — Сегодня вечером Макс читает свои новые стихи. Мы не должны опаздывать.

Его рука сжала ее.

— Я надеюсь, добрые люди простят нас.

— Конечно, конечно, — сказал Сандекер. — Это были чудесные два часа, мисс Фири. Спасибо, что составили нам компанию.

Прежде чем кто-либо успел произнести слово, Рондхейм взял Керсти под руку и вывел из зала. Как только они скрылись за дверью, Сандекер бросил салфетку на стол.

— Ну, Питт, не объяснишь ли теперь свои слова?

— Какие?

— «Я восхищаюсь мужественными людьми», — изобразил Сандекер.

Питт наклонился вперед, положив локти на стол. Его лицо было крайне серьезно.

— В некоторых ситуациях получаешь преимущество тогда, когда тебя недооценивают. Это одна из них.

— Рондхейм?

— Именно. Он и есть причина внезапного отказа Фири сотрудничать с Соединенными Штатами и НСГИ. Он не дурак. Как только он женится на Керсти, контроль над двумя мощнейшими частными корпорациями попадет в одни руки. Возможности будут огромны. Исландия вместе с ее правительством слишком мала, слишком зависима в своей экономике от будущего картеля Рондхейма — Фири, чтобы оказать хоть малейшее сопротивление любому хорошо финансируемому новому режиму. Затем, при правильной стратегии, и руках Рондхейма окажутся Фарерские острова и Гренландия — а это фактический контроль над Северной Атлантикой. После этого, можно только предполагать, в каком направлении будут простираться его амбиции.

Сандекер покачал головой.

— Твои рассуждения зашли слишком далеко. Керсти Фири никогда не осмелится выступить в одиночку на международной арене.

— У нее не будет выбора. В семье все пороки исходят от доминирующей личности.

— Женщина слепа в своей любви, это ты хочешь сказать?

— Нет, — ответил Питт. — Не похоже, чтобы она была сильно влюблена в него.

— Теперь ты уже эксперт по сердечным делам, — саркастически сказал Сандекер.

— Молчу, молчу. — Питт улыбнулся, — Но среди нас, к счастью, есть эксперт, обладающий внутренней естественной интуицией на эти вещи.

Он повернулся к Тиди.

— Какова твоя женская точка зрения?

Тиди кивнула.

— Она его боится.

Сандекер, размышляя, взглянул на нее.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что сказала, — твердо повторила Тиди. — Мисс Фири до смерти боится мистера Рондхейма. Вы не заметили, как он сжал ее шею? Я гарантирую, что всю следующую неделю она будет носить высокие воротники, пока не исчезнут синяки.

— Ты уверена, что не воображаешь и не преувеличиваешь?

Тиди покачала головой.

— Она еле сдержалась, чтобы не вскрикнуть.

В глазах Сандекера появилась враждебность.

— Чертов сукин сын.

Он взглянул на Питта.

— Ты тоже заметил это?

— Да.

Ярость Сандекера возросла.

— Почему же ты не остановил его?

— Я не мог, — ответил Питт. — Тогда бы я вышел из роли. Рондхейм полагает, что я растяпа. Пусть он и дальше так думает.

— Хотелось бы надеяться, что у тебя есть хотя бы смутная идея, зачем все это нужно, — проворчал Сандекер. — Но я боюсь, ты загонишь себя в

угол с этой дурацкой выдумкой, что ты — художник. Я же знаю, ты не можешь провести и прямой линии, «Естественное освещение» — кошмар!

— Я и не буду. Тиди окажет мне эту маленькую услугу. Я видел образцы ее работ. Они вполне приличны.

— Я увлекаюсь абстракциями, — вмешалась Тиди, — я никогда не писала реалистических морских пейзажей.

— Ничего, — ответил Питт. — Сделай абстрактный морской пейзаж. Нам ведь не надо производить впечатление на главного хранителя Лувра.

— Но у меня нет ничего с собой. Кроме того, послезавтра мы с адмиралом возвращаемся в Вашингтон.

— Ваш полет только что отложили. — Питт повернулся к Сандекеру. — Правда, адмирал?

Сандекер скрестил руки и помолчал с минуту.

— Исходя из того, что мы узнали за последние пять минут, видимо, будет лучше, если я отложу наше возвращение на несколько дней.

— Смена климата пойдет вам на пользу, — заметил Питт. — Вы даже сможете совершить рыболовную прогулку.

Сандекер посмотрел Питту в лицо.

— Подражание голубым, уроки рисования, рыболовная прогулка. Будь добр, объясни старику, что за подвижные мысли бродят у тебя в голове?

Питт поднял бокал с водой и залпом выпил его.

— Черный самолет, — спокойно ответил он. — Черный самолет, погребенный в водном саване пучины.

Глава 9

На двенадцатый причал они пришли около десяти часов утра. Высокий смуглый охранник пропустил их через шлагбаум. На Сандекере был надет старый мятый костюм и мягкая запачканная шляпа. В руке он держал удочку и сундучок с рыболовными принадлежностями. Тиди была в слаксах и блузке, завязанной узлом, поверх которой была надета теплая мужская ветровка. На одном ее плече висел мольберт, а на другом маленький рюкзачок, обе руки были глубоко засунуты в карманы ветровки. Однако охранник остановил свой взгляд на Питте, который вихляющей походкой замыкал шествие. Если Сандекер и Тиди были одеты для рыбалки, то Питт был похож скорее на гомосексуалиста. На нем были натянуты красные замшевые сапоги, парусиновые брюки,

сшитые из разноцветных полос, которые трещали при каждом его шаге. Брюки поддерживал широкий гобеленовый ремень, а сверху был облегающий темно-красный свитер с желтым платком, завязанным на шее. Его глаза весело блестели из-под очков от Бена Франклина, а на голову была надета вязаная шапочка с кисточкой. Охранник в изумлении стоял, разинув рот.

— Привет, сладкий. — Питт лукаво поприветствовал его. — Готово наше судно?

Охранник, онемев, продолжал стоять. Его глаза отказывалась верить тому явлению, которое возникло перед ним.

— Пошли, пошли, — сказал Питт. — Мисс Фири любезно разрешила нам воспользоваться одним из ее судов. Которым же? — Питт уставился в промежность охранника. Парень дернулся, как будто его лягнули. Ошеломленное выражение на его лице быстро сменилось на крайнее отвращение. Не говоря ни слова, он провел их по причалу и через сто футов остановился, указывая на сверкающий тридцатидвухфутовый крейсер «Крис Крафт».

Питт прыгнул на борт и исчез в глубине. Через минуту он уже был на причале.

— Нет, нет. Это слишком роскошно. Для творчества должна быть творческая атмосфера.

Он посмотрел вдоль причала.

— А вот то, как?

Прежде чем охранник успел вымолвить хоть слово, Питт пробежал вперед и запрыгнул на палубу сорокафутового рыболовного судна. Он быстро обследовал его, затем высунул голову из люка.

— Это подходит. У него есть характер, нагая уникальность! Мы возьмем это.

Охранник минуту поколебался. В конце концов он пожал плечами и направился к выходу, кидая на Питта частые неодобрительные взгляды.

Когда он был уже далеко. Тиди спросила:

— А почему эта грязная посудина, а не та блестящая яхта?

— Питт знает, что делает. — Сандекер установил удочки и сундучок на старой, обшитой досками палубе и взглянул на Питта. — Что, есть здесь эхолот?

— Флеминг шесть-десять, лучший из лучших. Сверхчувствительные частоты для обнаружения рыбы на разной глубине. — Питт спустился вниз по узкому трапу. — Это судно — наша удача. Разрешите, я покажу вам машинное отделение, адмирал.

— Ты хочешь сказать, что мы отказались от прекрасного «Криса Крафта» только потому, что там не было эхолота, — разочарованно протянула Тиди.

— Именно так. Эхолот — наша единственная надежда найти черный самолет.

Питт повернулся и помог Сандекеру спуститься вниз по узкому трапу в машинное отделение. Затхлый воздух и сырой запах машинного масла и трюмной воды сразу же окутали их, заставив почувствовать резкую перемену после чистого воздуха снаружи. Но был и другой запах. Сандекер вопросительно посмотрел на Питта:

— Испарения бензина?

Питт кивнул.

— Взгляните на двигатели.

Дизельный двигатель для небольшого судна, особенно рыболовного, является наиболее надежным. Тяжелый, с малым количеством оборотов в минуту, медленный, но дешевый и надежный, дизель используется практически на всех рыболовных судах, кроме парусных. Здесь же, с пропеллерами, направленными в трюм, размещались два «Стерлинга» с мощностью в 420 лошадиных сил в час. Бензиновые двигатели сверкали в тусклом свете машинного отделения, как спящие гиганты, ожидающие только приказа, чтобы начать свои мощные действия.

— Какого черта на подобной шаланде установлены такие двигатели, — пробурчал Сандекер.

— Если я не ошибаюсь, — пробормотал в ответ Питт, — охранник сглупил.

— Что ты имеешь в виду?

— На полке в капитанской каюте я нашел вымпел с альбатросом. Это судно принадлежит Рондхейму, а не Фири.

Сандекер задумался.

— Мисс Фири сказала нам найти начальника дока. По каким-то неизвестным причинам его не оказалось на месте, и причал был оставлен в ведении этого седеющего типа с усами, испачканными табаком. Можно только удивляться, почему нас не вернули назад.

— Нет ничего странного. Рондхейм внимательно наблюдал за нами, но мы не дали ему никакого повода подозревать нас — ни словом, ни делом. А охранник честно ошибся. Без специальных инструкций он, видимо, решил, что нам позволено выбирать судно на причале, а потому он, естественно, предложил нам лучшее. В инструкциях ничего не было сказано, что мы выберем эту маленькую драгоценность.

— Но что она здесь делает? Вряд ли Рондхейм нуждается в месте на пирсе.

— Какая разница, — широко улыбнулся Питт, — Раз ключи в зажигании, я предлагаю завести ее и тронуться в путь, пока охранник не передумал.

Адмирала не надо было убеждать. Его не надо было уговаривать, если он считал, что эта нечестная игра приведет к благородным результатам. Он расправил свою шляпу и отдал первый приказ своей новой команде.

— Вперед, майор. Я с нетерпением хочу посмотреть, на что способны эти «Стерлинги».

Через минуту на причале показался охранник, который размахивал руками, как сумасшедший. Но было поздно. Питт уже стоял на палубе, тогда как Сандекер, счастливый, как ребенок с новой игрушкой, включил моторы и направил судно в залив Рейкьявика.

Судно называлось «Гримзи». Его крошечная рулевая рубка, находившаяся всего лишь в пяти футах от кормы, создавала впечатление, что оно движется в направлении, противоположном тому, которое задумал его создатель, устанавливавший киль. Это было очень старое судно — столь же старое, как и компас, висевший позади штурвала. Сохранившие запах моря доски красного дерева, которые устилали палубу, были вытерты, но еще достаточно прочны. С берега судно казалось старой изношенной посудиной, но как только заработали его мощные «Стерлинги», оно взмыло из воды носом вверх, как парящая над морем чайка.

Сандекер отдал дроссели назад, на холостой ход, и пустил «Гримзи» в легкое путешествие по заливу Рейкьявика. Судя по «уставной» улыбке, появившейся на лице адмирала, он, казалось, чувствовал себя капитаном военного крейсера. Он как бы вернулся в прошлое и наслаждался каждой минутой путешествия. Для заинтересованного наблюдателя пассажиры судна выглядели как обычные туристы, совершающие круиз по морю. Тиди, загорая, то и дело щелкала камерой. Питт увлеченно выписывал что-то на мольберте. Перед выходом в открытое море, они пришвартовались к одному из рыбацких суденышек и приобрели там два ведра сельди. После оживленной беседы с его хозяином они подняли якорь и тронулись в путь.

Как только они обогнули скалы, закрывающие вход в залив, Сандекер прибавил ходу. «Гримзи» набрало скорость в 30 узлов. Странное зрелище: неуклюжая посудина двигалась по волнам, как глиссер с воздушным винтом. Волны рассыпались веером брызг, чем больше «Гримзи» набирало скорость. Питт обнаружил карту побережья и разложил ее перед Сандекером.

— Это находится здесь. — Он пометил карандашом крошечное пятнышко на карте. — В двенадцати милях на юго-восток от Кефлавика.

Сандекер кивнул.

— Часа полтора, не больше.

— Погода благоприятная. Надеюсь, она продержится.

— Да, облаков нет совсем. Обычно на южном побережье Исландии в это время года тихо. Худшее, с чем мы можем столкнуться, — это толстая полоса туманов. Обычно они собираются во второй половине дня.

Питт сел, вытянул в проход ноги и стал рассматривать скалистое побережье.

— Хорошо, хоть нам не надо беспокоиться о топливе.

— Да? Что показывают приборы?

— Баки заполнены почти на две трети.

Сандекер прикинул в уме.

— Да, нам хватит. Даже с избытком. Можно не жалеть, ведь платит за это — Рондхейм.

С довольным, хитроватым выражением на лице он еще прибавил ходу.

«Гримзи» село на корму и направило свой нос, разрезавший воду двумя полосами брызг, прямо в лазурное сверкающее море.

Однако, радостное настроение Сандекера вскоре сменилось озабоченностью.

— Питт, что ты рассчитываешь обнаружить там, кроме обломков самолета и вздувшихся тел? Ты ведь не знаешь, может, кто-нибудь обошел нас?

— Шансов, что можно будет как-нибудь идентифицировать трупы, чтобы выяснить, кто стоит за этим чертовым убийством, почти нет. Это точно. И если искать только в этом направлении, то шансов у нас никаких. Но гораздо важнее — самолет. Все его опознавательные знаки были замазаны черной краской, и на расстоянии узнать что-либо, кроме

силуэта, было невозможно. Но этот самолет, адмирал, единственная ниточка, которая может привести нас к убийцам Ханневелла и Матаджика. Черная краска не может скрыть серийный номер, выгравированный на двигателе или на закрытом кожухом корпусе турбины. Если мы найдем самолет, я смогу восстановить цифры. Затем останется самое малое — связаться с производителем, идентифицировать самолет по двигателю, а владельца — по самолету.

Питт замолчал, чтобы проверить показания эхолота,

— Ответа на ваш второй вопрос я не знаю.

— Ты чертовски уверен в себе, — пробормотал Сандекер. — Чем больше я начинаю ненавидеть этого сукина сына, тем более я отдаю должное его уму. Я думаю, он уже занимался поисками пропавшего самолета, понимая, что обломки крушения могут его выдать.

— Что верно, то верно. Но, видимо, он обследовал поверхность воды — мы же сейчас впервые имеем преимущество. Никто не видел сражения. Дети, которые обнаружили нас с Ханневеллом на пляже, сказали, что они начали поиски только тогда, когда нашли лежавший на берегу «Улиссес», — не раньше. Таким образом, я единственный из живых, кто знает, где искать...

Питт внезапно замолчал, остановив свой взгляд на графопостроителе. Черная линия, располагавшаяся до этого мелким зигзагом, вдруг стала расти и образовала на бумаге изгиб, похожий на небольшую горку, что означало резкое повышение уровня дна на восемь — десять футов.

— Я думаю, мы нашли его, — спокойно произнес Питт. — Поверните налево, адмирал, и идите курсом один-восемь-пять.

Сандекер взял штурвал и повернул к югу на двести семьдесят градусов, «Гримзи», рассекая волны, негромко пророкотало. В этот раз кривая, возвышающаяся над нулевой отметкой, оказалась более длинной.

— На какой глубине? — спросил Сандекер.

— Сто сорок пять футов, — ответил Питт. — Судя по показаниям, мы прошли над ним от конца одного до конца другого крыла.

Минутой позже, «Гримзи» бросил якорь на том месте, куда указывал эхолот. Берег находился примерно в миле от них. Высокие скалы блестели на северном солнце своими белоснежными вершинами. На море начинался легкий бриз, «плиссируя» набегавшие волны. Это был сигнал предупреждения о том, что поднимается ветер. Но бриз только обострил у Питта предчувствие того, что может скрываться в глубине холодных вод Атлантики.

Глава 10

Солнце палило нещадно. Питт чувствовал себя в черном неопреновом костюме, как в сауне. К тому часу он закончил проверять старый одношланговый американский водолазный глубинный стабилизатор. Он предпочел бы что-нибудь посовременнее, но просители не выбирают. Он и так считал себя счастливчиком: один из молодых сотрудников консульства увлекался водолазным спортом и имел под рукой снаряжение. Он прикрепил стабилизатор к клапану баллона с воздухом. Он смог выклянчить всего два. Достаточно для пятнадцати минут пребывания под водой, хотя этого времени было мало для погружения и поисков на глубине в сто сорок футов. Поэтому его единственным утешением стала мысль, что ему не придется находиться там так долго, чтобы опасаться падения давления.

Он бросил последний взгляд на «Гримзи», прежде чем изумрудно-зеленая вода сомкнулась над его головой. Адмирал Сандекер. подремывая, сидел на палубе, держа обеими руками удочку. Тиди, наряженная в экстравагантный костюм Питта, с волосами, спрятанными под вязаной шапочкой, тщательно срисовывала исландское побережье. Чтобы никто из наблюдавших из-за скал не заметил его с берега, Питт соскользнул с противоположного борта и превратился в частицу бесконечного морского пространства. Тело его было напряжено.

Шок от ледяной воды чуть не выключил его сознание. Ориентируясь на якорную цепь, он стал опускаться вдоль ее постепенно исчезающих контуров, выпуская пузырьки воздуха, беспечно поднимавшиеся на поверхность. Чем глубже он погружался, тем темнее становилось под водой. Он проверил два жизненно важных для него показателя. Уровень глубины был девяносто футов, а оранжевый диск его подводных часов фирмы «Докс» предупреждал, что он находится под водой около двух минут.

Постепенно стали вырисовываться очертания дна. Его поразил цвет песка — он был черный. В отличие от большинства мест на земле, где песок на дне белого цвета, вулканическая активность Исландии оставила на дне след мягких эбонитовых песчинок. Очарованный необычностью этого темного ковра под толстым слоем изумрудной волны, он замедлил свои движения. Зона видимости составляла примерно сорок футов, что было совсем неплохо для такой глубины.

Инстинктивно он развернулся на триста шестьдесят градусов. Ничего не было видно. Он пригляделся и увидел тень, промелькнувшую впереди. Это была небольшая стайка трески, мечущаяся по дну в поисках своих любимых деликатесов: крабов и креветок. Он понаблюдал за ними, пока их гладкие тела темно-оливкового цвета с сотнями крошечных крапинок

не исчезли наверху, и подумал: как жаль, что адмиралу не достанется ни одна. Самая маленькая весила не менее пятнадцати фунтов.

Питт начал делать все более расширяющиеся круги вокруг якорной цепи, волоча ее конец по песку, чтобы пометить свой след. Под водой ему нередко в голову лезли всякие фантазии — на больших глубинах восприятие было искажено, а опасность затмевала ясность мысли. Сделав пять кругов, через голубую завесу он увидел какие-то очертания и поплыл в этом направлении. Но уже через тридцать секунд стало ясно, что он ошибся: это была большая скала, возвышавшаяся в безлюдной пустыне, как забытый форпост. Он обогнул ее, стараясь контролировать сознание. В голове начало туманиться. «Это не могло быть зарегистрировано эхолотом, — подумал он. — Пик — конической формы, я не мог принять его за фюзеляж самолета».

Затем на расстоянии пяти футов он заметил еще какой-то предмет. Черная краска на разломанных и искореженных дверцах почти сливалась с черным песком, делая обломки практически невидимыми. Он поплыл вперед, замерев на мгновение в удивлении, когда большой омар торопливо выскочил из своего только что заселенного жилища. Опознавательных знаков не было нигде — ни на одной из внутренних панелей. Двигаться теперь надо было быстрее. Самолет был где-то здесь, рядом. Но он уже вынужден был вытащить клапан резервного баллона, а это значит, что воздуха осталось на несколько минут, — ровно на столько, чтобы подняться наверх.

Он сразу же нашел его. Самолет лежал на спине, разломившись на две части от сильного удара при падении. Дыхание стало затрудненным. Он вытащил клапан и поплыл наверх. Чем выше он поднимался, пуская пузырьки воздуха, тем светлее становился водный потолок. На глубине тридцати футов он остановился, чтобы найти киль «Гримзи». Вынырнуть на поверхность следовало со стороны, противоположной берегу, чтобы наблюдающие со скал не могли заметить его. Судно сидело на воде, мерно покачиваясь на волнах, как жирная утка с поджатыми внутрь ногами. Пока он находился под водой, «Гримзи» повернулась вокруг якорной цепи на сто восемьдесят градусов и располагалась теперь к берегу правым боком.

Питт подтянулся через левый борт и, отбросив баллоны, прополз через палубу в рубку. Сандекер, не повернув головы, медленно отложил удочки в сторону и так же медленно появился в дверном проеме рубки.

— Надеюсь, что тебе больше повезло, чем мне.

— Он лежит на расстоянии ста пятидесяти футов от правого борта, — сказал Питт. — У меня не было времени обследовать его внутри — кончался воздух.

— Давай вылезай быстрее из костюма и хлебни чашечку кофе. Твое лицо совершенно зеленое.

— Пусть горячий кофе подождет. Я смогу расслабиться, когда получу то, за чем мы сюда прибыли.

Питт направился к двери.

Сандекер сощурил глаза.

— Ты никуда не двинешься еще в течение полутора часов. У нас еще много времени. День только начинается. Бессмысленно делать то, что выходит за пределы человеческих возможностей. Ты знаешь водолазные медицинские показатели так же хорошо, как и любой из живых водолазов. Повторное погружение на глубину ста сорока футов в течение тридцати минут вызывает воздушную эмболию. Ты видел людей, готовых рвать на себе волосы от непереносимой боли. И ты знаком с теми, кто остался парализованным на всю жизнь. Даже если я пущу эту посудину с максимальной скоростью, я не смогу доставить тебя в Рейкьявик раньше, чем через два часа. Далее добавь еще пять часов на самолете до Лондона, где находится ближайшая декомпрессионная камера. Нет, мой друг. Спускайся вниз и отдыхай. Я скажу тебе, когда можно будет повторить.

— Нет слов, адмирал. Вы победили, — Питт расстегнул молнию на своем водолазном костюме. — Однако, мне кажется, будет нелишним поболтаться нам по палубе, чтобы мы были видны — все трое.

— Видны? Кому? Берег совершенно безлюден, и с тех пор, как мы покинули залив, мимо не проходило ни одного корабля.

— Берег не безлюден. За нами наблюдают.

Сандекер повернулся и стал вглядываться в скалы.

— Может быть я старею, но пока не нуждался в очках. Черт меня дери, но я ничего не вижу.

— Чуть правее, сразу за скалой, которая торчит из воды.

— Песчинку на таком расстоянии не увидишь. — Он внимательно посмотрел в направлении, указанном Питтом. — Откуда ты знаешь?

— Я видел отражение. Отражение от солнца в какой-то момент. Может, это был бинокль.

— Ну и пусть они глазеют. Если кто-либо спросит, почему нас только двое на палубе, мы скажем, что Тиди стало плохо и она пролежала всю прогулку внизу.

— Это — прекрасное объяснение, — улыбнулся Питт. — Пока они не заметят разницу между мной и Тиди, одетой в эти лохмотья.

Сандекер засмеялся.

— На расстоянии больше мили даже твоя собственная мать, глядя в бинокль, не найдет разницы.

— Не знаю, не знаю, хорошо это или плохо.

Сандекер повернулся и глянул Питту в глаза.

— И не пытайся. Не заводись. Я скажу Тиди, чтобы она приготовила чашку кофе. И никаких фокусов. Я знаю, что ты можешь вытворить после тяжелых подводных работ.

Неприятный желто-серый свет просачивался через люк, когда Сандекер пришел будить Питта. Он просыпался с тяжелой головой и затуманенным сознанием. Питт чувствовал, как «Гримзи» качается на волнах. Не было и намека на бриз. Воздух был влажный и тяжелый.

— Меняется погода, адмирал?

— С юга надвигается туман.

— Быстро?

— Пятнадцать, максимум двадцать минут.

— Немного.

— Достаточно. Достаточно для быстрого погружения.

Через несколько минут Питт, уже в костюме, спустился за борт. Снова вниз — в мир, где нет ни звуков, ни ветров, ни воздуха. Он погружался: мускулы его были еще холодными и ныли от усталости. Он погружался — голова была еще в тумане сна.

Он плыл медленно, не прикладывая усилий, как будто его опускали на шнуре через толстый слой жидкости. Он плыл через сгущающиеся краски, из сине-зеленых превращавшихся в темно-серые. Он плыл, не выбирая направления, руководствуясь только собственным инстинктом и отметками, оставленными на песке. Наконец, он нашел его.

Его сердце начало бешено стучать, когда он осторожно подплыл к самолету. Он знал из опыта, что, как только он проникнет в эти обломки, каждое движение будет таить в себе угрозу.

Он обогнул покореженное отверстие фюзеляжа, и перед его глазами проскользнул маленький, не более шести дюймов, морской окунек.

Когда его глаза привыкли к темноте, он различил несколько сидений, вырванных из своих оснований на полу, и две деревянные коробки, плававшие на уровне потолка. Он вытолкнул коробки к отверстию и проследил, как они поднимались наверх к поверхности воды. Затем он заметил перчатку, которая все еще была налета на руку человека. Эта зеленоватая рука вела к телу, зажатому между сиденьями в нижнем углу основного салона. Питт вытащил труп и порылся у него в карманах. «Это, должно быть, один из тех, кто стрелял из автомата в дверном проеме», — подумал Питт. Голова его выглядела не очень приятно: она расплющилась, мозги и осколки черепа были разбросаны в разные стороны от основной части и покачивались в унисон с течением. В карманах черного комбинезона не было ничего, кроме отвертки.

Питт засунул отвертку себе за пояс и затем, полуплывя, полускользя, проник в кабину самолета. Кроме разбитого козырька, валявшегося на сиденье второго пилота, в сердце самолета он ничего не обнаружил. В какой-то момент он бросил взгляд на пузырьки воздуха, которые поднимались к верхней панели и, как серебряная змейка, струились в поисках выхода. Они случайно собирались вместе и, зажатые в углу, окружали другой труп, вытолкнутый наверх внутренними газами, исходившими из разлагавшейся плоти.

На нем был такой же черный комбинезон, быстрый осмотр которого не привел ни к каким результатам: карманы были пусты. Маленький окунек проскользнул сзади Питта и начал клевать вылезший правый глаз пилота. Питт оттолкнул тело. Его выворачивало, и он подождал мгновение, пока не смог вновь контролировать свои чувства. Взглянул на свои часы. Он находился под водой всего лишь девять минут, а не девяносто, как подсказывало ему воображение. Времени оставалось мало. Он быстро ощупал маленькое пространство кабины в надежде отыскать вахтенный журнал, руководство по эксплуатации или лист испытаний. Но кабина хранила свои секреты надежно. Никаких записей он не обнаружил. Ни даже наклейки на радиоприемнике с именами членов экипажа.

Когда он поднялся из самолета, у него возникло ощущение, что он возник из чрева. Вода была темнее, чем когда он погружался. Проверив хвостовой отсек, он подобрался к мотору на правом борте. Никакой надежды: он почти полностью погрузился в ил. Но другой мотор был не только легко досягаем — кожух с него был сорван, обнажив корпус для обследования. Но судьба играла с Питтом в плохую игру. Он обследовал то место, где должны были находиться опознавательные знаки, — оно было чисто. Остались только отверстия, в которые были закручены поддерживавшие корпус винты.

От расстройства Питт хлопнул кулаком по корпусу. Было бесполезно искать дальше. Он уже знал, что все номерные знаки на инструментах,

электрооборудовании и других механизмах, уничтожены. Он проклинал тот ум, предусмотревший все с такой тщательностью. Казалось невероятным, что один человек смог спланировать и просчитать любые возможные случайности. Несмотря на обжигающе ледяную воду, капли пота стекали по лицу под маской. Его голова работала плохо: он задавал себе вопросы и отвечал на них, но не мог найти никакого решения. Он стал следить за ужимками рыбки. Прошло около тридцати секунд, прежде чем он осознал, что серебряная трубка, вокруг которой вьется рыбка, — это гидравлический демпфер носового колесного шасси.

Он приблизился, тщательно исследуя цилиндр. В результате крушения он оказался выбитым из подпорки и вместе с покрышкой и шасси валялся рядом с носовой частью. Однако ситуация была та же. Серийный номер производителя был подпилен с алюминиевого корпуса. Питт уже собирался подниматься наверх, когда увидел на одном конце демпфера пометку: это были выгравированные две буквы — SC. Вытащив отвертку из-за пояса, он нацарапал рядом свои — DP. Глубина первой пары букв соответствовала глубине другой.

«Все. Больше нельзя медлить», — подумал он. Ему уже было трудно дышать. Это означало, что его баллон пустеет. Он вытащил резервный клапан и стал подниматься. Окунек сопровождал его, пока он не перевернулся и не стал помогать себе руками. Рыбка заскользила по дну. Питт улыбнулся. Ничего. Его маленький компаньон найдет себе нового друга.

На глубине пятидесяти футов Питт перевернулся на спину, глядя наверх, туда, где должна была показаться земля, стараясь вычислить точное местонахождение «Гримзи». Свет расстилался одинаково во всех направлениях, только пузырьки воздуха указывали правильное направление. Постепенно становилось светлее, но было уже намного темнее, чем тогда, когда он покинул борт судна. Голова Питта достигла кромки воды и попала в густой слой тумана. «Боже, — подумал он. — В этой сметане мне никогда не найти судно. Двигаться к берегу еще более рискованно».

Он снял с себя снаряжение и пустил его ко дну. Теперь он мог свободно плыть. Он лежал тихо на воде, чуть дыша, прислушиваясь к каждому звуку, который доносился через плотное серое покрывало. Сначала он слышал только звук воды, бившейся о его тело. Потом его слух различил голос… голос, достаточно фальшиво напевавший «Мою Бонни»… Питт прислушался еще, пытаясь определить направление звука. Короткими взмахами он проплыл пятьдесят футов и остановился. Фальшивое пение продолжалось. Пять минут спустя он коснулся потрепанной обшивки «Гримзи» и поднялся на борт.

— Как поплавал? — спросил Сандекер.

— Мало приятного и мало полезного. — Питт расстегнул молнию водолазного костюма, обнажив густые черные волосы на груди. Он улыбнулся адмиралу.

— Удивительная вещь. Могу поклясться — я слышал туманный горн.

— Это был не туманный горн. Это был бывший баритон музыкального товарищества в Аннаполисе.

— Вы никогда не были так в голосе, адмирал. — Питт посмотрел Сандекеру прямо в глаза.

— Спасибо. — Сандекер улыбнулся. — Благодари не меня — благодари Тиди. Она должна была быть хором.

Тиди материализовалась из тумана и подошла к Питту.

— Слава Богу, ты жив. — Она обняла его.

— Приятно, что меня не забыли.

— Забыли? Это слишком слабо. Мы с адмиралом чуть с ума не сошли.

— Говорите за себя, мисс Ройял, — сухо сказал Сандекер.

— Вы не обманете меня, адмирал. Вы очень волновались.

— Озабочен — так точнее, — сказал адмирал. — Я расцениваю это как персональное оскорбление, когда кто-то из моих людей погибает.

Он повернулся к Питту.

— Ну, как, нашел что-нибудь интересное?

— Два тела и кое-что еще. Кто-то прикладывает неимоверные усилия, чтобы уничтожить опознавательные знаки. Каждый серийный номер на каждой детали стерт. Осталась только одна помета: две буквы, нацарапанные на гидравлическом демпфере.

Он взял полотенце из рук Тиди.

— Я вам послал две коробки. Удалось вытащить?

— Это было не так просто, — сказал Сандекер. — Они всплыли примерно на расстоянии в сорок футов. Пришлось постараться, чтобы выудить их. Я давно так не рыбачил.

— Вы открыли их?

— Да. Это миниатюрные модели зданий... как кукольные домики.

— Кукольные домики? Вы хотите сказать, что это настоящие трехмерные архитектурные макеты?

— Называйте их как хотите. — Сандекер умолк, чтобы выбросить окурок сигары за борт. — Потрясающая работа. Детали каждого поразительно точны. Их можно разобрать по этажам, так что видно, какой у них интерьер.

— Что ж, можно взглянуть.

— Мы отнесли их в камбуз, — сказал Сандекер. — Тебе тоже не мешает зайти туда, чтобы переодеться и опрокинуть в себя чашечку кофе.

Тиди уже переоделась в свою блузку и слаксы. Она демонстративно отвернулась, когда Питт начал стягивать мокрый водолазный костюм. Он улыбнулся, видя, как она возится в камбузе.

— Ты нагрела для меня одежду?

— Смеешься? — Она обернулась к нему, ее лицо начала медленно заливать краска. — Ты по крайней мере на восемь дюймов выше и на шестьдесят футов тяжелее. Я утонула в твоих чертовых тряпках. Я чувствовала, как будто на мне была надета палатка. Ветер продувал меня насквозь под твоим одеянием.

— Надеюсь, это не задело твои жизненно важные органы?

— Если ты о моей будущей сексуальной жизни, то боюсь худшего.

— Давайте рассчитывать на лучшее, мисс Ройял. — Голос Сандекера звучал не очень убедительно. Он поставил коробки на стол и открыл запоры.

— Вот они, включая и мебель, и драпировки.

Питт заглянул внутрь одной из них.

— Никаких следов повреждений.

— Они водонепроницаемы, — ответил Сандекер. — И каждая была так тщательно упакована, что крушение практически не повредило их.

Сказать, что модели были шедеврами искусства миниатюры, было бы большим преуменьшением. Адмирал был прав. Детали были потрясающими. Каждый кирпичик, каждая оконная рама выдержаны в масштабе и точно расположены на своих местах. Питт приподнял крышу. Раньше, в музеях, он видел выставки макетов, но никогда не сталкивался с такой утонченной ручной работой. Ничего не было забыто. Картины на стенах являлись точными копиями, как по цвету, так и по рисунку. Мебель отделана тончайшими деревянными панелями фабричного производства. Телефоны, трубки которых свободно поднимались и опускались, были подсоединены проводами к крошечным розеткам. Завершали впечатление рулоны туалетной

бумаги, висевшие в ванных комнатах, которые раскручивались от прикосновения руки. Первое здание состояло из четырех этажей и фундамента. Питт осторожно поднимал один этаж за другим, внимательно исследуя макет, и также аккуратно поставил все на место. Затем он изучил второй макет.

— Я знаю, что это такое, — спокойно произнес он.

Сандекер поднял глаза.

— Что?

— Вот это розовое здание, построенное из розового мрамора, трудно забыть. Это было примерно шесть лет назад, когда я посетил эти стены. Мой отец входил в состав экономической наблюдательной миссии президента, поскольку вел переговоры с министрами финансов латиноамериканских правительств. Я взял отпуск в армии на тридцать дней и сопровождал его, как его помощник и пилот. Да, я помню эти стены, а особенно экзотическую черноглазую маленькую секретаршу...

— Избавь нас от своих эротических проделок, — прервал его Сандекер. — Где оно находится?

— В Сальвадоре. А эта модель — отлично сделанная копия здания капитолия Доминиканской Республики. — Он указал на первый макет. — Судя по дизайну, вторая модель также представляет какое-то правительственное учреждение в другой южно — или центроамериканской стране.

— Здорово, — бросил Сандекер без энтузиазма. — Мы столкнулись с типом, который коллекционирует миниатюрные здания капитолиев.

— Это ни о чем нам не говорит, — заметила Тиди, подавая Питту чашечку с горячим кофе.

— Кроме того, что черный самолет имел двойное задание, — задумчиво произнес Питт. Сандекер поймал его взгляд.

— Ты хочешь сказать, что он должен был доставить эти модели, когда получил задание напасть на вас с Ханневеллом?

— Именно так. Один из рыболовных траулеров Рондхейма засек наш приближавшийся к Исландии вертолет и дал самолету по радио команду изменить курс. Поэтому, когда мы приблизились к берегу, он уже поджидал нас.

— А почему Рондхейм? Не вижу ничего, что доказывало бы его связь со всем этим.

— Я просто рассуждаю. — Питт пожал плечами. — Согласен, я бреду на ощупь и сам не уверен, что это именно он. Это — как дворецкий в плохом детективе. Любая улика, любое сомнение ведут к нему, указывают на него как на наиболее вероятный объект для подозрений. Но, в конце концов, наш друг дворецкий оказывается переодетым полицейским, а наиболее обаятельный герой — закоренелым преступником.

— Что-то подсказывает мне, что Рондхейм — не переодетый полицейский. — Сандекер налил себе другую чашечку кофе. — Что именно он стоит за смертью Ханневелла и Фири, а потому мне очень хочется загнать его в угол и уничтожить.

— Это не так просто будет сделать. Он занимает достаточно прочное положение.

— Если бы спросили меня, — вмешалась Тиди, — вы оба просто ревнуете Рондхейма к мисс Фири.

Сандекер зарычал на нее:

— У тебя длинный язык, крошка.

— Да, я не кривлю душой. Мне Керсти Фири понравилась.

— И Оскар Рондхейм тоже, — вставил Питт.

— Даже если бы он был генералом Армии спасения, — нет. Но отдадим ему должное. Он держит Керсти и «Фири лимитед» в кулаке.

— Почему же? Ответь! — задумчиво произнес Питт. — Как может Керсти любить его, если она до смерти его боится?

Тиди покачала головой.

— Не знаю. Я только обратила внимание, что ей было больно, когда он схватил ее за шею.

— Может быть, она мазохистка, а Рондхейм — садист? — предположил Сандекер.

— А если Рондхейм задумал и осуществил эти чудовищные убийства, вы должны сообщить все, что вы знаете, полиции, — настойчиво заявила Тиди. — Если позволить ему зайти слишком далеко, он убьет вас обоих.

Питт сделал грустное лицо.

— Стыдно, адмирал. Ваша собственная секретарша недооценивает двух самых уважаемых людей.

Он повернулся и со скорбью взглянул на нее.

— Как ты могла?

Сандекер улыбнулся.

— Совершенно невозможно в наши дни добиться от подчиненных преданности.

— Преданности?! — Тиди взглянула на них как на сумасшедших. — Какая другая девушка согласилась бы тащиться на другую половину земного шара на военном грузовом самолете, замерзать на вонючей старой посудине в центре Северной Атлантики, подвергаться постоянным уколам со стороны мужчин — и все это за те гроши, которые я получаю. Если это не преданность, хотела бы я знать, как вы, мужчины, не считающиеся с другими людьми, это называете?

— Безумие — вот как я называю это, — сказал Сандекер. Он положил руки ей на плечи и с теплотой заглянул в глаза. — Поверь мне, Тиди, я ценю твою дружбу и заботу о моем благополучии и я уверен, что Дирк ценит тебя также очень высоко. Но ты должна понять: мой близкий друг и трое моих людей погибли. Пытались убить и Питта. Я не из тех парней, кто прячется под матрац и зовет полицию. И все это заварили люди, которых мы не знаем. И вот, когда мы обнаружим их, и только тогда, — я отступлю в сторону и предоставлю закону и его представителям заняться своим делом. Ты со мной?

Это внезапное проявление чувств столь обескуражило Тиди, что она замолчала, и крупные слезы медленно потекли по ее лицу. Она прижалась к груди адмирала.

— Я чувствую себя обезьянкой, — пробормотала она. — Я всегда высовываюсь не там, где надо. В следующий раз, если меня понесет, засуньте мне в рот кляп.

— Можешь на это не рассчитывать, — сказал Питт мягко.

Сандекер еще минуту держал Тиди в объятиях, затем отпустил ее.

— Ну ладно. Поднимаем якорь и возвращаемся в Рейкьявик, — пророкотал он. — Я бы не отказался от горячего пунша.

Внезапно Питт застыл, указав рукой за борт. Потом подошел к выходу из рубки и прислушался. Звук был практически не слышен, но он был. Сквозь пелену тумана доносилось ровное жужжание: это был звук двигателя судна, идущего на большой скорости.

Глава 11

— Слышите, адмирал?

— Слышу. — Сандекер подошел к нему. — Около трех миль, быстро приближается.

Он прислушался еще.

— Идет на полной скорости.

Питт кивнул.

— Прямо на нас. — Он попытался разглядеть что-нибудь в тумане. — Странный звук, похоже на завывания двигателя самолета. У них, кажется, есть радар. Ни один капитан, если он в своем уме, не пойдет в такую погоду на полной скорости.

— Тогда они знают, что мы здесь, — прошептала Тиди, как будто кто-либо, кроме обшивки, мог услышать ее.

— Да, они знают, что мы здесь, — неохотно согласился Питт. — И, если я не ошибаюсь, нас они и ищут. Любое проходящее судно оставило бы нам широкое пространство, как только они получили наш сигнал. Это же — ищет неприятностей. Может быть, займемся гонками?

— Как три кролика, задумавшие поиграть со стаей волков, — ответил Сандекер. — Они превосходят нас по численности не менее, чем десять к одному, и... они, несомненно, вооружены до зубов. Наша единственная надежда — на «Стерлинги». Как только мы наберем скорость, наши визитеры получат такой же шанс поймать нас, как кокер-спаниель борзую.

— Не ставьте так на них, адмирал. Если они знают, что мы здесь, они также знают, какое у нас судно и какой оно мощности. Для того, чтобы захватить нас, им нужно другое, превосходящее «Гримзи». И подозреваю, что у них именно такое.

— На подводных крыльях? Да? — медленно произнес Сандекер.

— Именно, — ответил Питт. — И это означает, что они могут развить скорость до сорока пяти — пятидесяти узлов.

— Неважно, — спокойно проговорил адмирал.

— Да. Но и не страшно. У нас, по крайней мере, есть два преимущества. — Питт быстро обрисовал свой план.

Тиди, находившаяся внутри рубки, почувствовала, что ее тело оцепенело, а от лица под слоем косметики отлила кровь. Она не верила тому, что слышала. Она задрожала, и ее голос прозвучал очень жалобно:

— Вы... вы ведь не имеете в виду, что... вы хотите сказать...

— Да, нам грозят большие неприятности, — ответил Питт. Он замолчал, глядя на ее бледное, испуганное лицо, на руки, нервно теребившие бант на блузке.

— Но вы планируете холодное убийство! — Какое-то время ее губы произносили бессвязные слова, затем она постаралась взять себя в руки. — Вы не можете просто так убить людей. Невинных людей, которые даже не подозревают этого.

— Так точно, — отрезал Сандекер. — У нас нет времени объяснять ситуацию перепуганной женщине.

Он взглянул на нее понимающим взором, но продолжал командным тоном:

— Пожалуйста, спустись вниз и накройся чем-нибудь, что защитит тебя от пуль. — Он повернулся к Питту. — Руби якорь и дай мне сигнал, когда мне трогаться.

Питт затолкал Тиди в камбуз.

— Никогда не спорь с командиром корабля. И не волнуйся. Местные жители дружелюбны, тебе не стоит ни о чем беспокоиться.

Он поднял топор и услышал шум «Стерлингов». Топор скользнул по канату и вошел в деревянные перила, отправив якорь навеки в темные глубины.

Невидимое судно было уже рядом. Рокот двигателей постепенно становится тише, по мере того как капитан убавлял ход, готовясь пройти рядом с «Гримзи». С того места на носу, где лежал Питт, сжимая и отпуская топор, можно было различить, как невидимый корабль, сбавляя скорость, все больше и больше погружался в воду. Он осторожно приподнялся, сощурив глаза в бесполезной надежде различить в тумане какое-нибудь движение. Пространство вокруг корабля было абсолютно темным. Видимость составляла не более двадцати футов.

Внезапно огромная тень появилась из тумана, корабль был повернут к ним правым боком. Он увидел светящееся пятно и предположил, что это рубка. Это был как будто призрачный корабль с командой духов, появившийся в тумане. Большой серый корпус угрожающе возвышался над «Гримзи». Длина этого призрака была не менее ста футов. Питт смог различить теперь и людей на борту, один из них наклонился над фальшбортом и согнулся так, как будто готовился к прыжку. Автоматы в их руках сказали Питту все, что он хотел узнать.

С холодным расчетом, на расстоянии не более восьми футов от стволов автоматов, он сделал три движения, которые казались одновременными. Замахнувшись топором, он ударил его плоским концом по железной лебедке, дав сигнал Сандекеру. Тем же движением он швырнул топор вперед и увидел, как его острие глубоко вошло в лоб именно тому, кто собирался сделать прыжок на палубу «Гримзи». Они встретились в воздухе — страшный крик вырвался из глотки, и человек вместе с

топором рухнул вниз, зацепившись за перила «Гримзи». Он как бы завис на мгновение — бескровные пальцы судорожно сжали деревянную рукоятку — и затем рухнул в серую воду. Прежде чем море сомкнулось над его головой, Питт скатился на вытертые доски палубы. «Гримзи» рванула вперед, сопровождаемая ураганным огнем, достигавшим рулевой рубки, до тех пор, пока не скрылась в тумане.

От края борта Питт переполз к корме и появился на пороге рубки. Пол был усеян осколками стекла и щепками.

— Есть успехи? — без эмоций спросил Сандекер. Его голос за шумом «Стерлингов» был едва слышен.

— Меня не задели. А вас?

— Цель этих скотов была прямо над моей головой. И если бы я был на три фута повыше, то задуманная комбинация у них получилась бы.

Он повернулся и задумчиво поглядел на Питта.

— Мне показалось, что я слышал крик, прежде чем включил двигатели.

Питт ухмыльнулся.

— Не могу лгать вам. Это я его — маленьким топориком.

Сандекер покачал головой.

— Тридцать лет на флоте, и первый раз моей команде приходится отражать нападение.

— Проблема теперь, как избежать повторного.

— Да, это будет непросто. Мы мчимся вслепую. Их чертов радар следит за каждым нашим движением. И больше всего я боюсь тарана. С преимуществом в десять — двенадцать узлов они достигнут большего успеха в игре в жмурки. Я не могу умолчать об этом. Если их капитан хоть чуть-чуть соображает, он использует это преимущество и обгонит нас, а затем повернет на девяносто градусов и протаранит нас прямо в середину.

Питт на минуту задумался.

— Будем надеяться, что их капитан — правша.

Сандекер что-то пробурчал.

— Не понимаю.

— Левши составляют меньшинство. Большинство людей — правши. Когда корабль приблизится к нам и его нос будет на расстоянии четырехсот ярдов от нашего зада, в этот момент капитан должен

инстинктивно повернуться к нам правым бортом, прежде чем начнет таран. Это даст нам возможность воспользоваться теми двумя преимуществами, которые у нас есть.

Сандекер вопросительно посмотрел на Питта.

— Я не вижу ни одного, тем более двух.

— Судно на подводных крыльях зависит от высокой скорости для поддержания веса. Подводные крылья играют ту же роль в воде, что и крылья самолета в воздухе. Его важнейшее преимущество — скорость, но большой недостаток — маневренность. Короче, поворачивать ему очень сложно.

— А нам просто. Так? — Сандекер задумался.

— «Гримзи» может сделать два поворота, пока оно — один.

Сандекер оторвал руки от штурвала и скрестил их.

— Звучит здорово, за исключением того, что мы не знаем, когда они начнут атаку.

Питт кивнул.

— Мы услышим.

Сандекер снова вопросительно взглянул на него.

— Приглушим двигатели?

Питт кивнул еще раз.

Когда Сандекер вернулся к штурвалу, костяшки его пальцев были белыми, губы плотно сжатыми.

— То, что ты предлагаешь. — это рулетка: один шанс из тысячи. А если «Стерлинги» откажут? А она? Ты подумал о ней? — он кивнул в сторону камбуза.

— Я думаю обо всех нас. Будем мы стоять или убегать — наши шансы равны. Но последний доллар, поставленный на кон, — это все-таки шанс.

Сандекер бросил взгляд на этого высокого человека, стоявшего в проходе рубки:

— Ты говорил, что у нас есть два преимущества.

— Неожиданность, — спокойно ответил Питт. — Мы знаем, что они собираются делать. У них может быть радар, но они не могут прочитать

наши мысли. Это наше второе и наиболее важное преимущество — неожиданность действий.

Питт взглянул на свои часы, — половина второго, ранний полдень. Сандекер выключил двигатели, и Питту стоило усилий сохранить бдительность — внезапная тишина и туман начинали расслаблять его ум.

Солнце казалось бледным белым диском, тускло блестевшим в неровной пелене тумана. Питт глубоко вздохнул, стараясь отбросить ощущение сырости и озноба, проникавшее в его легкие. Его трясло в костюме, материал которого притягивал влагу. Он уселся на крышку люка, прислушиваясь. Ждать пришлось недолго. Вскоре он ощутил отчетливые мерные удары — это был звук двигателей гидроплана.

Все должно получиться с первого раза. Второго раза не будет. Видимо, в этот момент радист гидроплана докладывал, что приборы потеряли сигнал местонахождения «Гримзи», и они не могут двигаться вперед. Однако решение было принято — они не стали менять курса. Нос гидроплана должен был протаранить «Гримзи» в самом его центре.

Питт уже, наверное, в десятый раз проверил содержание контейнеров. Одним из них являлся четырехлитровый стеклянный кувшин, который Тиди обнаружила в камбузе. Остальные три представляли собой ржавые, с вмятинами, жестяные газовые баллоны разной величины. Их Питт нашел в шкафу, в машинном отделении. За исключением содержимого, да сделанных из тряпок фитилей, торчавших из отверстий контейнеров, ничего общего в них не было.

Гидроплан был уже близко, очень близко. Питт повернулся к рубке и крикнул:

— Пора! — Он достал зажигалку и поджег фитиль стеклянного кувшина.

Сандекер нажал на стартер. Мощные «Стерлинги» кашлянули, а затем заревели, набирая обороты. Он поворачивал штурвал направо и добавлял скорость. «Гримзи» поднялось на воде, как скаковая лошадь со стрелой в заду. Адмирал взял штурвал обеими руками, рассчитывая только на один шанс: что гидроплан не врежется в «Гримзи». Вдруг деревянная спица вылетела из штурвала и ударилась о компас. Он понял, что по рубке стучат пули. Он ничего не видел, но знал, что команда гидроплана вслепую стреляет в тумане, ориентируясь только на указания радиста.

Напряжение казалось Питту непереносимым. Он то сосредоточенно всматривался вперед, в стену тумана, то бросал взгляд на кувшин в руке. Пламя было слабым, но быстро подбиралось к закрытому горлышку и бензину, находившемуся внутри кувшина. Пять секунд, не больше.

Потом кувшин надо будет бросить за борт. Он начал считать. Пять секунд наступили и прошли. Шесть. Семь. Он поднял руку. Восемь. В этот момент гидроплан вынырнул из тумана, пройдя не более чем в десяти футах от корпуса «Гримзи». Питт с силой бросил кувшин.

Последующие мгновения запечатлелись в памяти Питта на всю оставшуюся жизнь: высокий блондин кожаной куртке, сжимавший перила капитанского мостика и в шоковом состоянии завороженно наблюдавший, как смертельный предмет летит в его направлении сквозь пелену тумана; затем удар кувшина о переборку и сухой взрыв яркого пламени. Больше Питт ничего не видел. Корабли пронеслись мимо, и он потерял гидроплан из виду.

У него не было времени на размышления. Он поджег фитиль одного из газовых баллонов, в то время как Сандекер на полной скорости развернул «Гримзи» на сто восемьдесят градусов вслед за гидропланом. Посудина была послушна. Гидроплан затормозил, и пульсирующие красно-желтые отсветы хорошо были видны сквозь серую пленку тумана. Адмирал направил «Гримзи» прямо на гидроплан. Он стоял в рубке прямо, как шомпол. Было ясно, что все, кто стрелял по «Гримзи» тридцать секунд назад, вряд ли останутся на пылающей палубе в надежде сделать еще несколько дырок в старой посудине. Пока огонь не будет потушен, гидроплан и не попытается вновь пойти на таран.

— Дай им еще, — крикнул он Питту через разбитое переднее стекло рубки. — Пусть эти ублюдки почувствуют вкус их собственной микстуры.

Питт не ответил. У него едва хватило времени, чтобы швырнуть горящий баллон, прежде чем Сандекер повернул штурвал и направил судно в третью атаку. Дважды еще они проносились мимо гидроплана, и дважды Питт забрасывал туда свои ржавые огненные разрушающие баллоны, пока его самодельный арсенал не иссяк.

Через некоторое время сильный удар подбросил «Гримзи», выбил все оставшиеся стекла и сбил Питта с ног. Взрыв превратил гидроплан в вулканический сноп пламени и пылающих развалин вокруг.

Эхо отразилось от прибрежных скал и оглушило Питта, когда он попытался встать на дрожавшие ноги и взглянуть на то, что осталось от гидроплана. Великолепно спроектированное, супермощное судно превратилось в груду горевших обломков, с шипением исчезавших с поверхности воды. Он, шатаясь, добрел до рубки. От контузии он временно утратил чувство равновесия. В ушах звенело. Сандекер заглушил двигатели и продрейфовал мимо тонувшего корабля.

— Остался кто-нибудь в живых? — спросил Сандекер. На его щеке была небольшая царапина.

Питт отрицательно покачал головой.

— Никого, — сказал он безучастно. — Если даже кто-то из них прыгнул в воду, то от взрыва погиб.

В рубку вошла Тиди, держась одной рукой за сливовый синяк на лбу. Ее лицо выражало полнейшее замешательство.

— Что... что случилось? — заикаясь, прошептала она.

— Это не были баки с горючим, — сказал Сандекер. — В этом я уверен.

— Да, — мрачно согласился Питт. — У них на палубе была взрывчатка. В нее и попала моя последняя самодельная бомба.

— Очень неосторожно с их стороны. — Голос Сандекера был достаточно добродушным. — Неожиданность действий — вот что ты говорил, и ты был прав. Этим бессловесным тварям и в голову не могло прийти, что загнанная в угол мышь будет бороться, как тигр.

— По крайней мере, мы рассчитались с ними. — У Питта темнело в глазах, но это мало беспокоило его. Он и Сандекер сражались против воли, за выживание. Они вдвойне расплатились за смерть Ханневелла и остальных, но окончательный расчет был еще впереди. «Странно, — думал он, — как, оказывается, легко убить человека, с которым ты даже незнаком, о жизни которого ты не имеешь ни малейшего представления». «Ваше отношение к жизни, — говорил доктор Джонссон, — приведет к вашему поражению. Умоляю вас, мой друг отбросить колебания, когда придет момент». Питт почувствовал удовлетворение. Момент пришел, и он не колебался. У него даже не оказалось времени подумать о боли и смерти, которые он причинял. Он спрашивал себя, является ли эта подсознательная терпимость к убийству любого незнакомого человека тем фактором, который заставляет человечество принять и оправдать войны.

Срывающийся голос Тиди прервал его мысли.

— Они мертвы, они все мертвы. — Она начала всхлипывать, закрыв лицо дрожавшими руками. — Вы убили их всех, хладнокровно заживо сожгли их.

— Извините, леди, — металлическим голосом произнес Питт. — Откройте глаза! И посмотрите вокруг! Эти дыры вокруг пробиты не дятлом. И если привести какой-нибудь штамп из любого западного боевика — «они напали первыми: у нас не было выхода, маршал, их было больше», то у тебя неверный сценарий, дорогая. Мы — хорошие парни. Это они хотели хладнокровно прикончить нас.

Она взглянула в спокойное, решительное лицо, увидела полные понимания зеленые глаза и покраснела.

— Вы были предупреждены, — все еще всхлипывая, говорила она. — Я вам сказала: заткнуть мне рот, если я его открою и начну истерику.

Питт поймал ее взгляд.

— Адмирал и я пока терпим тебя. А если ты еще и сделаешь нам кофе, мы не станем жаловаться на разницу во взглядах.

Она поднялась на цыпочках и нежно поцеловала Питта.

— Два кофе сейчас будут. — Она потерла глаза пальцами.

— И умой лицо, — улыбнувшись, заметил Питт. — Твоя косметика растеклась по щекам.

Она послушно повернулась и спустилась в камбуз. Питт подмигнул Сандекеру. Адмирал кивнул головой в знак мужского взаимопонимания и посмотрел на пылающий корабль.

Гидроплан быстро тонул, опускаясь кормой вниз. Волны пучились вокруг верхнего борта и заливали пламя. На месте корабля образовалось шипящее облако пара, которое вскоре исчезло. Через несколько секунд только кружащиеся масляные пузырьки, неопознанные обломки, да грязная пена обозначали место захоронения. Теперь казалось, что корабль был просто смутным ночным кошмаром, который исчезает с уходом ночи.

Усилием воли Питт заставил себя вернуться к реальности.

— Нет смысла крутиться тут, вокруг. Нам следует вернуться в Рейкьявик быстро, как только мы сможем в таком тумане. Чем быстрее и дальше мы уберемся от этого места к тому времени, когда погода прояснится, тем лучше для всех нас.

Сандекер взглянул на часы. Было без пятнадцати два. Все сражение заняло не больше пятнадцати минут.

— Горячий пунш кажется еще более привлекательным, чем обычно, — сказал он. — Следи за эхолотом. Когда глубина станет менее ста футов, мы будем знать, что приближаемся к берегу.

Через три часа и двадцать миль к юго-западу от Рейкьявика они обогнули мыс полуострова Кефлавик и вышли из полосы тумана. Кажущееся вечным исландское солнце приветствовало их ослепительным блеском. Поднявшись со взлетной полосы Международного аэропорта Кефлавика, прежде чем сделать круг на восток и затем взять курс на Лондон, над их головами взмыл самолет

компании «Пан Америкэн». Его блестящая алюминиевая чешуя, как в зеркале, отражала солнечные лучи. Питт внимательно наблюдал за ним, подумав, что он предпочел бы оказаться сейчас в кресле пилота, а не находиться на палубе этой старой развалины. Его размышления прервал Сандекер:

— Не знаю, как и начать, чтобы выразить мои сожаления по поводу того, что мы возвращаем Рондхейму его корабль в таком разбитом состоянии. — Лукавая, дьявольская усмешка скользнула по его лицу.

— Очень трогательная забота, — отпарировал Питт.

— Ну, ничего, Рондхейм переживет это. — Сандекер снял руку со штурвала и обвел ею разбитую вдребезги рубку. — Немного шпаклевки, немного краски, немного стекла — и он будет как новый.

— Рондхейм, я думаю, посмеется над повреждениями «Гримзи», но хотел бы я посмотреть, как он будет кататься от смеха, когда узнает о судьбе своего гидроплана и его команды.

Сандекер поднял голову.

— И все же почему ты связываешь Рондхейма с этим гидропланом?

— Потому, что мы стоим на палубе этого судна.

— Не понял, — нетерпеливо проговорил Сандекер.

Питт уселся на скамеечку рядом с люком и прикурил сигарету.

— Рондхейм продумал все очень тщательно. Но он забыл, что существует всегда один шанс из тысячи, когда план проваливается. Это и был тот шанс, когда мы выбрали «Гримзи». Помните, мы еще удивились, что «Гримзи» находилось на причале Фири… Оно должно было сопровождать нас. Через некоторое время после того, как мы вышли бы из залива и отправились в круиз на роскошном крейсере, на «Гримзи» появилась бы команда и отправилась на этом старом суденышке на рыбную ловлю, недалеко от нашего местонахождения, чтобы спокойно следить за нами. Если бы мы находились в море, вели себя подозрительно, мы бы все равно не догнали их. Скорость прогулочного крейсера — около двадцати узлов, скорость же «Гримзи» — мы знаем — достигает сорока.

— Да, выражение лиц некоторых стоило бы увидеть, — улыбнулся Сандекер.

— На короткое время их охватила паника, пока Рондхейм не предложил альтернативный план. Надо отдать ему должное — несгибаемый парень. Он относился гораздо более подозрительно к нашим действиям, чем мы могли предположить. Но тогда он не представлял, что мы собирались

делать. Решающим моментом был тот, когда мы якобы случайно выбрали не тот корабль. После шока он решил, что мы таким образом хотим нажать на него. Но теперь он знает наши истинные намерения.

— Черный самолет, — утвердительно заметил Сандекер. — Он хотел скормить нас рыбам, после того как мы установили точное местоположение самолета. Так?

Питт отрицательно покачал головой.

— Не думаю, что в его первоначальный план входило избавиться от нас. Мы одурачили его с подводным снаряжением. Он думал, что мы будем искать следы крушения на поверхности, а когда-нибудь потом, позднее, займемся поисками на глубине.

— Что же изменило его решение?

— Наблюдатель на берегу.

— Да? Но где он находился?

— В Рейкьявике, в машине. — Питт сделал глубокую затяжку. — Следить за нами с воздуха не составляло труда, но можно было легко потерять нас в тумане. Поэтому этот вариант отпал. Он просто приказал одному из своих людей доехать на машине до другого конца полуострова Кефлавик и ждать нас на берегу. Наблюдатель следовал за нами по берегу и остановился, когда мы бросили якорь. В его бинокль все выглядело достаточно невинно, но, как и Рондхейм, мы не учли одного момента.

— Как же? — запротестовал Сандекер. — Мы приняли все меры предосторожности. Любому наблюдателю понадобился бы телескоп «Маунт Паломар», чтобы понять, что это Тиди в твоей одежде.

— Верно. Но в зависимости от положения солнца в японский бинокль с линзами семь на пятьдесят можно было заметить пузырьки воздуха.

— Проклятье! Да не заметить и вблизи, а на расстоянии, в спокойном море с солнцем, находящимся прямо... — Сандекер колебался.

— Наблюдатель связался с Рондхеймом, вероятнее всего, по радиотелефону из машины, и доложил, что мы ныряем на месте крушения. Рондхейм был приперт к стене. И прежде, чем мы обнаружим что-либо, способное выдать его замыслы, нас надо было остановить. Любой ценой. Нужен был корабль более быстроходный, чем «Гримзи». Так появился гидроплан.

— А что способно выдать его замыслы?

— Мы теперь знаем, что вина лежит не на экипаже самолета. Опознавательные знаки были стерты. Остается груз.

— Модели?

— Модели, — повторил Питт. — Это не просто хобби. У них есть какая-то определенная цель.

— И как же ты, черт побери, рассчитываешь выяснить, какая?

— Просто. — Питт хитро усмехнулся. — Нам расскажет Рондхейм. Мы оставим их у ребят из консульства на «корабле-приманке», а затем вернемся к причалу Фири, как ни в чем не бывало. Рондхейм не удержится, чтобы не узнать, обнаружили мы что-либо или нет. И он обязательно сделает какой-нибудь промах. Вот тогда мы ударим его в самое больное место.

Глава 12

Было уже четыре часа, когда они пришвартовались у причала Фири. Там не было ни души. Начальник дока и охранник, очевидно, отсутствовали. Но Питт и Сандекер не обманывались. Они точно знали, что с того момента, как они обогнули мол залива Рейкьявика, за ними неотступно следили.

Прежде чем покинуть несчастное разоренное судно и догнать Тиди и Сандекера, Питт оставил на штурвале записку:

ИЗВИНИТЕ ЗА БЕСПОРЯДОК, НА НАС НАПАЛА КУЧА СЕРДИТЫХ НЕДОНОСКОВ, ВКЛЮЧИТЕ РЕМОНТ В НАШ СЧЕТ.

И подписал: АДМИРАЛ ДЖЕЙМС САНДЕКЕР.

Через двадцать минут они были в консульстве. Молодые консульские сотрудники, которые так профессионально сыграли свою роль на «корабле-приманке», обогнали их всего на пять минут и уже удобно расположились с обеими моделями в кабинете консула. Сандекер горячо поблагодарил их и обещал заменить водолазное снаряжение, которое Питт вынужден был сбросить в глубины моря, новым, лучшим в США.

Питт быстро принял душ, переоделся, взял такси и поехал в аэропорт Кефлавик.

Вскоре черная «вольво» оставила позади чистый живописный город и выехала на узкую асфальтированную дорогу. Она вела к аэропорту. Справа раскинулся Атлантический океан, такой же лазурный в это время дня, как Эгейское море у островов Греции. С моря дул легкий ветер, и Питт заметил, как бриз подгоняет идущие по заливу маленькие рыбацкие лодки. Слева зеленым ковром протянулись бесконечные

пастбища, то тут, то там чернеющие точками пасущегося скота и знаменитых длинногривых исландских пони.

Привыкнув к красоте пейзажа, Питт подумал о викингах — грязных, туго соображающих воинах, опустошавших любую землю, куда только ступала их нога. Тем не менее они были романтизированы и приукрашены в легендах, сохранивших их образ на многие столетия. Они обосновались в Исландии, процветали здесь, а потом исчезли. Но традиции викингов не были забыты в этой стране, где до сих пор уважают суровых, закаленных морем людей, каждый день — и в шторм, и в туман — выходящих в море за уловом рыбы, которая кормит и их семьи, и всю страну.

Как только они въехали в ворота аэропорта, голос водителя вернул Питта к реальности.

— Вам к главному терминалу, сэр?

— Нет, к ремонтным ангарам.

Водитель задумался.

— Извините, сэр. Они расположены на поле за пассажирским терминалом. Туда разрешен въезд только сотрудникам.

Что-то в говоре шофера привлекло внимание Питта. Затем он понял безошибочно — это был акцент американца со Среднего Запада.

— Может, попробуем?

Водитель пожал плечами и подъехал к воротам, которые вели на взлетное поле. Высокий, худой, седовласый охранник в голубой униформе вышел из выкрашенной белой краской будки, одной из тех, которые, казалось, были приклеены ко всем воротам. Он взял под козырек, приветливо улыбнувшись им. Питт опустил окно и показал свое удостоверение Военно-Воздушных Сил.

— Майор Дирк Питт. — Представляясь, он перешел на официальный тон. — Я нахожусь здесь по срочному заданию правительства Соединенных Штатов и должен попасть в коммерческий ремонтный ангар для незапланированного рейса.

Охранник озадаченно смотрел на него, а затем, виновато улыбаясь, пожал плечами.

— Он не понимает по-английски, майор. Разрешите, я вам переведу, — предложил водитель.

Не ожидая ответа, он вышел из машины, взял охранника под руку и увел его в сторону, что-то быстро говоря и усиленно жестикулируя. Впервые Питт смог внимательно рассмотреть своего случайного помощника.

Водитель был среднего роста, ростом около шести футов примерно двадцати шести — двадцати семи лет. У него были соломенные волосы и белая кожа. Если бы Питт встретил его случайно на улице, он подумал бы по его виду, что это недавний выпускник университета, пытающийся сделать карьеру где-нибудь в банке своего тестя.

В конце концов оба мужчины рассмеялись и пожали друг другу руки. Водитель вернулся в машину и подмигнул Питту. Все еще улыбавшийся охранник широко распахнул ворота.

— Похоже, вы знаете подход к службе безопасности? — заметил Питт.

— Водитель такси никуда не годится, если он не умеет уговорить охранника или полицейского или проложить себе путь по забаррикадированной улице.

— Да, вы — ловкач!

— Это моя работа... Какой ангар, сэр? Здесь их несколько, у каждой крупной авиакомпании.

— Главный ремонтный ангар — там ремонтируют транзитный самолет для незапланированных рейсов.

Ослепительный блеск солнца отражался на белой полосе дороги, заставив Питта зажмуриться. Из нагрудного кармана он достал солнечные очки и надел их. Несколько больших самолетов с эмблемами TWA, Pan American. SAS, BOAS и Исландской компании были припаркованы на нескольких полосах. Команды механиков в белых комбинезонах сновали между ними или ползали под капотами и крыльями с топливными шлангами. На другой стороне поля, примерно в двух милях от того места, где находился Питт, стоял самолет Военно-Воздушных Сил США, с которым проделывали те же процедуры.

— Вот мы и приехали, — сказал водитель. — Разрешите предложить вам помощь как переводчик.

— В этом нет необходимости. Не выключайте счетчик. Я вернусь через несколько минут.

Питт вышел из машины и вошел через боковую дверь в ангар, занимавший около двух акров. Пять маленьких частных самолетов сбились в кучу в одном углу ангара, как группа зрителей в пустом зале. Но был еще и шестой, на котором Питт остановил свое внимание. Это был старый самолет фирмы Форд с тремя двигателями, известный под

прозвищем Тин Гуз. Грязное алюминиевое покрытие, закрывавшее корпус и три двигателя, один из которых был расположен на носу самолета, прямо перед кабиной пилота, а два других висели между проводами и подпорками, завершало неприглядный вид, который должен был убеждать, что на этом самолете нельзя не только летать, но и оторвать его от взлетной полосы. Но старые, опытные асы верили в него. Для них это был летающий сукин сын. Питт проследил глазами колею, оставленную самолетом, и подумал, как хорошо было бы совершить на нем испытательный полет. Он направился в дальний конец ангара, где находились служебные помещения.

Он открыл дверь и вошел в комнату, служившую одновременно и для хранения инструментов, и для отдыха. Сигаретный дым смешался с запахом кофе. Он постоял мгновение, наблюдая за группой людей, столпившихся у большого кофейника и смеявшихся над сказанной кем-то шуткой. Все они были одеты в белые комбинезоны, безупречно чистые у одних и заляпанные черными масляными пятнами у других. Питт подошел к ним, улыбаясь.

— Извините, джентльмены, кто-нибудь из вас говорит по-английски?

Один из них, длинноволосый, сидевший к Питту ближе всех, произнес, растягивая слова:

— Да, я говорю по-американски.

— Превосходно, — улыбнулся Питт. — Я ищу человека с инициалами С. К. Вероятно, он специалист по гидравлике.

Механик глянул на него тяжелым взглядом:

— А кому это надо знать?

Питт дружески улыбнулся и достал свое удостоверение.

— Питт, майор Дирк Питт.

В течение следующих пяти секунд воцарилось молчание. Механик сидел неподвижно, ошеломленный, с широко открытыми глазами. Он беспомощно вскинул руки, которые тут же упали.

— Я — конченый человек, майор. Я знал, знал, что это слишком хорошо, чтобы продолжаться так долго. — Акцент выдавал в нем жителя Оклахомы.

Теперь настала очередь Питта онеметь на мгновение.

— Что — слишком хорошо?

— Моя ночная деятельность, — угрюмо протянул оклахомец. — Я ремонтировал гидравлику у гражданских самолетов в свое свободное время.

Он несчастным взглядом уставился в свою чашку кофе.

— Я знал, это против установок Вооруженных Сил США, но хорошие денежки на дороге не валяются. Похоже, мне стоит попрощаться с моими нашивками.

Питт удивленно посмотрел на него.

— Я не знаю таких установок, которые запрещали бы вольнонаемному или офицеру заработать пару долларов в свободное время.

— Верно, майор. Ничего против правил Вооруженных Сил. Это политика, установленная на базе Кефлавик полковником Нейгелем. Он считает, что и в свободное время мы должны обслуживать военные самолеты, а не помогать упрашивающим нас гражданским. Я думаю, он просто зарабатывает себе имя среди высоких чинов в Пентагоне.

Взгляд Питта перешел с механика на группу стоявших невдалеке людей и прислушивавшихся к их разговору, потом снова посмотрел на механика. Внезапно его глаза похолодели.

— Встать, когда разговариваешь со старшим офицером!

— Я не должен целовать вашу задницу, майор. На вас нет формы и...

Все остальное заняло две минуты. Питт бесстрастно нагнулся, одним движением вышиб стул, повалил механика на спину и наступил ногой ему на горло. Остальные замерли в изумлении. Затем они опомнились и стали угрожающе наступать на Питта.

— Скажи своим дружкам, чтобы они убрались, или я сверну тебе шею, — широко улыбаясь, произнес Питт, глядя в расширенные от страха глаза.

Механик был не в состоянии произнести ни слова, поэтому он начал отчаянно жестикулировать обеими руками. Мужчины остановились, но не столько из-за безмолвных просьб их товарища, сколько из-за ледяной усмешки Питта.

— Так-то лучше, ребята, — произнес Питт и повернулся к механику, он поднял ногу ровно настолько, чтобы тот мог говорить.

— Ну, а теперь имя, звание, серийный номер!

— Сэм... Сэм Кашман, — выдавил он. — Сержант Вооруженных Сил, номер 19385628.

— Что ж, не так уж плохо. — Питт разогнулся и помог Кашману подняться.

— Извините, сэр. Я решил, что вы отдалите меня под трибунал.

— Ты ошибся в расчетах, парень, — прервал его Питт. — В следующий раз не открывай рот. Ты признаешься в преступлении, которого не совершал.

— И вы не выдадите меня?

— Начать с того, что меня совершенно не интересует, чем ты занимаешься по ночам. И поскольку я не размещаюсь на американской военно-воздушной базе в Кефлавике, меня не волнует политика вашего полковника Нейгеля, каким бы дерьмом он не был. А потому я не стану выдавать тебя. Все, что мне надо, чтобы ты ответил мне на несколько вопросов. — Питт посмотрел Кашману в глаза и мягко улыбнулся. — Ну, как? Сможешь мне помочь?

На лице Кашмана отразился благоговейный трепет.

— Боже милостивый, сколько бы я отдал, чтобы служить под вашим началом, майор! — Он протянул ему руку. — Спрашивайте!

— Во-первых, не пишешь ли ты обычно свои инициалы на оборудовании, которое ремонтируешь?

— Да. Это мой своеобразный товарный знак, можно сказать. Я делаю хорошую работу, и я горжусь ей. Есть и другая причина. Если я работаю над гидравликой самолета, а мне потом возвращают его с неисправностями, я точно могу доказать, что неисправность появилась не в той части системы, над которой работал я. Это оберегает много времени.

— Не приходилось ли тебе недавно ремонтировать переднюю опору шасси у британского пассажирского самолета?

Кашман задумался на минуту.

— Верно, около месяца назад. Это был новый двойной турбовинтовой «Лорелей» — адская машина.

— Он был выкрашен черной краской?

— Я не мог видеть окраску. Было темно. Мне позвонили в половине второго ночи. — Он покачал головой. — Хотя, по-моему, он не был черным.

— Были у него какие-нибудь опознавательные знаки или что-нибудь необычное, что ты заметил при ремонте?

Кашман расхохотался.

— Самым необычным были два кретина, которые на нем летали. — Он взял чашку, предлагая Питту кофе. — Ох, эти ребята очень спешили! Они все время стояли рядом, подгоняя меня. Чуть не обмочили! Похоже, они где-то резко приземлились и повредили перемычку амортизатора. Им чертовски повезло, что я нашел запасную в ангарах Британской авиакомпании.

— А внутрь не удалось заглянуть?

— Черт, нет. Они так охраняли входную дверь, как будто на борту был президент.

— Нельзя предположить, откуда они могли лететь или куда направлялись?

— Нет. Совсем нет. Они были молчаливые, эти парни. Не говорили ни о чем — только о ремонте. Хотя, я думаю, это был местный рейс. Они не перезаправлялись. На «Лорелее» далеко не улетишь без перезаправки — даже из Исландии.

— Пилот должен был подписать тебе заявку на обслуживание.

— Должен. Но он отказался. Сказал, что он летит вне расписания и что сделает это в следующий раз. Но заплатил мне отлично. Вдвое больше, чем стоит такая работа.

Кашман помолчал немного. Он пытался понять, что нужно этому стоящему перед ним человеку. Но лицо Питта было непроницаемым, как гранитная статуя.

— Зачем вы меня спрашиваете обо всем этом, майор? Можно мне узнать ваш секрет?

— Секрета нет, — медленно проговорил Питт. — «Лорелей» пару дней назад потерпел крушение. Не осталось ничего, что помогло бы идентифицировать самолет, кроме части передней опоры. Я пытаюсь сделать что. Вот и все.

— Он был заявлен как пропавший?

— Я бы не стоял здесь, если бы это было так.

— Я чувствовал, было что-то подозрительное в тех ребятах. Именно поэтому я сам заполнил заявку на обслуживание.

Питт напрягся, глядя Кашману прямо в глаза.

— Какого черта стоит твоя заявка, если ты не смог опознать самолет?

Хитрая ухмылка мелькнула на губах Кашмана.

— Может, я и простой сельский парень, но я родился не сегодня. — Он направился к боковой двери. — Сегодня — ваш день, майор.

Он провел Питта в маленькую комнатку, где находился старый, прожженный во всех местах сигаретами стол и пара таких же старых стульев. В углу стоял большой, обитый металлом шкаф. Кашман подошел к нему, выдвинул ящик, покопался там какое-то время и протянул Питту маленький журнал, заляпанный жирными отпечатками пальцев.

— Я не врал, майор, когда говорил, что было слишком темно, чтобы разобрать, какой краской он был выкрашен. В нижней части его не касалась ни щетка, ни пульверизатор. Алюминиевое покрытие было таким же свежим, как в день, когда он сошел с конвейера.

Питт открыл журнал и пробежал глазами заявку на обслуживание. Почерк Кашмана был далеко не идеальным, но никаких сомнений по поводу написанного в графе «Идентификация самолета» быть не могло. Там стояло: марка Лорелей VIII B1608.

— Как ты это выяснил?

— Спасибо английскому инспектору на фабрике «Лорелей», — ответил Кашман. — После установки перемычки амортизатора, я взял фонарик и обследовал основную опору шасси на повреждение или утечку. И там я его и нашел: приклеен под правой подпоркой, такой же симпатичный, как вы, майор. Зеленый ярлык, на котором было написано, что эта основная опора была обследована старшим инспектором Кларенсом Девонширом из фирмы «Лорелей Эркрафт лимитед». Серийный номер самолета был напечатан на ярлыке.

Питт бросил журнал на стол.

— Сержант Кашман! — рявкнул он.

— Сэр? — Кашман подпрыгнул от резкого тона.

— Номер эскадрильи?

— Восемьдесят седьмая военно-транспортная эскадрилья, сэр.

— Отлично! — Лицо Питта постепенно расслабилось, он потрепал Кашмана по плечу. — Ты абсолютно прав, Сэм. Сегодня мой день.

— Хотел бы я сказать то же самое, — Кашман улыбнулся. — Но уже два раза за последние десять минут вы озадачили меня. Зачем вам номер моей эскадрильи?

— Чтобы послать тебе благодарность, Сэм. А это тебе на хорошую порцию виски.

Кашман удивленно взглянул на него.

— Мой Бог, майор. Вы определенно за кого-то себя выдаете? Я знаю.

— Да нет. — Питт теперь пытался сообразить, как объяснить Сандекеру, что он раскошелился на виски из своей суточной нормы. «Черт возьми, этого Сандекера: как ни винти, придется отчитываться, — подумал он. — Но результат того стоит». «Винтить» — это слово застряло в его мозгу и навело на воспоминания. Он порылся в кармане.

— Кстати, ты никогда это не встречал раньше? — он протянул Кашману отвертку, найденную в черном «Лорелее».

— Ох, ох, невероятно. Верьте или нет, майор, но это моя отвертка. Я заказал ее по каталогу из магазина инструментов в Чикаго. На этом острове она только одна такая. А где вы ее нашли?

— На месте крушения.

— Вот, значит, куда она пропала, — со злостью в голосе произнес он. — Эти ублюдки сперли ее. Я догадывался, что они не в ладах с законом. Скажите мне только, когда будет суд, и я с удовольствием дам против них показания.

— Оставь для словоизлияний более подходящий случай. Твоим друзьям суд не понадобится. Они купили себе домик на том свете.

— Они погибли в катастрофе? — Это больше походило на утверждение, чем на вопрос.

Питт кивнул.

— Что же, что случилось, то случилось. Это может произойти с каждым из нас.

— Как философ, ты сделал отличную карьеру механика по гидравлике, Сэм. — Питт еще раз пожал ему руку. — Спасибо и до свидания. Очень благодарен тебе за помощь.

— Рад был помочь, майор. Да, возьмите отвертку как сувенир. Я уже заказал новую, так что эта мне не нужна.

— Еще раз спасибо. — Питт засунул отвертку в карман, повернулся и вышел из комнаты.

Питт расслабился в такси, взял в рот сигарету, но не стал прикуривать. Серийный номер черного самолета, который ему удалось выяснить, был как маленький луч света в кромешной тьме неведения. Он и не ожидал

узнать что-либо стоящее. Глядя в окно на мелькавшие зеленые луга, он ничего не замечал, размышляя, что теперь, наконец, удастся связать самолет прямо с Рондхеймом. Его мысли еще были сосредоточены на этом, когда вдруг ему показалось, что пейзаж за окном выглядит иначе, чем по дороге в аэропорт. На лугах не было ни скота, ни лошадок, плоские холмы возвышались над бесконечным ковром тундры. Он обернулся и посмотрел в другое окно: моря не было с той стороны, где оно должно было быть. Оно шумело где-то позади машины, медленно исчезая за поворотом дороги. Он перегнулся на переднее сиденье.

— У нас свидание с фермерской дочкой, или мы накручиваем показания счетчика?

Водитель нажал на тормоз и остановил машину на обочине дороги.

— Уединение — это мечта, майор. Мы сделали всего лишь небольшой круг, чтобы немного поболтать...

Голос его затих, так как отвертка, лежавшая раньше в кармане Питта, вошла в его ухо примерно на полдюйма.

— Руки на руль, и поворачивай назад, на дорогу, ведущую в Рейкьявик, — спокойно сказал Питт, — или отвертка войдет в твое правое ухо, а выйдет — через левое.

Питт внимательно наблюдал за лицом водителя в зеркало заднего вида, особенно за глазами, зная, что они первые дадут сигнал о попытке сопротивления. Однако ни тени какого-нибудь выражения, ни капли страха не появилось на лице молодого человека. Затем медленно, очень медленно лицо в зеркале начало улыбаться, а улыбка переросла в громкий смех.

— Майор Питт, вы очень подозрительны.

— Если бы на тебя за последние три дня было совершено три попытки покушения, ты бы тоже стал подозрительным.

Смех резко оборвался, и густые брови соединились на переносице.

— Три попытки? Я знаю только о двух...

Питт оборвал его, засунув отвертку еще на один дюйм глубже в ухо.

— Ты — счастливчик, приятель. Я могу сделать это и получить от тебя полную информацию: и о твоем боссе, и о его планах — обо всем. Но допросы в стиле КГБ меня не привлекают. Поэтому вместо Рейкьявика представь себе дорогу назад, в Кефлавик, но на этот раз в ту часть, где располагаются Военно-Воздушные Силы США, чтобы поиграть там в шарады с агентами Национальной разведки. Они тебе понравятся. Они

специалисты в том, чтобы даже самого молчаливого человека превратить в неумолкающего болтуна.

— Результаты могут оказаться неожиданными.

— Это твои проблемы.

Улыбка вновь появилась в зеркале заднего вида.

— Не только, майор. Это будет самый запоминающийся момент в вашей жизни, когда вы узнаете, что привезли для допроса агента АНБ.

Отвертка продолжала оставаться в ухе.

— Маловероятно. Скорее я услышу историю, как студента-первокурсника застукали курящим в мужском туалете или что-либо в этом роде.

— Да-а, адмирал Сандекер говорил, что с вами будет нелегко разговаривать.

Дверь была открыта, и Питт попытался захлопнуть ее.

— И когда же состоялся разговор с адмиралом?

— В его офисе, в штаб-квартире НСГИ, через десять минут после того, как командующий Коски радировал, что вы с доктором Ханневеллом благополучно приземлились, а если быть точным — на борт «Катавабы».

Дверь продолжала оставаться открытой. Ответ водителя соответствовал тому, что знал Питт: АНБ не вступало в контакт с Сандекером с того времени, как они прибыли в Исландию. Питт огляделся вокруг. Не было никаких признаков жизни, никаких следов возможного сговора водителя со своими сообщниками. Он немного расслабился, затем собрался вновь и еще надавил отверткой.

— Хорошо, будем друзьями, — небрежно бросил Питт. — Но предупреждаю, брось мне свое оружие — и без всяких выкрутас.

— Нет проблем, майор. Расслабьтесь и сами снимите мою фуражку.

— Фуражку? — переспросил Питт. Он поколебался мгновение, а затем медленно свободной левой рукой приподнял фуражку водителя.

— Внутри, он привязан к подкладке. — Голос водителя был мягким, но властным. — Там небольшой кольт двадцать пятого калибра. Возьмите его и вытащите эту чертову отвертку из моего уха.

Все так же, продолжая действовать одной рукой, Питт открыт затвор револьвера, потер большим пальцем капсюли двух крошечных

патронов, чтобы убедиться, что револьвер заряжен, затем закрыл затвор и взвел курок.

— Чем дальше, тем лучше. А теперь вылезай из машины и держи руки так, чтобы я их мог видеть. — Он вытащил отвертку из ушной раковины водителя.

Тот выскользнул из машины, прошел вперед и лениво полуразвалился на крыле. Поднял правую руку и, морщась, помассажировал ей свое правое ухо.

— Хорошая тактика, майор. О ней ничего не написано в книгах, которые я читал.

— Больше надо было читать, — сказал Питт. — Прокалывать пешней для льда барабанную перепонку до мозгов у несговорчивых клиентов — это старый способ наемных убийц во времена великих гангстерских войн, когда ни тебя, ни меня еще не было на свете.

— Достаточно болезненный урок, его трудно будет забыть.

Питт тоже вылез из машины, оставив переднюю дверцу до упора открытой, чтобы она в случае необходимости послужила ему прикрытием. Револьвер в его руке был направлен водителю прямо в сердце.

— Ты сказал, что разговаривал с адмиралом Сандекером в Вашингтоне? Опиши его. Рост, волосы, манеры, интерьер его офиса — все.

Дважды убеждать водителя было не надо. Он говорил несколько минут, закончив примерами любимых выражений Сандекера.

— У тебя хорошая намять. Я бы сказал, идеальная.

— У меня фотографическая память. Мое описание адмирала Сандекера могло быть взято из его личного дела. А вот, например, о вас: майор Дирк Эрик Питт. Родился тридцать два года четыре месяца и двенадцать дней назад в Гоаг-госпитале в Ньюпорт Бич, в Калифорнии. Мать зовут Барбарой, отца — Джордж Питт, сенатор Соединенных Штатов от вашего родного штата. — Водитель продолжал монотонно, как будто он рассказывал заученную наизусть речь, что, впрочем, было недалеко от правды.

— У вас три ряда нашивок, которые вы никогда не носите. Что еще? У вас репутация любимца женщин... Если хотите, я могу предоставить подробный отчет о том, что вы делали час за часом с того момента, как покинули Вашингтон.

Питт опустил револьвер.

— Достаточно. Я сражен, мистер...

— Лилли. Джером Пи Лилли Четвертый. Я ваш связной.

— Джером Пи... Лилли — редкое имя, но я его знаю...

— Лилли — достаточно уважаемое имя в Сент-Луисе уже более ста лет...

— А-а... вспомнил! Пиво «Лилли». Конечно. Пиво «Лилли». Какой девиз? «Пиво — для стола гурмана».

— Это лишь доказывает значение рекламы. Так вы один из наших потребителей?

— Нет. Я предпочитаю «Бадвейзер».

— Теперь я вижу, с вами действительно трудно ужиться.

— Не очень. — Питт поставил револьвер на предохранитель и бросил его Лилли. — Будем друзьями. Человек, рассказавший мне такую историю, не может быть одним из тех нехороших парней.

Лилли поймал револьвер.

— Вы можете мне верить, майор. Я рассказал вам правду.

— Вы далеко ушли от пивоваренного завода, или это уже другая история?

— Очень скучная и очень длинная. Когда-нибудь в другой раз. Я буду изливать душу с бокалом папашиного продукта. — Он машинально, как будто это было ежедневной привычкой, привязал револьвер на старое место. — А теперь... Вы упомянули о третьей попытке покушения на вашу жизнь.

— Вы же предлагали мне подробный рассказ о том, что я делал час за часом после того, как покинул Вашингтон.

— Все мы не идеальны, майор. Я потерял вас сегодня на два часа.

Питт что-то прикинул в уме.

— А где вы были в полдень?

— На южном берегу.

— Чем занимались?

Лилли повернулся к нему и безучастно произнес:

— В десять минут первого я всаживал нож в глотку другого человека.

— Значит вы вдвоем наблюдали за «Гримзи»?

— «Гримзи»? Да, конечно, так называется это полуразвалившееся суденышко. Я наткнулся на этого парня совершенно случайно. После того как вы с адмиралом Сандекером и мисс Ройял повернули на юго-восток, у меня зародилось подозрение, что вы бросите якорь в том месте, где напали на вас с доктором Ханневеллом. Я пересек полуостров, но приехал слишком поздно — эта старая посудина оказалась быстрее, чем я мог предположить. Вы уже делали зарисовки шторма на море, а адмирал Сандекер исполнял роль рыбака-любителя. Сама картина вашего довольства полностью сбила меня с толку.

— Но не вашего соперника. Его бинокль был намного мощнее.

Лилли отрицательно покачал головой.

— Не бинокль — телескоп. Мощный телескоп, установленный на треножник.

— Значит, отблеск, который я заметал с корабля, был от отражающего зеркала?

— Если бы солнце поймало его правильно, яркая вспышка стала бы для вас очевидной уликой.

Питт замолчал, прикуривая сигарету. Щелчок зажигалки показался странно громким на фоне открытого безмолвного пейзажа.

— Вы сказали, что прикончили его?

— Да, к сожалению. Но у меня не было выбора. — Он перегнулся через капот и вытер лоб рукой. — Он — я даже не знаю, как его звали, у него не было никаких документов — склонился над телескопом, передавая что-то по портативной рации, когда я подкрался и буквально свалился на него. И его, и мое внимание было сфокусировано на вашем судне. Он не ожидал меня, а я не ожидал его. На его беду он среагировал быстрее. Он вытащил из рукава автоматический нож, правда, достаточно старой модели, и прыгнул на меня.

Лилли беспомощно пожал плечами.

— Бедняга попытался вонзить, вместо того, чтобы полоснуть, что выдало в нем любителя. Я, конечно, должен был оставить его в живых для допроса, но я так увлекся в пылу борьбы, что повернул его нож против него самого.

— Жаль, что вы не проткнули его на пять минут раньше, — заметил Питт.

— Почему?

— Он успел радировать о нашем местонахождении, что позволило его дружкам погнаться за нами.

Лилли вопросительно уставился на него.

— С какой целью? Чтобы украсть несколько набросков или ведро с рыбой?

— Нет. Кое-что более важное. Самолет.

— Знаю. Таинственный черный самолет. Мне пришла в голову мысль, что вы отправитесь на его поиски, когда я понял, какое направление вы выбрали. Но в вашем отчете не было указано точное место…

Питт прервал его притворно дружелюбным голосом:

— Я совершенно точно знаю, что адмирал Сандекер не имел ни с кем никаких контактов с тех пор, как он покинул Вашингтон. Только он и я знаем, что было написано в том отчете…

Он сделал паузу, внезапно вспомнив.

— Кроме…

— Кроме секретарши в консульстве, печатавшей его, — закончил Лилли, улыбнувшись. — Примите мои поздравления. Ваши комментарии отлично составлены.

Лилли не потрудился объяснить, каким образом секретарша консульства передала ему копию для ознакомления, а Питт не удосужился спросить его об этом.

— Скажите, майор, а как вы собирались выловить утонувший самолет, имея при себе только мольберт и удочку?

— Ваша жертва знала ответ на этот вопрос. С помощью телескопа он заметил мои пузырьки воздуха.

Лилли прищурил глаза.

— У вас было водолазное снаряжение? — быстро спросил он. — Как? Я видел, как вы покидали причал, — у вас ничего не было. Я следил за вами и адмиралом с берега: никто из вас не покинул палубу более чем на три минуты. Я потерял видимость только тогда, когда начался туман.

— У АНБ нет монополии на тайные, закулисные сюжеты. Давайте сядем в машину, устроимся поудобнее, и я расскажу вам еще об одном обычном дне из жизни Дирка Питта.

Питт развалился на заднем сиденье, положив ноги на спинку переднего, и стал рассказывать о том, что произошло с ним с тех пор, как «Гримзи»

покинуло причал Фири, и до его возвращения. Он рассказывал о том, что знал точно, и о том, что только предполагал, кроме одного — мысли о Керсти Фири.

Глава 13

— Вы выбрали Оскара Рондхейма в качестве злодея. — произнес Лилли. — Но не привели пока ни одного серьезного доказательства.

— Согласен, все это предположения, — ответил Питт. — Рондхейм выигрывает от этого больше всех. А значит, у него есть мотив. Сначала он убивает, чтобы сохранить в своих руках зонд, а затем, чтобы замести следы.

— Вам следует делать это более тщательно.

Питт посмотрел на Лилли.

— Например?

— Как человек, занимающий достаточно высокий пост в АНБ, вынужден признаться, что я растерян.

— Растерян. — Питт покачал головой с печальной усмешкой. — Я тоже не могу утверждать, что чувствую себя слишком комфортно, зная, что безопасность нашей страны находится в таких руках.

— Это вы, майор, вызвали мою растерянность. Вы — тот, который разорвал цепь.

— Какую цепь? Или предполагается, что я должен догадаться?

Лилли поколебался, но потом решительно взглянул в глаза Питту.

— За последние восемнадцать месяцев во многих странах, от самой южной оконечности Чили до северной границы Гватемалы, происходит цепь странных событий. Секретно, путем целого комплекса подпольных маневров, крупнейшие горнорудные компании Южной Америки объединяются в один гигантский синдикат. Внешне — они занимаются обычным бизнесом, но за закрытыми стальными дверями их дирекций определяется политика, которая исходит из одного неизвестного центра.

Питт с сомнением покачал головой.

— Это невозможно. Я могу назвать, по крайней мере, пять стран, национализировавших свои горнорудные артели. Они никак не могут быть связаны с иностранной компанией, находящейся за их границами.

— Тем не менее, это подтверждается документально. Там, где рудники были национализированы, управление ими контролировалось из одной организации. Парнагус-Джаниус, богатые железнорудные карьеры

Бразилии, бокситовые рудники Доминго в Доминиканской Республике, государственные серебряные рудники в Гондурасе — все они получают указания от одного лица.

— Как удалось получить эту информацию?

— У нас много источников. Некоторые — внутри самих компаний. К сожалению, мы пока не можем внедрить наших людей в верхи администрации.

Питт бросил сигарету в пепельницу, расположенную сбоку, в двери машины.

— Не вижу ничего необычного в том, что кто-то пытается создать монополию. И если у них кишка не тонка, чтобы одолеть это, честь им.

— Монополия плоха сама по себе, — отозвался Лилли. — В число руководства этого синдиката, как нам удалось выяснить, входят двенадцать наиболее богатых людей Запада. И каждый из них имеет финансовый контроль над исследованиями природных ресурсов и такие длинные щупальца, которые распространяют сферу своего влияния более чем на двести промышленных предприятий.

Лилли помолчал, глядя на Питта.

— Создав монополию, они смогут контролировать цены на медь, алюминий, цинк и другие металлы. Возникшая инфляция разрушила бы экономику более чем тридцати государств, и в первую очередь Соединенных Штатов.

— Можно не продолжать. Однако, если это случится, то затронет и их финансовые империи.

Лилли улыбнулся и кивнул.

— В этом-то вся и хитрость. Эти люди — Ф. Джеймс Келли из США, сэр Эрик Маркс из Великобритании, Роже Дюпуа из Франции, Ханс фон Хаммель из Германии, Ибан Махани из Ирана и другие — все они преданы своим странам. Каждый из них может крутить-вертеть с налогами, но ни один из них не пойдет на то, чтобы поставить свою страну на грань экономической катастрофы.

— В чем же тогда их цель?

— Вот этого мы и не знаем.

— А связи Рондхейма?

— Ничего, кроме интереса к Керсти Фири и ее глубоководным исследованиям.

Наступило длительное молчание. Затем Питт медленно проговорил:

— Тогда встает вопрос, как связать одно с другим? Какое отношение имеют боссы, контролирующие латиноамериканские горнорудные синдикаты, к Исландии? Как я понимаю, АНБ вряд ли послало бы вас сюда изучать систему местных автомобильных дорог в роли водителя такси? В то время, как ваши коллеги внедряются на предприятия, наблюдая за Келли, Марксом, Дюпуа и другими. Ваша задача — следить еще за одним членом группы «денежных мальчиков». Назвать имя, или Вы напишете его на листе бумаги и положите в конверт?

Лилли бросил на него оценивающий взгляд.

— Вы бредёте в потемках.

— Правда? Хорошо, отбросим недомолвки. Адмирал Сандекер говорил, что он проверял все портовые власти от Буэнос-Айреса до залива Гуз и обнаружил двенадцать человек, снимавших заход в порт и отплытие исландского рыболовного траулера, соответствующего реконструированному «Лакс». Что еще он должен был сказать? Что это он их обнаружил? Нет. Кто-то еще делал для него эту работу, и это было АНБ.

— Ничего необычного в этом нет, — заметил Лилли. — Иногда эту информацию гораздо легче получить нашим агентам, чем правительственной организации, занимающейся морскими исследованиями.

— Конечно, вы обладали этой информацией гораздо раньше, чем он попросил ее у вас.

Лилли ничего не сказал. Ему нечего было сказать. Его угрюмое выражение сказало все, что Питту надо было знать.

— Однажды вечером, пару месяцев назад, я встретил в баре офицера-связиста. Мы оба были уставшими, и никому из нас не хотелось ни веселиться, ни охотиться за девочками. Мы просто сидели и пили до закрытия. Он только что вернулся из служебной командировки на радиостанцию в Смисфорде, что в Гудзоновом заливе, в Канаде. По его словам, это — комплекс из двухсот радиомачт, окружавших большую территорию примерно в тысячу акров. Не спрашивайте меня ни его имя, ни звание — иначе вы сможете привлечь его за разглашение военной тайны. В любом случае, я забыл и то, и другое.

Питт устроился поудобнее и продолжал:

— Он очень гордился этим проектом, прежде всего потому, что он был одним из его авторов и разработчиков. Сложнейшее оборудование было способно перехватывать любую радиопередачу к северу от Нью-Йорка,

Лондона и Москвы. После того как установка была завершена, команде военных инженеров было любезно предложено продолжить службу в любом другом месте. Конечно, с его стороны это только предположение, что эта станция принадлежала АНБ, на которое возложена обязанность негласного подслушивания в пользу Министерства обороны и Центрального разведывательного управления. Крайне интересное заключение, особенно если учесть, что Смисфорд широко рекламировалась как станция слежения за спутниками.

Лилли подался вперед.

— К чему ведут все эти рассуждения?

— К двум джентльменам, которых зовут Матаджик и О'Райли. Оба недавно погибли.

— Вы полагаете, я был с ними знаком? — полюбопытствовал Лилли.

— По именам. Мне не хочется объяснять еще раз, кто они. Я думаю, вы знаете. Ваши люди в Смисфорде перехватили сообщение Матаджика Сандекеру о находке давно пропавшей «Лакс». Может быть, эта информация и мало что значила для аналитиков от разведки, но, без сомнения, их электронные уши поймали последнюю радиограмму пилота. С этого момента сюжет нагнетается. Адмирал Сандекер выполнил свои обязанности и передал береговой охране сообщение об утере оборудования, требуя организовать поиски на месте исчезновения самолета НСГИ. Ничего не было найдено… или ни о чем не было сообщено. Береговая охрана тут же взялась за дело, но АНБ — нет. Они следовали за «Лакс» и ее таинственной командой с самого начала. Каждый раз, когда корабль радировал на базу в Исландию, компьютеры Смисфорда засекали его точное местонахождение. В это время эксперты из штаб-квартиры в Вашингтоне унюхали связь между подводным зондированием и контролем над горнорудными разработками в Южной Америке, а потому они снова обратили на «Лакс» свое пристальное внимание и стали следить за ее передвижениями вдоль побережья Атлантики. И когда Сандекер запросил ту же самую информацию, они осторожно подождали несколько дней, а затем с серьезным выражением лица вручили ему давно заготовленную копию.

— Вы действительно рассчитываете, что я поверю в эту версию?

— Меня мало волнует, во что вы поверите, — устало сказал Питт. — Я просто констатирую факты. Соедините их вместе, и они составят имя человека, который находится под вашим наблюдением здесь, в Исландии.

— А почему вы думаете, что это не женщина? — бросил пробный шар Лилли.

— Потому что вы пришли к тем же выводам, что и я, — Керсти Фири может контролировать «Фири лимитед», но Оскар Рондхейм контролирует Керсти Фири.

— Итак, мы опять вернулись к Рондхейму?

— А мы разве куда-нибудь от него уходили?

— Замечательный, замечательный вывод, майор Питт! — пробормотал Лилли.

— Способный заполнить какой-нибудь пробел?

— Пока я не получил другого приказа, я не имею права посвящать человека со стороны в детали нашей операции. — Лилли заговорил официальным тоном, который не очень подходил к ситуации. — Но могу согласиться с вашими выводами в том, что АНБ действительно перехватило сообщение Матаджика. Да, мы следили за «Лакс». Да, мы чувствовали, что Рондхейм как-то связан с горнорудным синдикатом. Кроме этого, я мало что могу добавить.

— Раз мы стали такими близкими друзьями, — ухмыляясь, произнес Питт, — то почему бы вам не называть меня просто Дирк?

Лилли был снисходителен к побежденному.

— Хорошо. Но не смейте называть меня Джером. Только Джерри. — Он протянул руку. — Итак, партнер, не разочаруй меня, раз я взял тебя на фирму.

Питт ухмыльнулся опять.

— Ладно. Раз уж мне от тебя не отделаться.

Лилли огляделся вокруг на бескрайние просторы и задумался. Потом взглянул на часы.

— Нам пора возвращаться в Рейкьявик.

— Что у тебя в программе?

— Во-первых, надо связаться со штаб-квартирой и передать им как можно скорее серийный номер черного самолета. Если им будет сопутствовать успех, то к утру, я надеюсь, мы будем знать имя владельца. После всего того, что случилось с вами, это главная улика. Во-вторых, я хочу покрутиться в том месте, где стоял на якоре гидроплан. Кто-нибудь должен что-нибудь знать. Нельзя на таком маленьком острове, как этот, держать в секрете катастрофу, происшедшую с гидропланом. И третье, эти две модели латиноамериканских правительственных зданий. Боюсь, ты задал нам сложную задачу, выловив их из морской пучины. У них

должна быть какая-то функциональная цель. Они должны быть крайне важны для того, кто их изготовил, а может быть, и — нет. По этому вопросу я запрошу Вашингтон прислать сюда эксперта по миниатюрам, который тщательно обследует каждый квадратный дюйм этих моделей.

— Эффективность, глубина, профессионализм. Так держать! Я все больше поражаюсь.

— Стараюсь, — саркастически ответил Лилли.

— Помощь нужна? — спросил Питт. — Вечером я свободен.

Лилли улыбнулся так, что Питт почувствовал себя неловко.

— Дирк, у тебя уже есть планы на вечер. Я хотел бы поменяться с тобой местами, но не могу.

— Боюсь даже спросить, что на этот раз придумал твой маленький отвратительный мозг?

— Прием. Ты — счастливчик. Ты идешь на поэтический вечер.

— Не валяй дурака!

— Я серьезно. У тебя есть приглашение лично от Оскара Рондхейма. Хотя я подозреваю, что это идея мисс Фири.

Брови Питта сошлись в одну дугу над зелеными глазами.

— Откуда ты знаешь? Как ты МОГ это узнать? Не было никакого приглашения, когда ты подобрал меня у консульства.

— Секрет фирмы. Мы случайно смогли выпустить кролика из шляпы.

Становилось прохладно, и Питт поднял окно в машине.

— Поэтический вечер, — сказал он с отвращением. — На нем должен быть победитель.

Глава 14

Исландцы много спорят, какой дом более элегантен: резиденция президента в Бессастадире или большой дом, раскинувшийся на гребне самого высокого холма над Рейкьявиком. Эти дискуссии будут продолжаться до тех пор, пока оба здания не сравняются с землей, хотя на самом деле, сходства между ними нет. Резиденция исландского президента — это образец классической простоты, тогда как современное здание, в котором жил Оскар Рондхейм, казалось порождением безудержной фантазии архитектора.

Целый квартал перед массивными, богато украшенными резными дверями был запружен лимузинами, представлявшими самых дорогих

производителей автомобилей от каждой страны: «роллс-ройс», «линкольн», «мерседес-бенц», «кадиллак». Даже русский «ЗИЛ» стоял около центрального входа.

Между главным залом и террасой прогуливались около восьмидесяти — девяноста человек, разговаривавших на всевозможных иностранных языках. Солнце, спрятавшееся за заблудившимся облаком, внезапно ярко осветило все окна, хотя уже была половина десятого вечера. В дальнем конце главного зала Керсти Фири и Оскар Рондхейм встречали и приветствовали каждого прибывающего гостя. Они стояли под массивным крестом с красным альбатросом.

Керсти была восхитительно красива, облаченная в длинное белое шелковое платье с золотой отделкой. Ее светлые волосы были уложены на голове в греческом стиле. Высокий, похожий на ястреба Рондхейм возвышался над ней, раздвигая свои губы в улыбке только тогда, когда этого требовала вежливость. Он как раз приветствовал русских гостей, предлагая им пройти к длинному столу, уставленному нескончаемыми рядами икры и лосося и украшенному огромной чашей с пуншем, когда его глаза округлились от изумления, а на губах появилась ледяная улыбка. Керсти похолодела, когда ропот гостей перерос вдруг в странную тишину.

Питт вошел в зал во всем блеске «голубого». На верху лестницы, у входа в зал, он остановился и направил лорнет, висевший на золотой цепочке у него на шее, на присутствовавших в зале. Возбужденная аудитория беззастенчиво разглядывала его.

Их нельзя было винить в этом, даже с точки зрения этикета. Экипировка Питта являла собой нечто среднее между костюмом двора Людовика XI и непонятно чем. Из-под красного пиджака торчали кружевной гофрированный воротник и манжеты, желтые парчовые бриджи сужались книзу и исчезали в красных замшевых ботинках.

Талия была перепоясана коричневым шелковым кушаком, свободные концы которого спускались до колен. Если Питт рассчитывал на сногсшибательный эффект, то он его произвел. Когда немая сцена достигла своего накала, он изящно спустился по лестнице и подошел к Керсти и Рондхейму.

— Добрый вечер, мисс Фири... мистер Рондхейм. Как приятно, что вы меня пригласили. Поэтические вечера — это мои любимые суаре. Я не пропустил бы ни одного, даже за все кружева Китая.

Она изумленно уставилась на Питта.

— Оскар и я рады, что вы пришли. — Это все, что она смогла произнести.

— Да, рады видеть вас снова, майор, — слова застревали в горле Рондхейма. Он ответил на слабое рукопожатие Питта.

Керсти, как будто ощущая нелепость сложившейся ситуации, спросила:

— Вы сегодня не в форме?

Питт опустил лорнет.

— Слава Богу, нет. Форма — это так скучно и однообразно, не правда ли? Я подумал, будет интересно, если я надену штатское и никто на вечере меня не узнает. — Он громко засмеялся своей плоской шутке, привлекая еще больше внимание окружающих.

К крайнему удовольствию Питта, Рондхейм усилием воли заставил себя натянуто улыбнуться.

— Мы надеялись, адмирал Сандекер и мисс Ройял тоже придут.

— Мисс Ройял появится с минуты на минуту, — сказал Питт, разглядывая присутствовавших в лорнет. — Но адмирал… Боюсь, он чувствует себя неважно. Он решил сегодня пораньше лечь. Бедный старик! Но я не могу винить его после того, что произошло сегодня днем.

— Надеюсь, ничего серьезного. — В голосе Рондхейма чувствовался интерес к причинам происшедшего с адмиралом.

— К счастью, нет. Он отделался только ушибами и синяками.

— Что случилось? — спросила Керсти.

— Несчастный случай, ужасный несчастный случай, — драматически произнес Питт. — После того как вы столь любезно согласились предоставить нам судно, мы направились к южному берегу, где я делал наброски, а адмирал рыбачил. Около часу дня мы оказались в густом тумане. На пути назад раздался страшный взрыв. Он выбил все стекла в рубке и немного поцарапал голову адмиралу.

— Взрыв? — переспросил Рондхейм. Его голос был низким и хриплым. — Отчего был взрыв?

— Понятия не имею, — ответил Питт. — Ничего не было видно. Конечно, мы пытались разобраться, но видимость составляла не более двадцати футов.

Лицо Рондхейма оставалось невыразительным.

— Очень странно. Вы уверены, что ничего не заметили, майор?

— Абсолютно, — ответил Питт. — Вы думаете примерно так же, как и адмирал Сандекер. Судно могло напороться на мину, оставшуюся еще со Второй мировой войны, или мог начаться пожар, от которого взорвался один из баков с горючим. Мы уведомили местную береговую охрану. Но им ничего не остается делать, как ждать, кто заявит о пропавшем судне. В общем, ужасное происшествие...

Питт остановился, увидев приближавшуюся Тиди.

— А, Тиди, наконец, ты появилась,

Рондхейм повернулся к ней и улыбнулся.

— Мисс Ройял. — Он нагнулся и прикоснулся к ее руке. — Майор Питт рассказывал нам, какое ужасное происшествие вы пережили сегодня днем.

«Подонок», — подумал Питт: «Не может устоять, чтобы не выжать из нее ответы с ходу». Тиди, в длинном синем платье, с распущенными по плечам гладкими волосами, выглядела игриво и привлекательно. Питт нежно положил ей руку на талию и так, чтобы никто не видел, ущипнул ее чуть ниже спины. Он улыбался, глядя в ее большие карие глаза.

— Боюсь, что я почти все пропустила. — Она отвела руку за спину и выкрутила мизинец Питта с такой силой, что он тут же убрал руку с ее талии. — От взрыва я ударилась головой о буфет в камбузе.

Она дотронулась до небольшого пятнышка на лбу — синяк был тщательно скрыт косметикой.

— Я почти полтора часа не могла прийти в себя. А бедного Дирка трясло и выворачивало всю обратную дорогу.

Питт готов был расцеловать ее. Тиди вышла из положения без сучка и задоринки, как хорошая скаковая лошадь проходит дистанцию.

— По-моему, мы отнимаем много времени, — сказал он, взяв ее под руку и уводя прочь к чаше с пуншем.

Он налил ей чашечку пунша, они набрали закусок и отошли в сторону. Питт с трудом мог подавить зевоту, в то время как они с Тиди переходили от группы к группе. Как опытный завсегдатай подобных приемов, Питт легко вписывался в компанию, но сейчас он не мог найти точку опоры. Атмосфера была какая-то странная. Вроде все было как всегда: и скучающие, и развязные, и выпивохи, и снобы. Все говорившие по-английски, с кем они беседовали, были вполне вежливы. Никаких антиамериканских настроений — любимой темы разговоров гостей других национальностей — не всплывало на поверхность. Внешне все

казались одной средней массой. Наконец он понял. Он отошел в сторону и шепнул Тиди на ухо:

— У тебя нет чувства, что мы здесь — персона нон грата?

— Нет. По-моему, все достаточно дружелюбны.

— Верно. Они общительны и вежливы. Но это внешне.

— Почему ты так думаешь?

— Я различаю теплую искреннюю улыбку, если ее встречаю. Здесь мы не встретили ни одной. Как будто мы в клетке. Разрешается кормить зверей и разговаривать с ними, но не трогать.

— Глупо. Нельзя винить людей в том, что они чувствуют себя неловко, когда разговаривают с человеком, который вырядился, как ты.

— Дело не в этом. Любой эксцентричный человек всегда, без нажима, привлекает к себе интерес. Если бы я был в этом уверен, я бы сказал, что это заговор.

Она улыбнулась.

— Перестань. Видишь тех двух людей, справа от меня? Около рояля?

Питт медленно взглянул туда, куда она указывала. Короткий лысый крепыш, оживленно жестикулируя, что-то быстро говорил прямо в густую седую бороду, находившуюся не более чем в десяти дюймах от его носа. Борода принадлежала худому, седовласому, элегантному мужчине, который под туго накрахмаленным воротничком был похож на профессора Гарварда. Питт повернулся к Тиди и пожал плечами.

— И?..

— Ты не узнаешь их?

— А что? Должен?

— Ты не читаешь светскую хронику в «Нью-Йорк Таймс»?

— Нет, выше «Плейбоя» я не поднимаюсь.

Она бросила на него недовольный женский взгляд и сказала:

— Это печальная ситуация, когда сын сенатора Соединенных Штатов не знает в лицо двух самых богатых людей в мире.

Питт только наполовину слушал Тиди. Ее слова потонули в потоке его мыслей. Внезапно они всплыли вновь, и он пристально посмотрел на тех двух мужчин, которые все так же были увлечены беседой. Он сделал шаг назад и сжал руку Тиди.

— Их имена?

Ее глаза расширились от удивления.

— Лысый — это Ханс фон Хаммель, а элегантный — Ф. Джеймс Келли.

— Ты не ошибаешься?

— Думаю, нет. Я видела Келли один раз на балу по случаю вступления президента в должность.

— Посмотри еще. Может быть, узнаешь еще кого-нибудь?

Тиди оглядела зал в поисках знакомых лиц. Ее взгляд задержался не раз, а целых три раза.

— Сидящий слева старик в смешных очках — это сэр Эрик Маркс. Привлекательная брюнетка рядом — Дороти Хауард, английская актриса...

— Женщины меня не интересуют. Сосредоточься на мужчинах.

— Еще одно лицо, которое мне знакомо, принадлежит Джеку Бойлу, австралийскому угольному магнату. Сейчас он разговаривает с Керсти.

— Как ты хорошо разбираешься в мире миллионеров!

Тиди быстро пожала плечами.

— Это любимое времяпрепровождение для многих незамужних девушек. Никогда не знаешь, где встретишь того, кто сделает тебе предложение. Поэтому готовишься, пусть это всего лишь игра воображения.

— И однажды мечты становятся реальностью.

— Не понимаю.

— И я тоже. Хотя думаю, что это больше походит на собрание клана.

Питт увлек Тиди на террасу и провел ее против потока гостей. Он видел, как небольшие группы людей скрывались за массивными двойными дверями, затем появлялись вновь. Они следили за ним, за каждым его движением. У него появилось смутное подозрение, что появление в доме Рондхейма было ошибкой. Только он начал придумывать предлог, как вежливо покинуть дом, как к ним подошла Керсти и предложила им последовать за ней.

— Не хотите ли пройти в кабинет? Мы начинаем чтения.

— Кто будет читать?

Керсти вспыхнула.

— Оскар, конечно.

«О, мой Бог!» — про себя пробормотал Питт.

Он пошел за Керсти, как ягненок на бойню. Тиди плелась сзади.

Когда они вошли в комнату и нашли место в длинных рядах плетеных кресел, окружавших небольшой помост, помещение было заполнено почти полностью. Это было небольшим утешением, но Питт обрадовался, что нашел места в последнем ряду кресел рядом с дверью, подумывая о возможных вариантах невинного бегства, когда представится удобный случай. Но тут же его мечты развеялись, как дым, — дворецкий закрыл двери и запер их.

Через несколько минут он повернул выключатель и приглушил свет, погрузив кабинет в полную темноту. Керсти поднялась на помост, и в комнате зажегся мягкий розовый свет, создав вокруг нее особую ауру, сделавшую ее похожей на скульптуру греческой богини, одиноко стоящую на пьедестале в Лувре. Питт мысленно раздел ее, пытаясь представить, какую необыкновенную картину она будет являть собой. Он взглянул на Тиди. Вдохновенное выражение ее лица заставило его подумать, что ее мысли совпадают с его. Он поискал ее руку, нашел и сжал ее пальцы. Однако Тиди была так поглощена видением на помосте, что не заметила его пожатия.

Стоя неподвижно, не произнося ни слова, впитывая взгляды гостей, которые невидимо сидели внизу под мерцанием ламп, Керсти Фири мягко улыбалась с тем чувством самоуверенности, которое присуще только безупречно красивым женщинам.

Она наклонила голову в сторону притихшей аудитории и начала говорить:

— Леди и джентльмены, уважаемые гости! Сегодня наш хозяин, Оскар Рондхейм. предлагает вашему вниманию свое последнее произведение. Он прочитает его на нашем родном исландском языке. А затем, так как многие из вас говорят по-английски, он прочтет стихи нового современного ирландского поэта Шона Маги.

Питт повернулся к Тиди и прошептал ей:

— Мне бы следовало подкрепить себя еще десятью чашечками пунша.

Он не видел лица Тиди. Но ему и не надо было — он почувствовал удар ее локтя в бок. Когда он повернулся, Керсти исчезла, а ее место занял Рондхейм.

Можно было бы сказать, что в течение следующих полутора часов Питт испытывал адские муки. Но нет. Через пять минут после того, как

Рондхейм начал монотонно декламировать свои исландские вирши, Питт уснул, уверенный, что в темноте никто не заметит его равнодушия к поэтическому мастерству.

Как только первая волна сна окутала его, Питт вновь очутился на пляже: в сотый раз он держал голову доктора Ханневелла, опять и опять он беспомощно следил, как Ханневелл безучастно глядел на него, пытаясь что-то ему сказать. В конце концов, он произнес три слова, казавшиеся Питту бессмысленными, потом облако пробежало по его старческим чертам, и он умер. Сцена смерти Ханневелла повторялась во сне много раз, но каждый раз с новыми деталями. То он видел, что на пляже были дети, как это и было на самом деле. В другой раз — они оказались одни в пустынном месте. Затем кружился черный самолет. Даже Сандекер появился в одном из вариантов: он стоял рядом с Питтом и Ханневеллом и грустно качал головой. Погода, обстановка на пляже, цвет моря — все менялось ото сна ко сну. Повторялась только одна деталь — последние слова Ханневелла.

Аплодисменты разбудили Питта. Он посмотрел в никуда, с трудом пытаясь собраться с мыслями. В комнате зажегся свет, и он несколько секунд щурился, чтобы привыкли глаза. Рондхейм был еще на помосте, он самодовольно принимал всеобщее восхищение. Наконец он поднял руку, призывая к тишине.

— Как многие из вас знают, мое любимое занятие — заучивать наизусть стихи. С присущей мне скромностью я должен сказать, что мои познания достаточно обширны. Я бы хотел поставить на кон свою репутацию и предлагаю присутствующим следующее: вы читаете первую строчку любого произведения, а я продолжаю его и называю автора. Если я не смогу завершить стихотворения, то я лично передам пятьдесят тысяч долларов в любой указанный вами благотворительный фонд.

Он подождал пока восхищенные восклицания утихнут и вновь наступит тишина.

— Начинаем? Кто будет первым?

Встал сэр Эрик Маркс.

— «Пусть твердят и друг, и мать...». Попробуй для разминки, Оскар.

— «Что к беде приведет бездействие. Презирай их советы, презирай волнения. Ты поднимешься в конце концов».

Он сделала эффектную пазу и продолжил:

— «Один и двадцать». Самюэль Джонсон.

Маркс кивнул.

— Абсолютно верно.

Следующим поднялся Ф. Джеймс Келли.

— «Теперь все дни мои печальны, и все мои ночные сны...»

Рондхейм продолжил и назвал автора.

— «Одному в раю» Эдгара Аллана По.

— Поздравляю, Оскар, — Келли был заметно восхищен.

Рондхейм оглядел комнату. Улыбка медленно появилась на его губах, когда он увидел, как с заднего ряда поднялась знакомая фигура.

— Пожалуйста, майор Питт.

Питт посмотрел Рондхейму в глаза.

— Я могу предложить только три слова.

— Принимаю вызов, — с уверенностью сказал Рондхейм. — Называйте.

— «Бог спасет тебя»... — медленно произнес Питт, как будто сомневался в возможности продолжить эти стихи.

Рондхейм засмеялся.

— Элементарно, майор. Вы любезно процитировали мое любимое стихотворение.

Довольство прозвучало в голосе Рондхейма, и все в комнате заметили это.

— «Бог спасет тебя, старый моряк. От друзей, которые завидуют тебе. Почему ты выглядишь так грустно? Потому, что своим арбалетом я убил альбатроса...» — Внезапно Рондхейм остановился, с любопытством взглянув на Питта. — Вы попросили меня процитировать «Балладу старого моряка» Самюэля Тейлора Колериджа.

Питт вздохнул с облегчением. Он почувствовал, что в конце тоннеля появился свет. Теперь он знал то, чего не знал ранее. Ситуация прояснилась. Он был рад, что сделал этот пробный выстрел. Рулетка подкидывала ему неожиданные ответы. Ночной кошмар смерти Ханневелла больше никогда не будет его мучить.

Довольная усмешка скривила его губы.

— Спасибо, мистер Рондхейм. Ваша великолепная память прекрасно выручает вас.

Что-то в тоне, которым Питт произнес это, насторожило Рондхейма.

— Спасибо вам, майор.

Ему не понравилась усмешка на лице Питта. Ему все в нем не нравилось.

Глава 15

Питт терпел еще полчаса, пока Рондхейм услаждал гостей своим обширным поэтическим репертуаром. В конце концов программа подошла к концу. Открылись двери, и толпа хлынула в главный зал. Женщины собрались на террасе: они болтали и пили сладкий коктейль. Мужчины прошли в охотничий зал, где им были предложены сигары и старый, столетний, бренди «Руш».

Сигары принесли в большом серебряном ящике и предложили всем, за исключением Питта. Его демонстративно игнорировали. После ритуала прикуривания, когда каждому поднесли свечу, от которой можно было нагреть сигару до желаемой температуры, слуги разнесли бренди «Руш», темную желто-коричневую жидкость в экзотических широких коньячных бокалах. Питта опять обошли.

Кроме себя и Рондхейма, Питт насчитал тридцать два человека, собравшихся в самом дальнем углу комнаты вокруг большого камина. Реакция на присутствие Питта, как можно было заметить по их выражениям лиц, была интересной. Его просто не замечали. В какой-то момент он почувствовал себя бестелесным призраком, который прошел сквозь стену и ждал сеанса, чтобы показаться в своем одушевленном обличье. Он мог представлять себе сколько угодно сцен, но была одна, реальная — это был ствол ружья, который уперся ему в лопатку.

Он не стал смотреть, кто держал ружье. Ему это было безразлично. Рондхейм развеял его сомнения.

— Керсти! — он посмотрел за спину Питта. — Ты пришла слишком рано. Я не ждал тебя еще минут двадцать.

Фон Хаммель вытер лоб платком и спросил:

— А девушка, с которой он пришел, изолирована?

— Мисс Ройял в надежном месте, — сказала Керсти, глядя сквозь Питта.

Что-то в ее тоне заставило Питта усомниться в ее словах.

Рондхейм вышел вперед и как заботливый отец, забрал у нее ружье.

— Оружие и красота не подходят друг другу, — буркнул он. — Пусть его проводит мужчина.

— Я бы с удовольствием сделала это сама, — хрипло произнесла Керсти.

— Не вижу причины откладывать, — вставил Джек Бойл. — У нас мало времени.

— У нас достаточно времени, — ответил Рондхейм. Русский — невысокий, коренастый, темноглазый человек — слегка прихрамывая, подошел к Рондхейму.

— По-моему, вы должны нам всем объяснить, господин Рондхейм. Почему с этим человеком обращаются как с преступником? Вы сказали мне и всем остальным, что он газетчик и что с ним надо держаться поосторожнее. Однако вот уже четвертый или пятый раз за сегодняшний вечер вы назвали его майором.

Рондхейм изучающе посмотрел на стоявшего перед ним человека, затем поставил бокал на стол и нажал кнопку телефона. Не произнеся ни слова, он взял свой бокал со стола и допил бренди до конца.

— Прежде чем я отвечу на ваши вопросы, товарищ Тамарезов, оглянитесь назад.

Русский, которого звали Тамарезов, обернулся. Вслед за ним обернулись и все присутствующие. Все, кроме Питта. Он смотрел прямо перед собой, в зеркало, где отражались несколько здоровых угрюмых мужчин в черных комбинезонах, которые внезапно возникли в противоположном конце комнаты. В их руках были автоматы AR-17.

Высокий, широкоплечий мужчина лет семидесяти, с острым взглядом голубых глаз на морщинистом лице подошел к Келли и взял его за рукав пиджака.

— Ты пригласил меня на сегодняшний вечер, Джеймс. Надеюсь, ты объяснишь мне все, что здесь происходит?

— Объясню. — Во взгляде Келли можно было заметить явное страдание. Он повернулся к гостям.

Медленно, очень медленно Келли, Рондхейм, фон Хаммель, Маркс и восемь других человек сгруппировались с одной стороны камина, оставив Питта и всех остальных гостей в полнейшей растерянности по его другую сторону. Питт заметил, что дула автоматов были направлены именно в их сторону.

— Я жду, Джеймс, — командным голосом произнес голубоглазый пожилой джентльмен.

Келли колебался, грустно поглядывая на фон Хаммеля и Маркса. Он ждал. В конце концов они одобрительно кивнули ему.

— Слышали ли вы когда-нибудь о «Хермит лимитед»?

Тишина в комнате стала напряженной. Все молчали, никто не произнес ни слова. Питт сосредоточенно вычислял, каковы шансы на побег. В результате он отказался от этой идеи, которая представлялась ему выполнимой менее чем на пятьдесят процентов.

— «Хермит лимитед», — продолжал Келли, — это международная организация, которая, однако, не занесена в реестры ни одной фондовой биржи, потому что управление ею отличается коренным образом от любого знакомого вам бизнеса. У меня нет времени вдаваться сейчас в детали ее функционирования, скажу только, что главная цель «Хермит лимитед» — добиться контроля, а затем завладеть Южной и Центральной Америкой.

— Невозможно, — закричал высокий черноволосый мужчина с заметным французским акцентом, — абсолютно немыслимо!

— Это, кстати, тоже хороший бизнес — воплощать невозможное, — парировал Келли.

— Но то, что вы предлагаете, — не бизнес, это политическое безумие.

Келли покачал головой.

— Безумие, может быть, но не захват политической власти с эгоистическими и бесчеловечными мотивами.

Он оглядел лица тех, кто стоял по другую сторону камина. На них было написано недоверие.

— Я, Джеймс Келли, — мягко произнес он. — За всю свою жизнь я заработал состояние более двух миллиардов долларов.

Никто из присутствующих не сомневался. Всякий раз, как «Уолл-стрит Джорнал» публиковал список наиболее богатых людей планеты, Келли его возглавлял.

— Богатство накладывает огромную ответственность. От меня зависит существование более двухсот тысяч людей. И если завтра я потерплю финансовый крах, это повлечет разорение многих от одного до другого конца Соединенных Штатов, не говоря уже о многочисленных компаниях в мире, которые зависят от моих субсидий. Но, как подтвердят и те джентльмены, которые окружают меня, богатство не гарантирует бессмертие. Мало кто из богатых упоминается в учебнике по истории.

Келли, когда он умолк, казался совершенно больным. Никто не произнес ни слова во время его монолога.

— Два года назад я начал задумываться о том, что я оставлю, когда я уйду. Финансовую империю, которую разорвут на части

паразитирующие деловые компаньоны и многочисленные родственники, которые только и считают дни до моих похорон. Поверьте, джентльмены, это были достаточно безрадостные мысли. Тогда я придумал способ распределить мои капиталы таким образом, чтобы они принесли пользу человечеству. Но как? Эндрю Карнеги строил библиотеки. Джон Рокфеллер создавал фонды, поддерживающие науку и образование. Что же может принести самую большую пользу людям независимо от того, белые они, черные, желтые или красные. Независимо от их национальностей? Если бы я прислушался к моим эмоциям, я бы нашел легкое решение передать мои деньги Красному Кресту, Армии Спасения или одному из тысяч медицинских центров, университетов и так далее. Но достаточно ли этого? Поэтому я решил действовать в другом направлении — в том, которое будет оказывать длительное воздействие на миллионы людей в течение сотен лет.

— Итак, вы решили использовать капиталы для того, чтобы стать самозванным мессией для обнищавших латиноамериканских народов? — спросил Питт.

Келли одарил его снисходительной улыбкой.

— Нет. Вы ошибаетесь, майор...

— Питт, — подсказал Рондхейм. — Майор Дирк Питт.

Келли глубокомысленно уставился на Питта.

— Вы, случайно, не сын сенатора Джорджа Питта?

— Да. Я его заблудший сын, — ответил он.

Келли на мгновение застыл. Он повернулся к Рондхейму, но получил в ответ лишь каменное выражение лица.

— Ваш отец — мой хороший друг, — с усилием процедил он.

— Был, — парировал Питт.

Келли собрал все свое самообладание. Было очевидно, что его глубоко задевает все происходящее. Он опустошил свой бокал, налил еще один, чтобы собраться с мыслями, и продолжил:

— Играть роль Бога никогда не входило в мои намерения. Тот путь, который я выбрал, опирается в гораздо большей степени на расчеты, чем на человеческие эмоции.

— Компьютеры! — слетело с губ старшего друга Келли. — «Хермит лимитед» — это был проект по созданию компьютеров, над которым вы работали в нашем управлении обработки данных около двух лет назад. Я хорошо это помню, Джеймс. Вы закрыли комплекс полностью на три

месяца. Отправили всех в оплачиваемый отпуск, что было совершенно не свойственным вам проявлением щедрости. Вы сказали, что используете оборудование для крайне секретного военного задания правительства.

— Я боялся, что вы сможете догадаться о моих замыслах, Сэм. — Впервые Келли назвал пожилого джентльмена по имени. — Но только системный анализ мог предложить эффективное решение той проблемы, которую я поставил. Вряд ли она сделала революцию. У каждого правительства есть свои мозговые центры. Космические системы, разработанные для наших ракет, результаты лунных исследований используют сейчас для всего, начиная от криминалистики и кончая совершенствованием хирургических методов. Запрограммировать компьютер так, чтобы выбрать страну или географический регион, наиболее подходящий для создания там контролируемых и развивающихся утопических отношений, оказалось не столь уж нереальной задачей, как можно себе вообразить.

— Это из научной фантастики.

— Мы живем в такое время, когда ежедневно сталкиваемся с научной фантастикой, — ответил Келли. Послушайте, джентльмены. Из всех народов мира, народы Латинской Америки лучше всего поддаются внешнему проникновению, во-первых, потому что они не сталкивались с иностранным вторжением уже более ста лет. Они были защищены стеной, построенной Соединенными Штатами, которая называется Доктрина Монро.

— Американское правительство будет иметь весьма туманное представление о вашем грандиозном проекте? — спросил высокий седовласый мужчина.

— К тому времени, когда его агенты смогут проникнуть в «Хермит лимитед», мы сможем подкрепить свои рассуждения серьезными аргументами, — сказал Келли. — Оно не станет препятствовать нам. Я даже предполагаю, что оно с готовностью предоставит нам зеленую улицу и даже возможную поддержку.

— Как я понимаю, вы не собираетесь это осуществлять в одиночку? — спросил Питт.

— Нет, — ответил Келли. — После того как я убедился, что программа сработала, я обратился к Марксу, фон Хаммелю, Бойлу и другим джентльменам, которых вы имеете честь видеть здесь и которые обладают финансовыми средствами для ее реализации. Они думают так же, как и я. Деньги должны быть использованы для всеобщего блага. Зачем умирать, оставив в банке солидный счет и несколько корпораций, о которых вскоре просто забудут, забудут, кто их основал и взрастил,

пока они не достигли расцвета? Затем мы собрались вместе и основали «Хермид лимитед». У каждого из нас равная доля вложенного капитала, и каждый имеет равное число голосов на совете директоров.

— А откуда вы знаете — вдруг кто-то из ваших партнеров по преступлению станет более жадным и обманет одну или две страны в свою пользу — спросил Питт.

— Компьютер отобрал правильно, — без тени сомнения отозвался Келли. — Посмотрите на нас. Каждому — больше шестидесяти пяти. Сколько нам осталось? Один, два года, может быть, десять счастливых лет. Мы все бездетны. Значит, никаких наследников. Чего добьется любой из нас излишней жадностью? Ответ прост. Ничего.

Русский с сомнением покачал головой.

— Ваша схема абсурдна. Мое правительство никогда не одобрит такие жесткие и безрассудные действия.

— Никакое правительство их не одобрит, — спокойно продолжил Келли. — Но это нас не волнует. Вы мыслите только политическими категориями. — В истории человечества ни один народ, ни одна цивилизация не исчезали иначе, как только в результате внутренней революции или чужеземного вмешательства. Я намерен открыть новую страницу, осуществляя невозможное — осуществляя принципы чистого бизнеса.

— Что-то я не помню, чтобы убийство изучалось как обязательный предмет в бизнес-школах. — прикуривая сигарету, спокойно произнес Питт.

— Да, это неприятная, но необходимая часть нашего плана, — парировал Келли. — Методическое убийство — вот, пожалуй, наиболее подходящий термин.

Он обернулся к русскому.

— Агенты вашего КГБ должны изучить книгу «Исмаилиты», товарищ Тамарезов. В ней очень подробно рассказывается о методах, использовавшихся этой сектой фанатиков, которые сеяли террор во всем мусульманском мире в одиннадцатом веке нашей эры. Слово «assassin» — убийца — это их мрачная память потомкам.

— Вы такой же сумасшедший, как и они, — сказал француз.

— Если вы так думаете, вы очень наивны, — отозвался Келли.

Француз остановился в замешательстве.

— Не понимаю. Как вы можете?..

— Как можем мы захватить целый континент? — продолжил Келли. — Это не так сложно. Это всего-навсего экономическая проблема. Мы начнем с самой бедной страны, захватим в свои руки контроль за ее денежными ресурсами, осторожно уберем ее основных лидеров и выкупим ее. Возьмем, например, Боливию. Страну, люди которой находятся на грани нищеты... часто их семейный доход составляет всего лишь двадцать долларов в год. Вся экономика держится на медных рудниках Перца. Захватите контроль над ними, и в ваших руках будет контроль над всей страной.

— Думаю, боливийская армия как-нибудь отреагирует на подобное иностранное вмешательство, — заметил Питт, наливая себе полный бокал бренди.

— Конечно, майор Питт, — Келли улыбнулся, затем резко сказал: — Но армии надо платить. Все там имеют свою цену, особенно генералы. Если их нельзя будет купить, их просто уберут. Это — принцип чистого бизнеса. Чтобы создать более действенную организацию, надо отрезать «мертвые ветки» и заменить их более трудоспособными индивидуумами.

На мгновение он умолк, бессознательно теребя бороду.

— Когда «Хермит лимитед» заменит правительство, армия постепенно исчезнет. Зачем она нужна? Она только высасывает экономику. Армию можно сравнить с компанией, которая идет к своему банкротству. Самый разумный выход в этом случае — закрыть эту компанию и списать ее долги.

— Но вы забываете о людях, Джеймс, — снова заговорил Сэм. — Вы предполагаете, что они будут спокойно наблюдать, как вы переворачиваете все в их стране вверх дном?

— Как и любое солидное предприятие, мы имеем отдел маркетинга и рекламы. Как и с каждым новым продуктом, который надо внедрить на рынок, мы разработали целую рекламную кампанию. Люди знают только то, что они видят и слышат через средства массовой информации, которые им доступны. Поэтому нашим первым шагом стало приобретение, конечно, под прикрытием местных организаций, большого числа газет, радио — и телестанций.

— Похоже, в вашей «Шангри-Ла» не будет понятия о свободной прессе?

— Свободная пресса — эта всего лишь степень дозволенности, — нетерпеливо отозвался Келли. — Посмотрите, что она сделала с Соединенными Штатами. Она печатает все самое отвратительное, скандальное, сенсационное — только для того, чтобы продать как можно больше газет, заработать как можно больше денег на рекламе. Так

называемая свободная пресса в Америке срывает любые моральные покровы с этой великой нации и оставляет в головах людей только гниющие кучи отбросов.

— Согласен, американская пресса не безупречна, — отреагировал Питт. — Но, по крайней мере, они пытаются вытащить на поверхность правду о таких диктаторах, как вы.

Питт тут же умолк, удивляясь своему пафосу. Он так мог выйти из роли. Он осознавал: коли существует хоть малейшая надежда на спасение, она придет, если он будет продолжать свой маскарад.

— Боже, я совсем не это хотел сказать!

Келли, нахмурившись, взглянул на Рондхейма. Тот ответил негодующим кивком.

Пожилой джентльмен, которого называли Сэмом, прервал паузу.

— После того, как вы выкупите одну страну, Джеймс, как вы намереваетесь захватить остальные? Даже вам и вашим компаньонам, как вы их называете, не хватит капиталов, чтобы выкупить целый континент за один раз.

— Вы правы, Сэм. Только объединенных капиталов всех присутствующих здесь хватит для осуществления этой цели. Но мы можем превратить Боливию в организованное процветающее общество. Попытайтесь себе представить — никакой коррупции на уровне администрации; армии, за исключением крошечного контингента, не существует; промышленность и сельское хозяйство активно развиваются на благо народа, на благо потребителей.

Голос Келли напрягся.

— Опять принципы чистого бизнеса — каждый цент должен служить для благосостояния. А затем, когда Боливия превратится в этот утопический идеал, зависть остальных народов на континенте сыграет свою роль, и мы аннексируем их, одного за другим.

— Бедные и голодные с замиранием сердца мечтают попасть в рай, — скептически заметил француз. — Так?

— Вы немного преувеличиваете, — индифферентно произнес Келли, — но подошли к правде гораздо ближе, чем предполагали. Да, бедные и голодные будут рады ухватиться за любую соломинку, которая сможет гарантировать им более высокий жизненный уровень.

— Теория домино, порожденная благородными намерениями, — пробормотал Питт.

Келли кивнул.

— Верно. Благородными намерениями. А почему нет? Западная цивилизация может привести немало примеров возрождений, происшедших из-за благородных намерений. Мы бизнесмены, одни из тех, кто, возможно, оказывал наиболее продолжительное и модное влияние за последние два столетия, теперь имеем золотую возможность определить, произойдет ли еще одно блистательное возрождение, или цивилизация, скатившаяся уже до сточной канавы, останется там и перестанет существовать навеки. И вот еще, в чем я абсолютно уверен. Я считаю, что организованность — это лучше, чем беспорядок. Я предпочитаю прибыль потерям и в достижении цели предпочитаю жесткие меры вялым убеждениям. И я нисколько не сомневаюсь, что правила чистого бизнеса гораздо более ценны, чем любые политические теории.

— И, тем не менее, ваш великий проект имеет недостаток, — сказал Питт. подбадривая себя еще одним бокалом бренди. — Есть одно отклонение, которое может свести на нет весь замысел.

Келли вопросительно взглянул на Питта.

— Ваш мозг против наиболее современной компьютерной техники? А ну, майор! Мы провели месяцы, программируя любую вероятную случайность, любую вероятную аномалию. Вы просто валяете дурака.

— Я? — Питт допил бренди, как будто в стакане была вода. — Скажите, как вы объясните присутствие Рондхейма и мисс Фири? Они едва ли подходят под критерии, выдвинутые для членов «Хермит лимитед». Рондхейму — около тридцати, а мисс Фири... и того меньше.

— Брат мисс Фири, Кристиан, был идеалистом как и я. Человек, который искал пути, чтобы вырвать людей из нищеты и страданий. Его самоотверженное поведение в Африке и других местах заставило нас сделать исключение. Он был одним из тех редких деловых людей, кто тратил свое состояние на помощь другим. Когда он трагически погиб, мы, совет директоров, — он обвел рукой присутствующих, — решили ввести мисс Фири на его место.

— А Рондхейм?

— Это счастливая случайность, на которую мы надеялись, но не рассчитывали. Хотя его обширный рыболовный флот смог бы взять на себя развитие рыболовной промышленности всей Южной Америки, причина была в другом. Его скрытые таланты и нужные связи качнули маятник в его сторону.

— Суперинтендант вашего ликвидационного отдела, — мрачно проговорил Питт. — Лидер вашей частной секты исмаилитов.

Люди, окружавшие Келли переглянулись между собой, а затем посмотрели на Питта. Они являли собой любопытное зрелище. Фон Хаммель в пятидесятый раз вытирал лоб, Эрик Маркс приложил палец к губам и отрицательно покачал головой. Этот жест не укрылся от Питта. Покручивая кушаком, завязанным вокруг талии, он развязной походкой подошел к столу и налил себе еще один бокал бренди. «На посошок», — подумал он, зная, что Келли никогда не выпустит его из этого дома.

— Вы так думаете? — спокойно спросил Келли.

— После того как на тебя совершено три попытки покушения, перестанешь думать, просто знаешь.

— Гидроплан, — прорычал Рондхейм. — Ты знаешь, что с ним случилось.

Питт сел, потягивая бренди. Если ему суждено умереть, так хотя бы с сознанием, что он довел эту сцену до конца.

— Мне очень жаль тебя, дорогой Оскар, а также последнего капитана погибшего корабля. Видел бы ты выражение его лица перед тем, как я устроил им грандиозный коктейль!

— Ты, чертов подонок! — Рондхейм был в ярости. — Лживый гомик!

— Не осталось камня на камне, — беспечно продолжал Питт. — Думай что хочешь. Но одно точно. Благодаря твоей небрежности ты никогда больше не увидишь свой гидроплан.

— Вы что, не видите, что он пытается сделать? — Рондхейм сделал шаг в сторону Питта. — Он хочет столкнуть нас друг с другом.

— Подожди. — Тон Келли был холодным, а глаза властными. — Продолжайте, майор.

— Вы очень добры. — Питт опорожнил следующий бокал и налил себе еще. — Бедный Оскар провалил и вторую попытку. Я не буду вдаваться в подробности, но я уверен, что вы в курсе того, что два из его крутолобых молодцов, как девицы, разговорились на сегодняшнем приеме с агентами Национального Разведывательного Агентства.

— Проклятье. — Келли обернулся к Рондхейму. — Это правда?

— Мои люди никогда не болтают. Они понимают, что может случиться с их родными, если они откроют рот. А кроме того, они ничего не знают.

— Будем надеяться, что вы говорите правду, — с трудом проговорил Келли. Он подошел к Питту и странным взглядом, без всякого выражения, посмотрел на него. — Игра зашла слишком далеко, майор.

— Жаль. Я только разогрелся, только настроился на приятный вечер.

— Напрасно.

— Как и напрасно был убит доктор Ханневелл. — сказал Питт. Его голос был неестественно спокойным. — Особенно потому, что добрый доктор был одной из ключевых фигур «Хермит лимитед».

Глава 16

В течение последующих десяти секунд слова Питта доходили до сознания присутствующих, тогда как он сам, беспечно раскинувшись в кресле с сигаретой в одной руке в бокалом бренди в другой, всем своим видом выражал скуку. Но это не относилось к Рондхейму и другим членам «Хермит лимитед». Их лица выражали такое недоумение, как будто они только что вошли к себе в дом и застали там жену в постели с другим мужчиной. Глаза Келли были широко раскрыты, он прерывисто дышал. Постепенно он сумел взять себя в руки и снова стал спокойным, уверенным в себе профессиональным бизнесменом, не произносящим ни слова, пока мысль окончательно не оформится в голове.

— Ваши компьютеры допустили просчет, — продолжал Питт. — Мы с адмиралом Сандекером постоянно наблюдали за доктором Ханневеллом.

Питт лгал, зная, что ни Келли, ни Рондхейм не смогут доказать обратного.

— Видимо, вам не очень интересно узнать, почему и как это произошло.

— Напротив, майор, — нетерпеливо проговорил Келли. — Это самое интересное.

Питт сделал глубокий вдох и «нырнул».

— Первое подозрение возникло, когда доктор Лен Матаджик был спасен...

— Нет! Этого не может быть! — чуть не задохнулся Рондхейм.

Питт мысленно послал слова благодарности Сандекеру за его дерзкий план воскресить души Матаджика и О'Райли. Судьба преподносила ему удобный случай на золотой тарелочке, и он не видел причин, чтобы упустить его.

— Поднимите трубку и попросите соединить вас с международной линией. Попросите комнату 409 в госпитале Уолтер Рид в Вашингтоне.

— В этом нет необходимости, — сказал Келли. — У меня нет оснований не верить вам.

— Как хотите, — беспечно произнес Питт, стараясь придать лицу соответствующее выражение. Его блеф удался.

— Как я уже сказал, — продолжал он, — когда доктор Матаджик спасся, он подробно описал «Лакс» и его команду во всех деталях. Его ни на минуту не обмануло изменение внешнего вида корабля. Но все это, безусловно, вам известно. Ваши люди перехватили его сообщение адмиралу Сандекеру.

— А потом?

— Непонятно? Потом — простая дедукция. Благодаря описанию Матаджика, было несложно проследить весь путь корабля с того момента, когда он исчез вместе с Кристианом Фири, и до того, — когда его замуровали в айсберге, где у доктора Матаджика была исследовательская станция. — Питт улыбнулся. — Благодаря наблюдательности Матаджика — а он заметил, что члены экипажа, судя по загару, вряд ли занимались рыбалкой в водах Северной Атлантики, — адмирал Сандекер вычислил, что перед этим «Лакс» совершал вояж вдоль побережья Южной Америки. Тогда он начал подозревать доктора Ханневелла. Теперь я понимаю, что это было довольно умно с его стороны.

— Продолжайте, продолжайте, — настаивал Келли.

— Хорошо. Очевидно, «Лакс» использовал морское зондирование для поисков новых запасов полезных ископаемых. И также очевидно, что после того, как погиб Фири с инженерами, доктор Ханневелл, разрабатывавший проект совместно с ним, остался единственным, кто был знаком с оборудованием.

— Вы чересчур хорошо информированы, — сухо проговорил Келли. — Но это ничего не доказывает.

Питт был на скользком пути. Он был уже на грани того, чтобы проговориться об информированности Агентства национальной безопасности насчет «Хермит Лимитед». Но приманка еще не сработала — следовало кое-что подкинуть Келли. «Пора, — весело сказал он себе, — изложить правду».

— Доказательства? Хорошо, станут ли доказательством слова умирающего? Прямо из уст в уста. А умирающий этот — доктор Ханневелл.

— Не верю.

— Когда он умирал у меня на руках, его последними словами были: «Бог спасет тебя...»

— Что это вы такое несете? — закричал Рондхейм. — На что это вы намекаете?

— Я намекаю только на то, что мне надо поблагодарить вас, Оскар, — холодно произнес Питт. — Ханневелл знал, кто его убийца, кто отдал приказ покончить с ним. Он и процитировал строчку из «Баллады старого моряка». Верно, она ведь оттуда? Вы сами декламировали его: «Почему ты выглядишь так грустно? Потому что своим арбалетом я убил альбатроса». Ваш торговый знак, Оскар — красный альбатрос. Вот что имел в виду Ханневелл. Вы убили человека, который помогал вам осуществлять морское зондирование.

Бренди приятным теплом распространилось по телу: Питт почувствовал некоторую самоуверенность.

— Я не буду утомлять вас чтением стихов, но, если мне не изменяет память, Старый моряк и его корабль призраков встречают в конце отшельника — еще одна привязка. Да-да, все это есть в стихотворении. Ханневелл указал на виновника, и вы, Оскар, невольно признали себя виновным.

— Вы пустили стрелу в верном направлении, майор Питт. — Келли затянулся сигарой. — Но цель вашей стрелы была ошибочной. Я отдал приказ об убийстве Ханневелла. Оскар только выполнил его.

— Зачем?

— У доктора Ханневелла появились несколько старомодные мысли в отношении «Хермит лимитед»: что не надо убивать и тому подобное. Он угрожал раскрыть всю нашу организацию, если мы не прекратим убийства. Для нас это условие было совершенно неприемлемым. Поэтому доктора Ханневелла надо было исключить из членов «Хермит лимитед».

— Еще один принцип чистого бизнеса?

Келли улыбнулся.

— Именно.

— А меня следовало убрать как свидетеля, — сказал Питт, как бы отвечая на вопрос.

Келли молча кивнул.

— А подводное зондирование? — спросил Питт. — После смерти Фири и Ханневелла — гусей, которые клали золотые яйца, — кто же сможет построить модель второго поколения?

Доверительное выражение вновь появилось в глазах Келли.

— Никто, — мягко ответил он. — Но никто и не нужен. В программах наших компьютеров есть вся необходимая информация. На основе правильного анализа данных мы создадим рабочую модель через три месяца.

На какое-то время Питт замер, ошеломленный неожиданным заключением Келли, но тут же быстро взял себя в руки. Бренди уже начинало оказывать свое действие, но Питт еще сохранял ясность мысли.

— Больше Ханневелл вам был не нужен. Компьютерные мозги обнаружили секрет производства селтиния-279.

— Поздравляю, майор! Вы потрясающе проницательны! — Келли взглянул на часы и кивнул Рондхейму. Затем он вновь обернулся и сказал:

— Мне очень жаль, но время вышло, джентльмены. Вечер подошел к концу.

— Что ты собираешься делать с нами, Джеймс? — Сэм так пристально посмотрел на миллиардера, что тот отвел взгляд. — Ясно, что ты рассказал нам свои секреты не ради вежливости или нашего любопытства. Ясно также, что со знанием подобных секретов ни одному из нас не будет позволено выйти из этого дома.

— Верно. — Келли посмотрел на группу людей, стоявших с другой стороны камина. — Никому из вас не будет позволено рассказать, что он здесь услышал.

— Но зачем? — пофилософствовал Сэм. — Зачем посвящать нас в ваши подпольные планы и тем самым оправдывать нашу смерть?

Келли устало прикрыл глаза и откинулся на спинку высокого кожаного кресла.

— В этом и вся развязка.

Он с грустью обвел взглядом присутствовавших.

— Сейчас одиннадцать часов. Ровно через сорок два часа и десять минут «Хермит лимитед» распахнет свои двери. Через двадцать четыре часа после этого мы будем готовы принять любого клиента, или страну, как пожелаете. А для того, чтобы наш план сработал, нужна диверсия. Катастрофа, которая будет широко освещена в печати и привлечет пристальное внимание лидеров всех стран, тогда как наша операция пройдет незамеченной.

— Мы и есть — ваша диверсия? — спросил высокий седовласый мужчина.

После долгого молчания Келли наконец произнес:

— Да.

— Невинные жертвы катастрофы, разработанной компьютерами только для того, чтобы заполнить первые страницы газет… Боже, да это чудовищно!

— Да, — повторил Келли, — но это необходимо. В своих странах все вы занимаете достаточно важные посты. Вы представляете промышленность, правительство и науку. Ваша гибель станет трагедией всемирного масштаба.

— Это выглядит как какая-то безумная шутка, — закричал Тамарезов. — Вы не можете просто так застрелить, как животных, две дюжины людей и их жен.

— Ваших жен вернут назад целыми и невредимыми — и ничего не подозревающими. — Келли поставил стакан на стол. — И мы не собираемся убивать ни одного человека. Мы рассчитываем на то, что свою работу сделает природа-мать, конечно, с нашей помощью. Ведь от пуль остается след, а от несчастного случая — нет.

Рондхейм дал указание вооруженным людям в черных комбинезонах, и они сомкнули кольцо.

— Пожалуйста, джентльмены, закатайте один рукав.

Керсти вышла из комнаты и сразу же вернулась, неся в руках маленький поднос, на котором стояло несколько пузырьков и шприцев. Она поставила поднос на стол и начала наполнять шприцы.

— Черта с два вы вонзите иголку в мою руку, — взорвался один из группы Питта. — Пристрелите меня здесь же, и покончим с этим…

Удар прикладом прекратил его словоизлияния — он покатился по полу.

— Не будем больше дискутировать, — угрюмо проговорил Рондхейм. — Он повернулся к Питту. — А вы, майор, пройдите в другую комнату. У меня с вами личные счеты.

Автоматом, взятым у Керсти, он указал на дверь. Рондхейм в сопровождении двух телохранителей провел Питта вдоль длинного коридора, по широкой лестнице вниз, и втолкнул в комнату. Это был огромный зал, выкрашенный белой краской, со множеством тренажеров в разных концах освещенных длинными рядами флюоресцентных ламп. Зал был гимнастическим, оборудованным богаче и дороже, чем какой-либо из тех, которые видел Питт. На стенах были развешаны плакаты, изображающие каратистов в различных стойках.

Рондхейм передал автомат одному из охранников.

— Я должен на время покинуть вас, майор, — сухо произнес он. — Отдыхайте. Если вы захотите потренировать мускулы, можете воспользоваться любым из тренажеров.

Он громко засмеялся и вышел из комнаты.

Питт оглядел своих стражников. Один из них — высокий, бритый гигант, с холодным выражением лица и тяжеловесным взглядом. Он был похож на большую гориллу. А огромные волосатые руки, державшие автомат наперевес, еще больше усиливали это впечатление. Он бросил на Питта взгляд, который заставил его сразу же отбросить мысли о возможности побега. Второй стражник уменьшил эту возможность до одной сотой. У него была красная небритая физиономия, и он стоял, закрывая фигурой дверной проем, только на дюйм не доставая плечами до верхней перекладины. Автомат в его лапах казался маленькой игрушкой.

Прошло пять минут — пять минут, в течение которых Питт тщательно обдумывал свое следующее движение. Две пары глаз не оставляли его ни на мгновение. Внезапно дверь в дальнем конце зала открылась — вошел Рондхейм. Он сменил свой вечерний костюм на белое свободное кимоно каратиста, которое называли «ги». Рондхейм постоял минуту, на его губах играла уверенная, самодовольная улыбка. Босиком он пересек зал и, глядя на Питта, встал на тяжелый мат.

— Скажите, майор, вы знакомы с карате или кунг-фу?

Питт смущенно взглянул на широкий черный пояс, завязанный вокруг талии Рондхейма, и безнадежно понадеялся, что выпитое бренди ослабит боль от избиения, которому его собирались подвергнуть. Он покачал головой.

— Может, дзюдо?

— Нет, я ненавижу насилие.

— Жаль. Я рассчитывал на более серьезного противника, — Оскар указал на японские иероглифы, вышитые на поясе. — Я всегда сомневался в ваших мужских достоинствах, хотя Керсти уверяла, что в вас больше мужского, чем вы пытаетесь представить. Но мы это сейчас выясним.

Питт постарался проглотить наполнявшую его ярость и изобразил на лице страх. Он решил, что ему надо притвориться полнейшей тряпкой и не сопротивляться, иначе Рондхейм в ярости убьет его. В этом состояла его единственная надежда на спасение.

— Отпустите меня! Отпустите меня! — высоким голосом закричал он. — Что вы хотите? Что я вам сделал?

Его рот конвульсивно вздрагивал на искаженном лице.

— Я врал, что я взорвал ваш корабль. Я и не видел его в тумане. Я клянусь… Вы должны мне поверить!..

Телохранители Рондхейма переглянулись и обменялись презрительными усмешками. Сам Рондхейм с отвращением посмотрел на Питта.

— Хватит, — закричал он внезапно, — хватит распускать слюни. Я ни минуты не верил, что такой, как ты, мог уничтожить и корабль, и команду.

Питт дико оглянулся вокруг, в его глазах отразился слепой ужас.

— У вас нет… нет причины убивать меня. Я никому ничего не скажу. Пожалуйста! Поверьте мне! — Он умоляюще протянул к Рондхейму руки.

— Стой где стоишь!

Питт похолодел. Однако задуманный им план начинал работать. Теперь он надеялся только на то, что Рондхейм быстро устанет избивать не защищающуюся, не сопротивляющуюся жертву.

— Майор Военно-Воздушного Флота Соединенных Штатов, — передразнил Рондхейм. — Держу пари, что ты — всего лишь бесхребетный гомосексуал. Но ничего, сейчас ты узнаешь, как чувствовать боль от рук и ног другого мужчины. Жаль только, что у тебя никогда не будет возможности вспомнить этот самый болезненный урок искусства самообороны, который ты получишь.

Питт стоял перед ним, как загипнотизированный лось, затравленный гончими. Он что-то бессвязно бормотал, когда Рондхейм встал в центре мата и занял начальную стойку карате.

— Нет, подождите…

Слова застряли у Питта в горле. Он откинул голову и отпрянул назад. Удар пришелся по щеке Питта: он мог вызвать не только лиловую опухоль, если бы Питт не увернулся вовремя. Он покачнулся, оглушенный ударом, и увидел удивление, которое переросло в садистскую усмешку на тонком лице Рондхейма.

Питт понял, что сделал ошибку, увернувшись от удара и показав тем самым свою хорошую реакцию. Он должен заставить свое сознание играть по придуманным им правилам. Это было нелегко. Ни один

нормальный человек, который более или менее знаком с правилами самообороны, не станет вот так беспомощно стоять, когда его избивают до полусмерти. Он сжал зубы и расслабился, ожидая последующих ударов Рондхейма. Ему не пришлось ждать и нескольких секунд.

Следующий оглушающий удар пришелся Питту прямо по лицу. Он вбил его в лежавший мат прямо под прикрепленными к стене горизонтальными брусьями. Лежа на полу, Питт облизал разбитые губы, почувствовал вкус крови и выбитых зубов.

— Давай, майор. Давай. — Рондхейм говорил жестко, отрывисто. — Вставай. Урок только начинается.

Питт с трудом поднялся на ноги и, споткнувшись, снова упал на мат. Настойчивое желание двинуть Рондхейму было сильнее, чем всегда, но он знал, что должен довести свою игру до конца.

Рондхейм больше не терял времени на разминку. Его удары молотом обрушивались на голову. Казалось, они никогда не кончатся. Следующая серия ударов пришлась по ребрам — и Питт, теряя сознание, почувствовал, как одно из них хрустнуло. Как в замедленной съемке, Питт, опустившись на колени, упал лицом вниз. Он и без зеркала представлял себе, как выглядит: распухшее лицо, заплывшие глаза, разорванные лиловые губы, вывороченные ноздри. Боль огромной волной накатилась на него.

Острая, как кинжал, боль в груди повергла его на грань потери сознания, хотя, заметил он с удивлением, сознание функционировало нормально. Он продолжал притворяться потерявшим сознание, но сжал зубы, чтобы не позволить наплывающей темноте на самом деле одолеть его.

Рондхейм был в ярости.

— У меня мало времени для этого скользкого гомика. — Он кивнул одному из своих телохранителей. — Приведи его в чувство.

Один из них, бритоголовый, намочил полотенце и не слишком нежным движением вытер кровь с лица Питта. Затем он обмотал полотенце, окрасившееся в красный цвет, как компресс вокруг его шеи. Поскольку Питт не пошевелился, охранник вышел и тут же вернулся с маленькой баночкой ароматических солей.

Питт кашлянул раз, два, харкнул кровью на ботинок охранника и, перевернувшись на бок, открыл глаза.

Рондхейм ухмыльнулся.

— Вы долго приходите в себя, майор. Похоже, вы немного устали. — Голос внезапно стал резким и пронзительным: — Встать! Пора заканчивать… хм… курс обучения.

— Курс? Обучения? — Слова еле слышно срывались с разбитых губ Питта, выплывая откуда-то из-под сознания. — Я не совсем понимаю…

Ответом Рондхейма стал удар ногой в пах. Питт конвульсивно вздрогнул, застонал, откатываясь назад.

— Я сказал — встать! — заорал Рондхейм.

— Я… я не могу…

Рондхейм нагнулся и ударил Питта в заднюю часть шеи. Больше не надо было притворяться: Питт вырубился окончательно.

— Привести его в чувство! — безумно заорал Рондхейм. — Я хочу, чтобы он был на ногах.

Охранники уставились в недоумении — даже они уже начали уставать от кровавых игрищ Рондхейма. Но у них не было другого выхода. Они обрабатывали Питта, как два тренера — проигравшего боксера до тех пор, пока он не проявил первые признаки сознания. Было совершенно ясно, что Питт не сможет подняться без посторонней помощи. Поэтому охранники, подхватив Питта под руки, подняли его. Его тело висело между ними мертвым грузом, как мокрый мешок с цементом.

Рондхейм избивал безжизненное тело до тех пор, пока его кимоно не промокло насквозь от пота и крови Питта.

В проблесках сознания Питту казалось, что он потерял всякую чувствительность. «Спасибо бренди, — успел подумать он, — если бы я так не напился, я бы не смог выдержать зверства Рондхейма, не сопротивляясь». Теперь же он и не мог сопротивляться: его физические ресурсы были полностью истощены, мозг терял контроль над реальностью. Он снова провалился в темноту.

Рондхейм направил точный сильный удар прямо в живот. Когда свет в шестой раз погас в глазах Питта, а охранники бросили его безжизненное тело на мат, садистское выражение появилось на лице Рондхейма. Он поднял его голову за волосы, чтобы последним, завершающим ударом дзюдо «куп де грас» сломать ему шею.

— Нет!

Рондхейм, застыв с поднятой рукой, медленно обернулся. В дверях стояла Керсти Фири с выражением ужаса и страха на лице.

— Нет! Пожалуйста… Ты не сделаешь этого!

— Он что-то для тебя значит? — Рондхейм не опускал руку.

— Ничего, но он — человек. Это жестоко и бессмысленно, Оскар. И для этого не надо много мужества. Избивать беззащитного и полумертвого человека — почти то же самое, что избивать ребенка. Для этого не надо много мужества, — повторила она. — Ты меня разочаровываешь.

Рука Рондхейма медленно опустилась. Он подошел к Керсти, схватил рукой за блузку и резко дернул вниз — ткань разорвалась надвое.

— Ты, извращенная шлюха, — рявкнул он, шлепнув ее по обнаженной груди. — Я предупреждал, чтобы ты не вмешивалась. Ты не можешь критиковать меня... ни кого-либо еще. Сиди на своей хорошенькой заднице и молчи, пока я выполняю грязную работу.

Она подняла руку, чтобы ударить его. Прекрасные черты ее лица исказились от ненависти и злости. Он поймал ее за локоть и выкрутил так, что она закричала от боли.

— Основная разница между мужчиной и женщиной — это физическая сила. — Он расхохотался. — Похоже, ты об этом забыла.

Рондхейм грубо толкнул женщину к двери и повернулся к охранникам.

— Бросьте эту мразь к остальным, — скомандовал он. — Если ему улыбнется счастье и он сможет открыть глаза, то обрадуется, что подыхает среди друзей.

Глава 17

Из черных глубин бессознательного состояния перед глазами Питта стали появляться огоньки света. Они были смутные, туманные, неопределенные, как тусклый луч фонарика, батарейки которого сели. Он пытался бороться с этим: несколько раз хватался за луч, который, как он понимал, был его окном во внешний мир, в сознательное. Но тот ускользал, и он вновь проваливался в пустоту небытия. «Умер, — смутно носилось у него в мозгу. — Я умер».

Внезапно у него появилось ощущение чьего-то присутствия. С каждым моментом это ощущение, несмотря на пустоту, окружавшую его, становилось все сильнее и сильнее. Тогда он понял, что не умер, что жив. Боль, острая, режущая боль пронизывала все тело. Волна боли прокатилась от головы до ног, и он издал громкий стон.

— О, Боже, спасибо тебе! Спасибо, что вернул его к жизни. — Голос звучал где-то далеко, далеко.

Он включил в своем сознании вторую скорость, и голос появился вновь.

— Дирк! Это Тиди! — После секундного молчания, за время которого уверенность Питта в том, что он жив, стала возрастать. Луч света расширился, и он почувствовал обжигающую свежесть чистого холодного воздуха и нежное прикосновение к его голове чьей-то мягкой руки. Образ перед его глазами был туманный и искаженный. Он попытался что-то произнести, но вместо слов из его горла вырвался глухой стон и какое-то невнятное бормотание.

— Похоже, наш майор вернулся к жизни.

Питт понимал, что эти слова не принадлежали Тиди. Голос был более низкий, более мужественный.

— Они здорово поработали над ним, — произнес тот же неизвестный голос. — Лучше бы он умер, не приходя в сознание. Судя по положению вещей, кто-то из нас должен выжить, чтобы увидеть...

— Это будет он. Только он сможет сделать это. — Это была снова Тиди. — Дирк наша единственная надежда.

— Надежда... Надежда? — прошептал про себя Питт. — По-моему, одну из моих подружек звали так...

Острая боль пронзила его бок и обожгла каленым железом, но странно, его лицо ничего не чувствовало — искалеченная плоть как бы оцепенела. Потом он осознал, почему он мог различить только тени. Зрение, по крайней мере, тридцать процентов вернулось, когда Тиди приложила к его глазам влажную мягкую нейлоновую ткань от своего чулка. Разбитое, распухшее лицо Питта не чувствовало боли, потому что Тиди время от времени, смачивала тряпку в ледяной воде, промокала на нем раны и кровоподтеки. Благодаря ее усилиям Питт смог кое-что увидеть через тонкие щелочки распухших глаз.

Он с трудом приоткрыл глаза. На него смотрела Тиди, каштановые волосы обрамляли ее бледное обеспокоенное лицо. Затем он услышал другой голос, который показался ему знакомым.

— Вы записали номер грузовика, проехавшего по вашему лицу, майор? Или это был бульдозер, выровнявший ваш неровный профиль?

Питт с трудом повернул голову и увидел улыбающееся лицо Джерома Пи Лилли.

— Представьте себе гиганта, способного вырывать с корнем деревья? — проговорил Питт.

— Полагаю, — задумчиво сказал Лилли, — что вашими следующими словами будут: «Если вам кажется, что я неважно выгляжу, посмотрели бы вы на того, другого».

— Друзья мои, должен вас разочаровать — я не тронул его и пальцем.

— Вы не сопротивлялись?

— Да, я не сопротивлялся.

На лице Лилли отразилось крайнее удивление.

— Вы стояли там... вас так избили и... не сопротивлялись?

— Вы оба, заткнетесь или нет! — В голосе Тиди звучало и беспокойство, и негодование. — Если кому-либо из нас суждено выжить, то это будет Питт, и мы должны поставить его на ноги. Мы не можем просто сидеть здесь и болтать.

Питт заставил себя сесть, однако сломанное ребро протестовало острой болью, пронзившей его тело. Ему показалось, что грудь схватили огромными тисками и сильно сжали. Медленно, аккуратно он расслабил тело, чтобы боль отпустила его.

То, что он увидел вокруг, казалось сценой из ночного кошмарного сна. Он уставился на эту нереальную сцену, а затем на Тиди и Лилли с выражением абсолютного непонимания. Вдруг его мозг пронзила какая-то мысль, и он как бы в пустоту проговорил, медленно растягивая слова:

— Боже мой, нет... это... невозможно.

Может быть, десять, а может быть, и двадцать секунд Питт сидел в полнейшем безмолвии, тупо уставившись на разбитый самолет, лежащий ярдах в десяти от него. Искореженные обломки корпуса наполовину затонули в грязи глубокого оврага, стены которого круто поднимались вверх. Он заметил, что разбитый самолет был небольших размеров и, видимо, принадлежал к самолетам класса «Титан», способных перевозить около тридцати пассажиров. Если на нем и были опознавательные знаки, то определить их сейчас было совершенно невозможно. Задняя часть фюзеляжа была разбита, кабина пилота — похожа на груду искореженного металла.

Первой мыслью Питта была мысль о том, что никто из попавших в катастрофу не выжил. Но они были здесь: Питт, Тиди, Лилли и разбросанные по крутым склонам оврага в самых нелепых позах люди, которые окружали Питта в доме Рондхейма, которые выступили против Келли и «Хермит лимитед».

Все они, похоже, были живы, но сильно покалечены.

— Извините, но не могу не задать вопрос, — выдохнул Питт хриплым голосом, — но... что произошло?

— Совсем не то, что вы думаете, — отозвался Лилли.

— А что? Очевидно… что Рондхейм устроил эту катастрофу?

— Да, но только мы не попали ни в какую катастрофу, — сказал Лилли. — Этот самолет лежит здесь уже несколько дней, может быть, недель.

Питт не верил своим ушам. Лилли, казалось, удобно устроился, лежа на мягкой влажной земле.

— Не хотите ли вы просветить меня? Что случилось со всеми этими людьми? Что случилось с вами? Все.

— Я к этой истории не имею никакого отношения, — ответил Лилли. — Люди Рондхейма схватили меня, когда я прогуливался по его причалу. Прежде чем я успел что-нибудь выяснить, они притащили меня в дом к Рондхейму, а потом выкинули сюда к этим джентльменам.

Питт нагнулся к Лилли.

— У вас достаточно непривлекательный вид. Можно посмотреть?

Лилли нетерпеливо отмахнулся.

— Выслушайте меня. А потом убирайтесь отсюда и ищите помощь. Никто не находится в непосредственной опасности — увечья не смертельны. Рондхейм предусмотрел и это. Главная опасность в том, что мы брошены здесь, в овраге. Температура сейчас около сорока[1], и она постепенно снижается. Через несколько часов заметно похолодает. И тогда холод и шок заберут свои первые жертвы. К утру в этом чертовом овраге останутся только замерзшие тела.

— Рондхейм предусмотрел это? Боюсь…

— Вы еще не поняли, майор. Вы туго соображаете. Вся эта кровавая бойня не вызвана катастрофой самолета. После того как ваш «добрый» друг Рондхейм избил вас до полусмерти, каждому из нас была введена большая доза нембутала, а потом бесстрастно и методично он и его подручные брали каждого и ломали ему кости, чтобы создать видимость, что это произошло в результате авиакатастрофы.

Питт пристально посмотрел на Лилли, но ничего не сказал. Мысли путались в его голове: неверие сменялось желанием разобраться в происшедшем. То, что говорил Лилли, было слишком ужасным, слишком чудовищным, чтобы поверить в это.

— Боже, это невозможно, — простонал он. — Это похоже на какой-то безумный кошмар.

— Ничего безумного, — уверил его Лилли. — Это обычный метод Келли и Рондхейма.

— Откуда вы знаете?

— Откуда? Я был одним из последних, кому вводили наркотик. Я слышал, как Келли объяснял Марксу, что вся эта чудовищная трагедия была просчитана компьютерами «Хермит лимитед».

— Но зачем? Зачем такая жестокость? Келли мог просто посадить нас на другой самолет и отправить его прямо в океан — никаких следов и никакой надежды на спасение.

— Компьютеры оперируют только холодными фактами, — проговорил Лилли. — Люди, находящиеся здесь, в своих странах имеют значительный вес. Вы же были на вечере у Рондхейма и слышали, как Келли объяснял, почему они должны умереть. Их смерти — это диверсия, необходимая, чтобы выиграть время и занять первые полосы газет сообщением о катастрофе, тогда как «Хермит лимитед» начнет свои операции, не опасаясь международного вмешательства.

Глаза Питта сузились.

— Но и это не объясняет их садизма!

— Не объясняет, но в глазах Келли — цель оправдывает средства. Вариант исчезновения в океане, не сомневаюсь, был загружен в компьютеры, но отвергнут в пользу другого, который получит гораздо большую огласку. Гибель самолета в океане забудется через неделю или десять дней — поиски будут быстро прекращены, так как очевидно, что никто не сможет выжить в ледяной воде Северной Атлантики.

— Естественно, — отозвался Питт. — Исчезновение «Лакс» было идеальным примером.

— Совершенно верно. Келли и его богатым друзьям нужно время, чтобы спокойно окопаться в какой-либо из выбранных стран. Чем дольше наш госдепартамент будет занят поисками исчезнувших высокопоставленных дипломатов, тем сложнее ему будет воспрепятствовать операциям «Хермит лимитед».

— А этот вариант предполагает, что поиски будут длительными, — голос Питта звучал утвердительно. — А когда надежды начнут исчезать, он организует так, что кто-нибудь из исландцев случайно наткнется на тела погибших на месте крушения. Тогда Келли получит еще две недели, пока мир будет оплакивать жертв катастрофы, а политики сосредоточат свое внимание на похоронных речах.

— Каждый вариант был тщательно рассмотрен. Все мы, якобы, были приглашены в северное поместье Рондхейма для ловли лосося. Костяк «Хермит лимитед» летел другим рейсом. Во всяком случае, эту историю они собирались обнародовать.

— А если бы кто-нибудь случайно заметил нас? — спросила Тиди, нежно вытирая струйку крови, вытекшую из разбитого рта Питта.

— Это исключено, — ответил Питт, внимательно разглядывая окружавшую местность. — Нас можно заметить, только стоя непосредственно над нами. А если добавить, что мы находимся в практически безлюдном районе Исландии, надежды на обнаружение сведутся к нулю.

— Теперь вы ясно представляете себе ситуацию, — отозвался Лилли. — Самолет был доставлен в этот овраг, а затем на месте разрушен, потому что упасть столь точно в это глубокое узкое место практически невозможно. Любой поисковый самолет сможет видеть эти обломки только в течение секунды — а это один шанс из тысячи, что он его обнаружит, а затем, уже недели через три, любой, даже самый компетентный следователь ни на минуту не усомнится, что большинство из нас умерло от увечий, полученных при крушении самолета, а остальные от мороза и шока.

— И я единственный, кто может двигаться? — спросил Питт. Его сломанное ребро отзывалось такой нетерпимой болью, что ему хотелось кричать, но в его глазах уже зажегся огонек надежды, надежды человека, который всего несколько часов назад был на волосок от смерти — и он превозмог боль.

— Некоторые могут идти, — сказал Лилли, — но со сломанными руками они никогда не выберутся из оврага.

— Тогда, думаю, выбор пал на меня.

— Совершенно верно... — Лилли слабо улыбнулся. — Единственная надежда на то, что Рондхейму противостоит человек более выносливый, чем могли вычислить его компьютеры.

Поддержка в глазах Лилли стала тем дополнительным импульсом, в котором нуждался Питт. Он с трудом встал на ноги и оглядел фигуры, беспомощно лежавшие в разных местах оврага.

— А что Рондхейм сломал вам?

— Оба плеча и, по-моему, таз, — Лилли говорил об этом таким спокойным голосом, как будто описывал поверхность Луны.

— Да, наверное, вы жалеете, что не находитесь сейчас в Сент-Луисе на пивоварне вашего отца?

— Не очень. Старик никогда особенно не рассчитывал на своего единственного сына. Если я… если я умру, когда вы вернетесь, скажите ему…

— Зачитайте ему некролог сами. Мне это не доставит большого удовольствия, — Питт старался говорить спокойно. — Я никогда не любил пиво «Лилли».

Он повернулся и встал на колени перед Тиди.

— А что они повредили тебе, моя крошка?

— У меня сместились лодыжки. — Она игриво улыбнулась. — Ничего серьезного. Кажется, мне повезло.

— Мне очень жаль. Если бы не моя топорная работа, ты бы не лежала здесь.

Она взяла его руку и сжала.

— Это более занимательно, чем печатать под диктовку документы адмирала.

Питт аккуратно взял ее на руки, поднял и положил рядом с Лилли.

— Это твой шанс, маленькая золотоискательница. Настоящий живой миллионер. И на последующие несколько часов он принадлежит только тебе. Мистер Джером Пи Лилли, могу я представить вам мисс Тиди Ройял, самую очаровательную девушку всей Национальной службы глубоководных исследований?

Питт поцеловал ее в лоб и, неловко споткнувшись, встал на ноги. Он сделал несколько неуверенных шагов по сырой земле и подошел к человеку, которого он знал просто как Сэма. Он вспомнил его благородные манеры, его голубые проницательные глаза, на которые обратил внимание еще там, в оружейной комнате. Сейчас он увидел его, лежавшим с двумя сломанными, как ветви дуба, ногами, и его глаза сделались тусклыми от невыносимой боли. Питт заставил себя улыбнуться ему ободряющей улыбкой.

— Потерпите, Сэм, — сказал он, мягко прикоснувшись к плечу пожилого человека. — Я вернусь еще до обеда с самой привлекательной медсестрой во всей Исландии.

На губах Сэма мелькнула еле заметная улыбка.

— Для человека моего возраста предпочтительнее была бы сигара.

Питт наклонился и сжал руку Сэма. Голубые глаза внезапно ожили, старик приподнялся и ответил на рукопожатие с такой силой, какой Питт не ожидал от него. В чертах его усталого морщинистого лица появилась решимость.

— Его надо остановить, майор Питт, — сказал он тихим голосом, перешедшим в шепот. — Джеймсу нельзя позволить осуществить его чудовищные планы. Его цели, может быть, и благородны, но люди, которые окружают его, мечтают только о богатстве и власти.

В ответ Питт только кивнул.

— Я прощаю Джеймса за то, что он сделал. — Сэм говорил так тихо, как будто он обращался к себе самому. — Скажите ему, что его брат прощает...

— Боже! — онемел Питт. — Он — ваш брат?

— Да, Джеймс — мой младший брат. Я оставался в тени в течение многих лет, решая финансовые вопросы нашей многонациональной корпорации. Джеймс, более ловкий и активный, стал более известен. До последнего времени мы являли собой достаточно удачное сочетание. — Сэм Келли кивнул Питту едва заметным жестом прощания. — Да хранит вас Бог!

Он слабо улыбнулся.

— И не забудьте мою сигару.

— Можете на нее рассчитывать, — пробормотал Питт. Он отвернулся. Голова кружилась от противоречивых образов и эмоций. Затем ненависть — его основная движущая сила, начала вытеснять все остальное — ненависть, которая разгоралась в нем, когда Рондхейм только начал свое садистское убийство, заполнила его сознание пылающим огнем. Низкий голос вернул его к действительности. Это был русский дипломат Тамарезов.

— Сердце верного коммуниста с вами, майор Питт.

Питт задержался с ответом.

— Благодарю вас. Не часто коммунист доверяет спасение своей жизни капиталисту.

— Да, эту пилюлю нелегко проглотить.

Питт остановился и задумчиво посмотрел на Тамарезова, на его левую ногу, неестественно отставленную в сторону. Черты его лица смягчились.

— Если вы обещаете не устраивать, пока меня не будет, никаких пропагандистских лекций, я вернусь для вас с бутылкой водки.

Тамарезов с любопытством посмотрел на Питта.

— Это проявление американского юмора, майор? Но я надеюсь, насчет водки вы говорите серьезно.

Улыбка появилась в уголках губ Питта.

— Конечно, поскольку я собираюсь сбегать в винный магазин за углом, я просто хотел взять что-нибудь и для вас.

И прежде чем русский смог что-то ответить, Питт повернулся и начал забираться по крутому склону оврага вверх.

Питт старался передвигаться очень осторожно, по нескольку дюймов, так, чтобы движения причиняли как можно меньше боли его сломанному ребру. Он скреб руками мягкую, скользкую землю и подтягивался вверх, не глядя никуда, только строго перед собой. Первые двадцать ярдов дались ему без труда. Однако потом склон сделался круче, и земля стала более твердой, что затрудняло движение.

Подъем стал невыносимо трудным, что еще больше усугубляла боль от ран. Его силы истощились, движения стали совершенно механическими: зацепляться и подтягиваться, зацепляться и подтягиваться. Сначала он пытался считать футы, но после тридцати потерял счет, его мозг отказывался выполнять любые умственные функции.

Он был как слепой. Единственное ощущение, которое у него осталось, было осязание. В этот момент страх впервые настиг его — это не была боязнь падения или страдания от ран — это был настоящий холодный страх, что он не сможет помочь людям, что их жизни зависят от того, доберется он или нет до той полосы, которая соединяет землю и небо и которая, казалось, так еще далека. Минуты казались часами. Сколько прошло времени? Он не знал, он не имел никакого представления. Время, как средство измерения, уже не существовало. Его тело превратилось в тело простого робота, повторяющего одни и те же движения, даже не нуждаясь в командах мозга.

Он опять начал считать, но на этот раз остановился на десяти. «Теперь, — сказал он себе, — одна минута отдыха, и снова вверх». Дыхание его стало прерывистым, пальцы кровоточили, ногти сломались, мускулы рук ныли от постоянного напряжения. По лицу катился пот, но воспаленная плоть не чувствовала ничего. Он сделал еще одну остановку и сквозь щели распухших глаз посмотрел наверх. Край оврага скрывался за неясной линией туманных очертаний, что затрудняло определение расстояния.

И вдруг неожиданно его руки почувствовали мягкую землю края оврага. С силой, о которой и не подозревал, он вытолкнул свое тело и перевернулся на спину, замертво растянувшись на ровной поверхности.

Минут пять Питт лежал неподвижно, от пульсирующего дыхания вздымалась только его грудь. Постепенно чувство полного изнеможения переросло в тревогу, С трудом он поднялся на ноги и посмотрел вниз, на дно оврага, на крошечные фигурки, разбросанные там. Он сложил руки рупором, чтобы закричать, но потом передумал. Все, что могли видеть люди, находившиеся внизу, это его голову и плечи, возвышавшиеся над краем оврага. Он махнул им рукой и пошел.

Глава 18

Питт стоял как одинокое дерево посреди большой пустынной равнины. Во все стороны, куда простирался взгляд, она была покрыта темно-зеленой мшистой растительностью. На краю горизонта виднелись невысокие, в легкой дымке, холмы. За исключением нескольких одиноких кустиков, пробивавшихся к солнцу, земля была совершенно необитаемой. У него было такое чувство, что он в этой холодной пустыне совсем один, но вдруг он заметил небольшого бекаса, взмывшего в небо в поисках невидимой добычи. Он летел в сторону Питта и, находясь на высоте двухсот футов, стал кружить над его головой, внимательно приглядываясь к этому странному животному, неприкаянно стоявшему в своем желто-красном оперении посреди огромного зеленого ковра. Сделав три круга над головой Питта, маленькая птичка потеряла к нему всякий интерес, взмахнула крыльями и полетела дальше.

Как бы угадав «мысли» маленькой птички, Питт уставился на свое одеяние и пробормотал: «Да, похоже, одет не к месту. Выгляжу я, конечно, нелепо».

Звук собственного голоса пробудил его от раздумий. Мозг заработал вновь. Его охватило чувство небывалого подъема: несмотря на раны, он был жив. Он смог выбраться из этого проклятого оврага, и он должен найти помощь раньше, чем оставшиеся внизу люди умрут от переохлаждения. В приподнятом настроении он направился в сторону видневшихся на горизонте холмов.

«Пятьдесят футов, не больше», — подумал он, но внезапно его мозг пронзила мысль — он заблудился. Солнце высоко стояло на небе. Не было ни одной звезды, которая могла бы указать ему направление. Север, юг, запад, восток — это были просто слова, которые ничего для него не означали: их нельзя было определить. Как только он вступит в зону стелившегося по земле тумана, он совсем перестанет ориентироваться. Он шел наугад, не имея никакого представления о направлении.

В то холодное влажное утро он даже не почувствовал страха — ярость поглотила все его мысли, злость на свое собственное благодушие, которое чуть не привело его к концу. «Каждая случайность, — думал он, — каждый вариант был просчитан этими дьявольскими компьютерами „Хермит лимитед“. Ставки в той кровавой игре, которую затеяли Келли, Рондхейм и их компания, были слишком высоки». Он заставил себя успокоиться, сел на землю и стал думать.

Не надо было обладать слишком большим воображением чтобы понять, что он оказался где-то в центре безлюдной части Исландии. Он постарался вспомнить, что он знал об этом райском уголке Северной Атлантики, что говорили морские карты, которые он изучал на «Катавабе». Остров протянулся на сто девяносто миль с севера на юг и примерно на три сотни миль с запада на восток. Поскольку расстояние с севера на юг было намного короче, оба других направления были им сразу отвергнуты. Если он пойдет на юг, то, скорее всего, попадет на ледник Ватнайекулль, самый большой не только в Исландии, но и во всей Европе. А это будет означать конец всему.

«Значит, на север», — решил он. Логика его мышления была достаточно примитивной, но была еще одна причина: он принял решение, противоречившее возможным компьютерным выкладкам, согласно которым он выбирал наименее разумное направление. Обычный человек в подобной ситуации стал бы пробираться в сторону Рейкьявика, крупнейшего центра цивилизации на острове, находившегося далеко на юго-западе. «Эту случайность они не предусмотрели. Они рассчитали все исходя из логики обычного человека», — подумал Питт.

Теперь у него был ответ — надо идти на север — но это было еще не все. Где, в какой стороне находился север? И даже если бы он знал, он не мог двигаться точно по прямой. Он знал, что любой правша, не имея точных ориентиров, обязательно будет уклоняться в правую сторону. Эта мысль тревожила Питта.

Гул двигателя самолета прервал его раздумья. Прикрыв рукой глаза от блеска яркого голубого неба, он поднял голову, глядя на пассажирский самолет, безмятежно совершавший свой далекий путь. Питт мог только предполагать о месте его назначения. Он мог лететь куда угодно: на запад — в Рейкьявик, на восток — в Норвегию, на юго-восток — в Лондон. Он не сможет правильно определить направление без компаса.

Слово «компас» застряло у него в голове, как мысль о банке ледяного пива у человека, попавшего в центр Сахары. Компас, простой кусочек намагниченного железа, надетого на небольшой штырь и плавающего в смеси воды и глицерина. Внезапно в глубине его мозга забрезжил свет.

Он вспомнил урок, который ему преподали много лет назад, когда он ходил в горы с отрядом бойскаутов.

Минут десять ушло, пока он нашел небольшую заводь, спрятанную в низине, прямо у подножия небольшого куполообразного холма. Быстро, как только позволяли его сбитые в кровь пальцы, он отстегнул коричневый кушак и вытащил скреплявшую его булавку. Обвязав один конец длинного шелкового шарфа вокруг своей ноги, он встал на колени и, туго натянув другой свободный конец левой рукой, правой начал тереть булавкой о шелк, пытаясь намагнитить маленький кусочек металла.

Холод становился все сильнее. Питт чувствовал озноб сквозь влажную одежду. Булавка выпала из окостеневших пальцев, и он несколько минут безнадежно искал ее во мшистой земле, пока острый серебряный кончик не воткнулся ему под ноготь. Он был почти благодарен боли: она означала, что пальцы еще не потеряли чувствительность. Он снова начал тереть булавкой о кушак, стараясь, чтобы она не выскользнула из его пальцев.

Когда он решил, что булавка уже достаточно намагнитилась, он потер ее о лоб и нос, чтобы она покрылась жиром кожи лица. Затем вытащил из рубашки две небольшие ниточки и аккуратно обвязал ими булавку. Наступила самая хитрая часть операции. Питт расслабился на мгновение, сгибая и разгибая пальцы, и перебирая ими, как пианист перед выходом на сцену.

Чувствуя, что он готов, Питт осторожно поднял булавку и как можно медленнее опустил ее в маленький спокойный водоем. Задерживая дыхание, он наблюдал, как вода прогнулась под весом булавки, затем его пальцы медленно отпустили нитки, чтобы булавка, движимая земным притяжением и удерживаемая жиром, свободно вращалась в воде.

Только ребенок, ожидающий подарков у рождественской елки, может испытывать такое же удивление, какое пережил Питт, когда он увидел, как эта сумасшедшая булавка описала в воде полукруг и повернулась острием в сторону магнитного полюса. Минуты три он сидел, замерев, вставившись на свой крохотный компас, с таким чувством, что, если он прикроет глаза, она пойдет ко дну и исчезнет.

— Посмотрим, что ваши чертовы компьютеры смогут сделать с этим, — пробормотал он.

Неопытный человек с радостью бы бросился в том направлении, на которое указало острие булавки, решив что это и есть истинный север. Но только не Питт. Он знал что единственным местом, где компас точно указывает на Северный полюс, был небольшой участок в районе Великих Озер между Соединенными Штатами и Канадой, там где

Северный и магнитный полюса совпадают. Как опытный навигатор, он также знал, что магнитный полюс располагается где-то между островами принца Уэльского и Гудзоновым заливом, примерно на тысячу миль южнее Северного полюса и только на сто миль севернее Исландии. Это означало, что стрелка его компаса указывала на несколько градусов на северо-запад. Питт достаточно приблизительно рассчитал, что отклонение компаса должно составлять восемьдесят градусов. Теперь он, по крайней мере, знал, что север находится вправо от того направления, куда указывало острие булавки.

Питт вытащил свой примитивный компас из воды и пошел туда, где расстилался туман. Не прошел он и сотни ярдов, как почувствовал, что из разбитой губы брызнула кровь, ныли десны, из которых были выбиты зубы. Боль в паху от удара Рондхейма вынуждала его идти медленно, останавливаясь через несколько шагов. Он заставлял себя двигаться вперед, цепляясь за остатки сознания. Земля была твердая и ровная. Скоро он уже потерял счет своим падениям, и шел, обхватив руками грудь, чтобы ослабить боль, которую испытывал от движения из-за сломанного ребра.

Удача сопутствовала ему. Часа через полтора туман рассеялся, и он увидел огромное количество горячих источников, которые вместе с самодельным компасом давали ему возможность держаться правильного направления.

Прошло еще несколько часов. Испытывая каждую минуту страдание, пронизывающий холод, сильную боль, Питт пытался сохранить сознание. Время превратилось в вечность, которая, казалось, не кончится, пока он не ступит на влажную мягкую траву. Он уже не был уверен, что проживет еще хотя бы несколько часов.

Шаг за шагом, бесконечный цикл, Питт двигался вперед, чувствуя полное изнеможение. Он не мог сосредоточиться ни на чем, кроме как на каждой следующей отметке, на очередном отрезке пути, а когда он преодолевал его, то думал только о следующем. Логика уже не существовала. Его сознание просыпалось только тогда, когда из дальних туманных его уголков поступал сигнал о том, что он сбивается с курса.

Прошедшие двенадцать часов показались ему двенадцатью годами. Он остановился у серного источника и опустил свой маленький компас в воду. Однако на этот раз пальцы не были столь точны, булавка выпала из рук, упала в воду и пошла ко дну. Он не успел подхватить ее и долго сидел потом, бессмысленно глядя в воду. Ему казалось, что надеяться уже не на что, что он никогда не сможет выбраться из этой бескрайней ледяной пустыни.

Опухшие глаза открывались с трудом, ноги ныли от изнурения, дыхание прерывалось. Но он опять поднялся и, спотыкаясь, побрел вперед,

ведомый какой-то непонятной внутренней силой, о существовании которой он и не подозревал раньше. Ему казалось, что тело его уже мертво, он не чувствовал боли и никаких эмоций. Питт понял, что уже переступил порог физической чувствительности. Он упал.

Внезапно он услышал какой-то шум и прислушался. Действительно, сквозь пустоту бесконечной равнины пробивался какой-то пульсирующий звук. Его оцепеневший мозг отказывался постичь и объяснить услышанное, так же как и предположить, откуда звук доносится,

Затем все стихло. Звук исчез. Питт уже не мог думать о людях, которые остались там, в ущелье, чувство ответственности за их судьбы исчезло за эти бесконечные часы скитаний. Он думал только об одном — перестать цепляться за жизнь и спокойно умереть под холодным северным солнцем. Это было бы так просто — остановиться и погрузиться в черную пустоту небытия.

Пара сапог, старых кожаных сапог, появилась перед невидящими глазами Питта там, где только что было бескрайнее пространство дикой травы. Затем руки этого призрака перевернули его на спину, и он увидел усталое морщинистое лицо с голубыми глазами. Густые седые волосы нависли надо лбом, как шлем воина на старинных фламандских полотнах. Старик, которому было уже далеко за семьдесят, одетый в поношенный толстый свитер, склонился над Питтом и дотронулся до его лица.

Затем, не говоря ни слова, с силой, удивительной для мужчины его возраста, он поднял Питта и понес. Сквозь обрывки сознания Питт подумал, что это мираж, чудо, невероятное совпадение, что его нашли. Он упал недалеко от узкой грязной дороги, которая проходила рядом с рекой, покрытой льдом. Потом Питт понял, что шум, который он слышал, доносился не от реки, а от двигателя старого, в нескольких местах пробитого «джипа».

Подобно ребенку, укладывающему спать свою куклу, положил старый исландец Питта на переднее сиденье машины. Он завел свой старый «джип» и пустился по продуваемой ветром дороге. Вскоре они въехали в гряду холмов, перемежавшихся сочными зелеными лугами, где-то и дело при появлении «джипа» взмывали в воздух стаи птиц, закрывая собой солнце. Наконец они остановились у небольшого домика с выкрашенными в белый цвет стенами и красной крышей. Питт сам вышел из машины и, пошатываясь, побрел в дом.

— Телефон. Мне срочно нужен телефон.

Голубые глаза сощурились.

— Вы англичанин? — медленно, с тяжелым произношением северян спросил исландец.

— Американец, — нетерпеливо ответил Питт. — Там две дюжины людей погибают от ран. Они умрут, если им срочно не помочь.

— Там, на равнине, есть еще люди? — Старик не скрывал своего удивления.

— Да, да. — Питт энергично затряс головой. — О, Боже!

Исландец беспомощно покачал головой.

— Ближайшая телефонная линия — на расстоянии сорока километров.

Питта охватило отчаяние.

— Но у меня есть радиопередатчик. — Хозяин указал рукой в сторону комнаты. — Сюда, пожалуйста.

Питт прошел за ним в маленькую, хорошо освещенную комнату спартанского стиля. Из мебели в ней находились только три основных предмета: стул, шкаф и старинный стол, на котором стоял новенький блестящий передатчик, собранный не более чем несколько месяцев назад. Питт изумился, что на этой удаленной ферме пользуются таким ультрасовременным оборудованием. Исландец быстро подошел к передатчику и стал настраивать его на нужную частоту. Взяв в руки микрофон, он сказал что-то по-исландски и стал ждать. Ответа долго не было. Он еще покрутил настройку частоты и заговорил снова. В этот раз ему ответили практически сразу же. Борьба за жизнь заставила Питта забыть о ранах и боли. Он нервно ходил по комнате, пока исландец вел переговоры с представителями властей. Через десять минут, которые потребовались для необходимых объяснений и перевода, Питт получил связь с американским посольством.

— Где, черт возьми, тебя носит? — Голос Сандекера буквально взорвал микрофон. Он был слышен так хорошо, как будто тот говорит за дверью.

— Жду проходящую машину, гуляя в парке, — огрызнулся Питт. — Это сейчас не имеет значения. Как быстро можно собрать команду врачей и поднять их в воздух?

Воцарилось напряженное молчание, прежде чем адмирал ответил. Он почувствовал неотложную настойчивость в голосе Питта, редко звучавшую в его устах.

— У меня здесь группа военных врачей, готовых вылететь через тридцать минут, — медленно ответил Сандекер. — Не мог бы ты объяснить мне причину твоей просьбы?

Питт ответил не сразу. Он с трудом мог сконцентрироваться.

— В течение каждой минуты, которую мы тратим на объяснения, кто-нибудь может умереть. Бога ради, адмирал, свяжитесь с Военно-Воздушными Силами и пришлите их военврачей на вертолетах, чтобы оказать помощь жертвам авиакатастрофы. Потом, когда будет время, я посвящу вас во все подробности.

— Понял, — ответил Сандекер. — Прием.

«Теперь уже недолго ждать, — подумал Питт. — Если только они прибудут вовремя». Он почувствовал прикосновение руки на своем плече, обернулся и встретился глазами с исландцем.

— Я веду себя как невоспитанный гость, — сказал Питт, — Я не представился и не поблагодарил вас за то, что вы спасли мне жизнь.

Старик пожал протянутую ему руку.

— Гольфур Эндюрссон, — сказал он. — Я главный управляющий территории Рарфур Ривер.

Питт представился и спросил:

— Главный управляющий?

— Ну, это человек, который отвечает за реку. Я помогаю рыбакам и слежу за экологией реки, как те в вашей стране, кто защищает речные богатства.

— Это, должно быть, очень уединенная работа... — Питт замолчал, так как острая боль пронзила его грудь. Он схватился рукой за стол, чуть не потеряв сознание.

— Пойдемте, — сказал Эндюрссон. — Я позабочусь о ваших ранах.

— Нет, — твердо ответил Питт. — Я останусь здесь, у радио. Я не сойду со стула.

Эндюрссон колебался. Он вышел из комнаты, вернувшись через две минуты с аптечкой в одной руке и канадским виски «Сеграм» в другой. Питт обратил внимание, что печать на пробке бутылки была не сорвана.

— Вам повезло, — улыбнувшись, сказал Эндюрссон. — Один из ваших соотечественников рыбачил здесь месяц назад и оставил мне это.

Питт успел сделать несколько глотков, а Эндюрссон только закончил перевязывать ему грудь, как радио пискнуло, ив комнату ворвался рокочущий голос Сандекера.

— Майор Питт, слышишь меня?

Питт взял микрофон и нажал кнопку приема.

— Питт здесь. Слушаю вас, адмирал.

— Военврачи собраны в Кефлавике, там же — поисковые и спасательные команды. Я по радио координирую их действия, — он умолк на мгновение. — Вы взволновали весь Кефлавик. Сюда не поступало никаких сообщений о пропавшем самолете, ни о военном, ни о пассажирском.

Питт сделал еще один глоток и ответил:

— Сообщение еще не успело поступить.

В голосе Сандекера прозвучало полное непонимание.

— Еще раз. Повтори пожалуйста.

— Поверьте, адмирал. Я не могу ответить и на десятую часть вопросов, которые рождаются у вас в голове, особенно по радио.

«Любым путем надо сделать так, — думал Питт, — чтобы имена известных на весь мир людей, которые остались в овраге, не попали на страницы газет по крайней мере еще тридцать шесть часов. Этого времени будет достаточно, чтобы остановить Келли, Рондхейма и компанию прежде, чем их предупредят и они уйдут в подполье».

Надо отдать должное адмиралу. Сандекер почти сразу же понял, что необходимо соблюдать осторожность.

— Ваше сообщение понял, — сказал он. — Укажи мне твое местоположение. Используй обратную карту координат.

— Извините. Я не знаю никаких…

— Черт тебя подери! — закричал Сандекер. — Делай, как тебе приказано.

Питт сидел почти полминуты, тупо уставившись на передатчик, пока скрытый смысл слов Сандекера не дошел до его утомленного мозга. Адмирал хотел, чтобы он передал ему информацию, отвечая на вопросы наоборот. Он моментально отметил про себя, что Сандекер превзошел его в этой словесной гимнастике.

Питт выключил микрофон и повернулся к Эндюрссону:

— На каком расстоянии находится отсюда ближайший город? И как он называется?

Эндюрссон указал на окно:

— Содафосс… мы находимся примерно в пятидесяти километрах от его центральной площади.

Питт быстро добавил к словам исландца то расстояние, которое он прошел по равнине, и повернулся к радио.

— Крушение произошло примерно в восьмидесяти километрах к северу от Содафосса. Повторяю, восемьдесят километров к северу от Содафосса.

— Самолет военный или пассажирский?

— Военный.

— Сколько осталось в живых?

— Трудно сказать. Два, может, четыре.

Питт мог только надеяться, что Сандекер догадается об общем числе — двадцать четыре. Старый океанограф не подвел его.

— Будем надеяться, что мы увидим их всех живыми и здоровыми завтра утром. — Намек Сандекера на двадцать четыре часа рассеял все сомнения. Он помолчал, затем спросил низким, хрипловатым голосом. — А мисс Тиди, она с вами?

— Да.

Сандекер не ответил сразу. Питт как бы почувствовал, как он внезапно побледнел, дыхание прервалось. Затем адмирал произнес:

— Она… она причиняет вам беспокойство?

Питт подумал мгновение, стараясь подобрать подходящие слова.

— Ну, адмирал, вы же знаете женщин. Сначала она жаловалась на боли в лодыжках, теперь она вообразила, что замерзает до смерти. Я буду вам бесконечно признателен, если вы заберете эту плаксивую женщину.

— Постараюсь сделать все возможное, чтобы выполнить твою просьбу. Прием.

Питт хмыкнул про себя. Все это могло занять слишком много времени, а дорога была каждая минута, каждая секунда. Он посмотрел на часы. Час дня — прошло ровно семь часов, как он выбрался из оврага. Он почувствовал внезапный озноб и сделал еще один глоток виски.

Радио пискнуло в ответ.

— Майор Питт!

— Здесь, адмирал.

— У нас проблемы. Ни один вертолет на острове не может подняться в воздух. Военврачи будут сброшены с транспортного самолета.

— Поймите, нужны вертолеты. Уцелевших надо будет вывезти оттуда. И самое главное, адмирал, я должен возглавить поиск. Повторяю, я должен возглавить поиск. Место крушения невидимо с воздуха. Ваша поисковая партия потратит на это дни, и не найдет ничего.

Питт почувствовал, как Сандекер помрачнел на том конце. Он долго молчал. Затем медленно, подчеркивая каждое слово, произнес:

— Ответ на твою просьбу отрицательный. На острове семь вертолетов. Три принадлежат Военно-Воздушным Силам, четыре — поисковой и спасательной службе. Все эти вертолеты на ремонте. — Сандекер помолчал, а затем также медленно произнес: — Может быть, это далеко от истины, но нашим людям и правительству кажется, что попахивает саботажем.

— О Боже! — пробормотал Питт и внезапно похолодел. «Любая случайность». Эти слова преследовали его. Компьютеры Келли не оставили никакой возможности на спасение. А наемные убийцы Рондхейма привели в действие эти угрозы.

— Есть ли у вас там достаточная площадка для посадки легкого самолета, который бы забрал тебя? — задумчиво поинтересовался Сандекер. — Если да, ты смог бы направлять поисковую группу с воздуха.

— Да, небольшой самолет смог бы. Тут рядом луг длиной с футбольное поле.

За спиной Питта желтый диск солнца быстро прятался за большими набегавшими серыми тучами. На его плечо легла рука Эндюрссона.

— Идет шторм с севера. Через час пойдет снег.

Питт вскочил и как мог быстро подошел к небольшому двойному окну. Не веря своим глазам, он смотрел в окно, ударив в отчаянии кулаком по стене.

— Боже, нет! — прошептал он. — Это будет самоубийством для военврачей — прыгать с парашютом сквозь снежную мглу.

— Да и легкий самолет не сможет пройти сквозь такой ураган. Я видел их много. Этот ураган будет из опасных.

Питт, пошатываясь, вернулся к радио и сел в кресло. Он закрыл разбитое, распухшее лицо руками и прошептал:

— Бог спасет их всех. Бог спасет их. Безнадежно. Безнадежно.

Голос Сандекера зазвучал в передатчике.

— Твое точное местоположение, майор. Дай мне точные координаты.

Эндюрссон подошел к Питту и взял микрофон:

— Минуту, адмирал Сандекер. Ждите.

Он взял Питта за руку и сжал ее.

— Майор Питт, возьмите себя в руки. «Узы смерти связывают, как камень, но могут быть разорваны тем, кто найдет их слабое место».

Питт медленно посмотрел в глаза Эндюрссону.

— Отлично. Еще один поэт.

Эндюрссон слегка кивнул головой.

— На самом деле, эта неделя у меня поэтическая, — улыбнулся Питт. Он умолк. Он и так провел слишком много времени в бесполезных разговорах. Время бежало. Ему нужен был план, хитрость, которая помогла бы ему отправиться на поиски людей, умирающих в овраге, «Компьютеры ошибаются, ошибаются, — говорил он себе. — Эти электронные монстры могут сделать ошибку, незаметную на первый взгляд. У них нет чувств, нет эмоций, нет ностальгии...»

— Ностальгия! — вдруг громко закричал он, повторив это еще три раза.

Эндюрссон, не понимая, уставился на него:

— Что вы хотите этим сказать?

— Скоро увидите, — ответил Питт. — Я не буду искать их слабое место, как в вашем поэтическом узле смерти. Я разрежу их лопастями.

Старик бросил на него еще один взгляд.

— Лопастями?

— Да. Лопастями пропеллера. А точнее, трех пропеллеров.

Глава 19

На земле есть множество прекрасных зрелищ, но ни одно из них — ни сверхсовременная космическая ракета, взмывающая к иным мирам, ни узконосый сверхзвуковой самолет, разрезающий небо со скоростью вдвое большей, чем скорость звука, — не выглядело столь радостным для глаза, как зрелище неуклюже покачивающегося от порывов ветра, старого трехмоторного «Форда», знаменитого «Тина Гуза», скрытого за черными складками огромных угрожающих туч. Питт внимательно наблюдал, как старый самолет кружил над домом Эндюрссона. Наконец пилот приглушил двигатель, и самолет, почти коснувшись забора, сел, чуть не задев передними, широко расставленными колесами края луга.

Питт повернулся к Эндюрссону.

— Что ж, прощайте Гольфур. Спасибо за все, что вы сделали для всех нас.

Гольфур Эндюрссон пожал Питту руку.

— Это я должен благодарить вас, майор. За честь и возможность помочь нашим братьям. Да поможет вам Бог!

Питт не мог бежать из-за сломанного ребра, но он преодолел расстояние до самолета не более чем за полминуты. Как только он подошел к фюзеляжу с правого бока, дверь открылась, и сильные руки помогли ему влезть в небольшой салон.

— Вы, майор Питт?

Питт вгляделся в крупное загорелое лицо с длинными светлыми бакенбардами.

— Да, я Питт.

— Добро пожаловать в ревущие двадцатые. Это была отличная идея — использовать это старое летающее ископаемое для поисковой операции. — Он протянул руку. — Я капитан Бен Халл.

Питт пожал протянутую руку и сказал:

— Пожалуй, нам стоит поторопиться, если мы хотим избежать снежной бури.

— Вы правы, — откликнулся Халл. — Нет смысла оплачивать дополнительное время стоянки.

Если Халл и был поражен разбитым опухшим лицом Питта или его костюмом, то он сумел это удачно скрыть.

— Мы делаем этот рейс без второго пилота, так что это место ваше, майор. Располагайтесь там, как в центральной ложе театра, и указывайте путь.

— Хорошо. И еще. Я просил адмирала Сандекера кое-что передать мне…

— Да, да. Этот старый морской волк приготовил для вас целый пакет и очень беспокоился, чтобы мы его не забыли. — Он достал сверток из кармана своей парки, развернул и от удивления поднял брови. — Черт возьми, объясните, зачем вам понадобилась бутылка русской водки и коробка сигар в такой момент.

— Это для пары друзей, — улыбнувшись, ответил Питт. Он повернулся и прошел мимо десяти человек, расслабленно сидевших на полу. Все они

были одеты в утепленные арктические комбинезоны. Эти люди были натренированы на выживаемость в тяжелых условиях, умели находиться долгое время под водой, прыгать с парашютом, знали все виды неотложной помощи, кроме хирургии. Чувство уверенности охватило Питта только от одного взгляда на них.

Просунув голову в низкую дверь кабины самолета, он усадил свое воспаленное тело в скрипучее кожаное кресло второго пилота. Пристегнув ремни, он повернулся и увидел сияющее лицо сержанта Сэма Кашмана.

— Как дела, майор? — глаза Кашмана расширились от удивления. — Боже, кто проехал по вашему лицу?

Питт осмотрел пульт управления и быстро ознакомился с давно устаревшими рычагами и кнопками.

— Понимаю. Увидеть сержанта, выполняющего такой ответственный полет, вместо высококлассного летчика, — закончил мысль Кашман. — Видите ли, майор, не было выбора. Дело в том, что я единственный человек на целом острове, кто знаком с этим старинным автобусом.

— Хорошо, сержант. Командуйте. Пора уже запустить эту «птичку» в небо. Держите курс на запад вдоль реки, я скажу вам, где надо будет повернуть к югу.

Кашман только кивнул. Он ловко развернул «Тина Гуза» на сто восемьдесят градусов так, что тот стал лицом к ветру в самом дальнем конце луга. Затем он запустил двигатели, и неуклюжий старый самолет, вздрагивая и подпрыгивая, понесся по лугу.

Колеса «Тина Гуза» еще касались земли, когда они поравнялись с домом Гольфура Эндюрссона. Питту казалось невозможным, что этот маленький самолет может оторваться от земли за такой короткий пробег. Он бросил быстрый взгляд на Кашмана, но увидел только ледяную уверенность и полную расслабленность на его лице. Кашман беззаботно насвистывал какую-то знакомую мелодию, которую, из-за невыносимого шума трех двигателей в двести лошадиных сил Питт так и не смог разобрать.

«Нет сомнений, — размышлял Питт, — Кашман изображает из себя человека, который хорошо знаком с управлением самолетом, особенно таким». — Пробежав три четверти поля, самолет резко взмыл вверх, прервав мысли Питта.

— Где вы научились управлять самолетом? — спросил Питт, испытывая большое чувство облегчения.

— Я занимался распылением удобрений в Оклахоме, — ответил он. — Потом мне это надоело, и я пошел на службу в Военно-Воздушные Силы.

Питт не смог удержаться от улыбки, когда они пролетали над тем местом, где Эндюрссон подобрал его. Он пригляделся и заметил длинную непрерывную линию, которая тянулась в сторону юга. Приоткрыл окно и взглянул снова. Она была на месте: темно-зеленая линия, проведенная по светлому тону тундры, она напоминала разделительную полосу посреди дороги.

Питт поймал взгляд Кашмана и кивнул:

— К югу. Держитесь этой темной линии внизу.

Кашман повернул самолет и на мгновение посмотрел в боковое окно. Он понимающе кивнул Питту и направил самолет вдоль тянувшихся следов. Пятнадцать минут спустя Питт мог только подивиться, какой точный след он оставил на своем пути к реке. За исключением нескольких случайных отклонений из-за неровной поверхности, отметка, сделанная на земле его ногами, была столь же прямой, как отвесная линия. Пятнадцать минут, именно столько понадобилось этому древнему самолету, чтобы пролететь то расстояние, на которое у Питта ушли часы.

— Теперь туда, — скомандовал он. — Туда, к краю оврага, где кончаются мои следы.

— Где нам лучше сесть, майор?

— Параллельно краю оврага. Там есть ровное место, которое тянется на пять сотен футов с запада на восток.

В этот момент небо почернело так, что, казалось, вот-вот начнется снежная буря. Первые снежинки уже рассыпались по окну самолета, когда Кашман посадил самолет. Он удачно приземлился, особенно если учесть неровность почвы и сильные порывы ветра. Колеса заскрежетали и остановились как раз в тот момент, когда дверь салона оказалась в десяти ярдах от края оврага.

Питт выскочил из двери и, спотыкаясь, скользя, скатился на дно оврага. Позади него люди Халла начали методично выгружать снаряжение, устанавливая его на сырой земле. Двое военврачей размотали веревки и сбросили их вдоль склона оврага, готовясь поднимать изувеченных людей. Питт не заметил этих приспособлений. У него было только одно желание: первым попасть туда.

Он подошел к Лилли, все так же лежавшему на спине, и Тиди, калачиком свернувшейся рядом. Его голова покоилась на ее руках. Слабым голосом, переходящим в шепот, она говорила ему какие-то

слова, которых Питт не смог разобрать. Она попыталась улыбнуться ему, но вместо этого ее губы скривились в жалкую гримасу. Питт провел рукой по ее влажным волосам.

— Похоже, вы стали близкими друзьями?

Тиди повернула голову и ошеломленно уставилась на Питта:

— Боже праведный, ты вернулся! — Она дотронулась до его руки. — Мне показалось, что я слышала звук самолета. О Боже, это замечательно, что ты вернулся.

— Конечно. — Питт улыбнулся и кивнул в сторону Лилли. — А он как?

— Не знаю, — слабым голосом ответила она. — Он потерял сознание примерно полчаса тому назад.

Питт встал на колени и прислушался к дыханию Лилли. Оно было медленным и равномерным.

— Он справится. У этого парня силы воли хватит на десятерых. Основной вопрос: будет ли он снова ходить?

Тиди прижалась лицом к ладони Питта и начала всхлипывать. Ее плечи конвульсивно вздрагивали. Шок, боль и облегчение накатились на нее одной большой волной. Он молча прижал ее к себе. Он все еще поглаживал ее по голове, когда подошел капитан Халл.

— Поднимите девушку первой, — сказал Питт. — У нее сломаны лодыжки.

— Мои люди разбили большую палатку на краю оврага. Туда поставили обогреватель. Ей там будет хорошо, пока Исландская поисковая и спасательная службы не переправят ее в Рейкьявик. — Халл устало потер глаза. — Их станция поймала наши радиосигналы.

— Вы не можете взять ее с собой?

Халл отрицательно покачал головой.

— Извините, майор. Этот самолет может вместить только восемь носилок за один полет. Первыми придется вывозить тех, кто получил наиболее серьезные увечья. Это единственный случай, когда леди идут последними.

Он кивнул в сторону Лилли.

— Что с ним?

— Сломаны оба плеча и таз.

Появились двое из людей Халла с алюминиевыми носилками.

— Поднимите первым мужчину, — приказал Халл. — Будьте предельно осторожны. Это тяжелый случай.

Военврачи бережно положили Лилли на носилки и обвязали его веревками. Питт не мог помочь ничем, но он был признателен за быстроту и легкость, с какой проводилась операция. Через три минуты Халл вернулся к Тиди.

— Хорошо, майор. Мы возьмем девушку.

— Обращайтесь с ней бережно. Она — личный секретарь адмирала Сандекера.

Халла, казалось, ничто не могло удивить. Лишь на мгновение его глаза вспыхнули, но тут же лицо приняло обычное бесстрастное выражение.

— Хорошо, хорошо. В таком случае я буду сопровождать леди.

Халл поднял Тиди своими огромными ручищами и положил ее на носилки. Верный своему слову, он прошел рядом с ней весь путь и сам перенес ее в теплую палатку. Затем он вернулся за остальными.

Питт вытащил пакет из внутреннего кармана и медленно подошел к тому месту, где лежал русский дипломат.

— Мистер Тамарезов, как вы себя чувствуете?

— Русские любят холод, майор Питт. Москва перестанет быть Москвой без снежного сезона. Для нас снег, как для арабов — пустыня.

— Вам больно?

— Старые большевики не боятся боли.

— Жалко, — сказал Питт.

— Жалко? — повторил Тамарезов и подозрительно посмотрел на Питта.

— Да. Я как раз хотел вам предложить кое-что, что снимает лихорадку, головную боль и расстройство желудка.

— Опять американский юмор, майор?

На лице Питта появилась неуловимая усмешка.

— Это американский сарказм — основная причина, из-за которой нас не понимают люди в большинстве других стран. У среднего американца чуть ниже спины расположена саркастическая жилка, что не поддается пониманию умных людей.

Он сел рядом с Тамарезовым и протянул ему бутылку водки.

— Вот сейчас вы видите результаты моего вояжа в соседний винный магазин.

Тамарезов был в изумлении.

— Я всегда держу свое слово. — Питт приложил горлышко бутылки к его разбитым губам. — Выпейте немного.

Тамарезов выпил почти четверть, прежде чем Питт оторвал бутылку от его губ. Его глаза заметно потеплели.

— Это же настоящая советская водка! Где вы ее достали?

Питт вложил бутылку Тамарезову в руки.

— Я же сказал, была распродажа. — Он поднялся и пошел дальше.

— Майор Питт.

— Да?

— Спасибо.

Когда Питт нашел Сэма, он был весь белый от снега. Его лицо имело спокойное и торжественное выражение не знавшего боли, счастливого и довольного человека, который нашел мир внутри себя. Врач, склонившись над ним, обследовал его.

— Сердце? — тихо спросил Питт, боясь разбудить его.

— Учитывая его возраст... — и врач повернулся к Халлу, который стоял рядом. — Будем эвакуировать сейчас, капитан?

— Оставь его пока. Наша задача — спасти живых. Этот человек уже умер. Пока есть шанс уберечь остальных, надо заниматься этим.

— Конечно, вы правы, — медленно произнес Питт. — Вы — командир.

Тон Халла смягчился.

— Вы были знакомы с этим человеком, майор?

— Я бы хотел познакомиться с ним поближе. Его зовут Сэм Келли.

Это имя, очевидно, ничего не говорило Халлу.

— Почему вы не позволяете поднять и вас наверх, майор? Вы сами в неважном состоянии.

— Нет. Я побуду с Сэмом здесь, — Питт осторожно закрыл его глаза и смахнул снежинки с морщинистого лица. Затем он вытащил сигару — это были любимые сигары Сандекера — и вложил ее в нагрудный карман пиджака Сэма.

Халл, не двигаясь, стоял около минуты. Он хотел что-то сказать, но затем передумал и просто понимающе кивнул Питту. Затем он повернулся и погрузился в работу.

Глава 20

Сандекер отложил папку с документами и подался вперед, как будто готовясь прыгнуть.

— Если вы хотите получить мое согласие, то я отвечу решительно — нет.

— Вы ставите меня в неловкое положение, адмирал, — эти слова исходили от человека, сидевшего напротив Сандекера. Он был невысок, но такой плотный, что, казалось, заполнял всю ширину кресла. На нем был черный невзрачный костюм, белая рубашка и черный шелковый галстук. Машинально, но как-то слишком часто, он проводил рукой по лысой голове, будто по волосам, которые, возможно, когда-то существовали. Его серые глаза были устремлены на Сандекера, под горящим взглядом которого они совершенно не мигали.

— Я откровенно надеялся, что у нас не будет разногласий. Однако, раз это не так, я вынужден сообщить вам, что мое присутствие — не более чем долг вежливости. Приказ о переназначении майора Питта у меня на руках.

— За чьей подписью? — спросил Сандекер.

— Все приказы подписаны Министром обороны, — сухо произнес второй.

— Могу ли я ознакомиться с ними? — поинтересовался Сандекер. Он хватался за соломинку и знал это.

— Пожалуйста, — устало вздохнул его собеседник. — Он потянулся к портфелю, достал из него пачку бумаг и протянул их Сандекеру.

Адмирал молча прочел приказ. Губы его скривились в горькой усмешке.

— У меня не осталось выбора. Не так ли?

— Да, у вас нет выбора.

Сандекер еще раз взглянул на бумаги.

— Вы просите слишком много… слишком много.

— Я не люблю подобные ситуации, но время — это такая роскошь, которую мы не можем себе позволить. Весь этот план, выработанный компанией «Хермит лимитед», является абсолютно невыполнимым. Допускаю, что это вдохновляет: спасем мир, построим рай на земле и тому подобное. Кто знает, может быть, у Ф. Джеймса Келли есть ответ на

будущее. Но на сегодня он является лидером банды маньяков, убивших около тридцати человек, И ровно через десять часов он планирует еще одно покушение на двух видных государственных деятелей. Наши действия определяются одним простым фактом — его надо остановить. И майор Питт — тот единственный человек, кто физически в состоянии распознать тайных убийц, посланных Келли.

Сандекер бросил бумаги на стол.

— Физически… в состоянии… Все это только слова проклятые слова, совершенно бесчувственные…

Он резко вскочил и зашагал по комнате.

— Вы требуете, чтобы я приказал подняться с больничной койки и отправиться за шесть тысяч миль отсюда в банду разнузданных убийц человеку, который для меня как сын? — Сандекер покачал головой. — Вы не знаете, чего требуете от человека, состоящего всего лишь из плоти и крови. Есть же какой-то предел человеческого мужества. Дирк уже сделал намного больше, чем можно было ожидать от него.

— Допустим, что запас мужества уменьшается по мере его расходования. И я согласен с тем, что майор сделал больше того, что было в человеческих силах. Только Богу известно, что найдутся немного людей, если вообще найдутся, которые пошли бы на такой риск.

— По-моему, мы спорим ни о чем, — сказал Сандекер. — Может быть, состояние Питта не позволит ему покинуть госпиталь.

— Боюсь, что ваши опасения… или я позволю себе сказать — надежды?.. беспочвенны. — Лысый человек быстро просмотрел содержимое коричневой папки. — Здесь собраны некоторые наблюдения моих агентов, которые, между прочим, охраняли майора. — Он сделал паузу, а затем продолжил: — Великолепно сложен, конституция как у быка, совершенно уникальные способности в отношениях с… хм… с сиделками. Четырнадцать часов отдыха, интенсивный уход и массированные инъекции витаминов плюс терапия мышц, которую применяют доктора Исландии. Его собрали, сшили, массажировали. К счастью, серьезно повреждены только ребра, да и здесь переломы были минимальны. Он, безусловно, попал в пренеприятную переделку, но тут уж я не могу себе позволить быть слишком щепетильным. Если бы даже его надо было класть в гроб, я бы все равно забрал его.

Лицо Сандекера было холодным и безучастным. Он обернулся, когда одна из секретарш посольства просунула голову в дверь.

— Здесь майор Питт, сэр.

Сандекер бросил взгляд на толстяка. В его голосе прозвучало удивление:

— Вы дьявол. Вы с самого начала были уверены, что он пойдет на это.

Толстяк пожал плечами и ничего не сказал.

В Сандекере пробудилась какая-то непримиримость. Он пронзил толстяка негодующим взглядом.

— Хорошо. Пусть войдет.

Питт вошел в дверь и закрыл ее за собой. Он пересек комнату, подошел к свободному дивану и медленно опустился на мягкое сиденье. Его лицо было забинтовано, оставались только щели для глаз и носа, да еще на макушке был оставлен открытым пучок черных волос, указывавший на жизнь под витками белых повязок. Сандекер попытался заглянуть под повязки. Казалось, что глубоко запавшие зеленые глаза не умеют моргать.

Сандекер сел за стол, сцепив руки за головой.

— Доктора в госпитале знают, где ты находишься?

Питт улыбнулся.

— Подозреваю, что они будут очень удивлены в ближайшие полчаса.

— Как я понимаю, ты уже встречался с этим джентльменом? — Сандекер указал на толстяка.

— Мы разговаривали по телефону, — ответил Питт. — Формально мы не были представлены… во всяком случае не под настоящими именами.

Толстяк быстро обошел стол и протянул Питту руку.

— Киппманн, Дин Киппманн.

Питт пожал протянутую руку.

— Дин Киппманн, — повторил Питт. — Глава Агентства национальной безопасности. Никогда не приходилось иметь дело со столь высокими чинами.

— Мы ценим вашу помощь, — с теплотой в голосе произнес Киппманн. — Не чувствуете ли вы в себе достаточно сил, чтобы совершить небольшое воздушное путешествие?

— После Исландии немного южного американского солнца не повредит.

— Вы насладитесь солнцем. — Киппманн опять почесал свою лысину, — солнцем Южной Калифорнии.

— Южной Калифорнии?

— Сегодня, около четырех.

— Около четырех, сегодня?

— В Диснейленде.

— В ДИСНЕЙЛЕНДЕ?

— Я совершенно уверен, — с настойчивостью произнес Сандекер, — что то, что вы говорите, совсем не то, что у вас на уме. Нельзя ли обойтись без двойной дипломатии?

— Принимая во внимание вас, сэр, я не имел в виду ничего подобного.

— А что именно у вас на уме? — спросил Питт.

— Вот что, — Киппманн извлек еще бумаги из своего, похоже, бездонного, портфеля и быстро просмотрел их. — До того, как мы смогли опросить вас и других уцелевших, кто имел к этому отношение, у нас было очень приблизительное представление о том, кто скрывается за «Хермит лимитед». Мы знали о ее существовании, затем мы смогли разузнать немного об их деловой активности, но их конечные цели, возможности мозгового центра, капиталы, стоящие за всей операцией, остались для нас тайной...

Питт осторожно перебил его:

— Но у вас же в руках был ключ. Вы же подозревали доктора Ханневелла.

— Я рад, что вы не свалились на нас раньше, майор. Да, АНБ следила за доктором Ханневеллом. Никаких конкретных результатов, разумеется. Вот почему мы обложили его, в надежде что он выведет на того, кто стоит во главе организации.

— О Господи, так это БЫЛ заговор! — Было нелегко совместить вырвавшееся у него из груди восклицание и стон мучительной боли, но Питт попытался сдержаться. — Вся чудовищная сцена в айсберге была заговором?..

— Ханневелл попал в поле нашего зрения, когда он так продуманно обосновал все правильные решения по подводным исследованиям, проводимым «Фири лимитед», но не смог предложить ни одного направления по развитию их в своей собственной стране.

— А затем погребение «Лакс», ставшее небольшой частью широко задуманной мистификации, — произнес Питт.

— Это наш главный трюк. Ханневелл снова готов был ринуться вперед в роли исследователя, но в тот момент его пригласил адмирал, что

выглядело абсолютно случайным совпадением. Похоже, Ханневелл не мог поверить своему счастью. Он тут же согласился, но не с целью выяснить, что же случилось с его старым другом Кристианом Фири, — он уже догадывался об этом, — и не с целью разобраться в странном феномене яхты, оказавшейся запертой во льдине, а скорее для того, чтобы разузнать, что стало с его драгоценными подводными изысканиями. Да, да, майор. — Киппманн протянул Питту несколько блестящих фотографий. — Эти снимки сделаны с подводной лодки, которая вела наблюдение за «Лакс» в течение почти трех недель. На них можно найти некоторые интересные детали, касающиеся команды яхты.

Питт проигнорировал его замечание и пристально посмотрел на Сандекера.

— Так вот когда, наконец, правда выходит наружу. «Лакс» была обнаружена поисковой службой, а затем исчезла во льдах, пока не сгорела.

Сандекер передернул плечами.

— Мистер Киппманн взял на себя труд уведомить меня об этом интересном факте только вчера вечером. — Натянутая усмешка промелькнувшая на его лице, едва ли выражала дружелюбие по отношению к Киппманну.

— Упрекайте нас, если хотите, — серьезно заметил Киппманн, — но было необходимо держать вас как можно дольше в стороне от центральных событий. Если бы Келли, или Рондхейм, или сам Ханневелл пронюхали о вашей связи с ними, вся операция провалилась бы. — Он уставился на Питта и тихо сказал:

— Майор, вы должны были действовать просто как пилот, сопровождая Ханневелла, пока он осматривал «Лакс». Затем вы должны были доставить его в Рейкьявик, где бы уже мы начали следить за его передвижениями.

— Но из этого ничего не вышло, верно?

— Да, мы недооценили противника, — откровенно признался Киппманн.

Питт зажег сигарету, внимательно наблюдая за поднимавшимся к потолку кольцами дыма.

— Вы не объяснили, каким образом «Лакс» оказалась в айсберге. Вы также не объяснили, что же произошло с командой разбойников. Неясно, как Фири с командой и учеными исчезли более чем на год, а затем их обуглившиеся тела неожиданно вновь появились на судне.

— Ответ на оба вопроса предельно прост, — сказал Киппманн. — Команда Фири никогда не покидала судна.

Сандекер расцепил руки, которые держал за головой и, медленно наклонившись вперед, положил их ладонями вниз на стол перед собой. Окаменевшим взглядом он обвел присутствующих.

— Матаджик сообщил, что команда состоит из арабов, а не из белокурых скандинавов.

— Верно, — согласился Киппманн. — Я думаю, джентльмены, вы меня очень обяжете, если взглянете на эти фотографии. Вы увидите, что я имел в виду относительно команды.

Он передал одни отпечатки Сандекеру, а другие копии Питту. Сел в кресло и закурил сигарету, вставив ее в длинный мундштук. Киппманн полностью расслабился. Питту начало казаться, что этот человек не перестанет зевать даже тогда, когда его будут распинать.

— Обратите внимание на фото номер один, — сказал Киппманн. — Оно было сделано через перископ с очень сильными линзами. Как видите, на нем четко видны десять человек команды, занимающихся каждый своим делом в разных частях судна. В этой компании нет ни одного темнокожего.

— Случайные стечения обстоятельств, — сдержанно заметил Сандекер. — Арабы, которых заметил Матаджик, могли находиться внизу.

— Маловероятно, адмирал. Если бы мы имели только один фотоснимок, но есть другие, которые сделаны в разное время и в разные дни. Сравнивая их, можно насчитать четырнадцать человек, но ни одного араба среди них нет. Если бы на судне был хотя бы один араб, он бы появился за три недели.

Киппманн замолчал, аккуратно положив мундштук на край пепельницы.

— И еще мы точно установили, что лица на фотографиях идентичны лицам тех людей, которые отплывали на «Лакс» незадолго до того, как она исчезла.

— А как же насчет Матаджика? — спросил Сандекер. — Он был первоклассным ученым, воспитанным в традициях точных исследований. И, конечно, он был уверен в том, что видел...

— Матаджик видел людей, которые специально были загримированы под темнокожих, — сказал Киппманн. Команда, похоже, мастерски замаскировалась к тому времени, когда он на них наткнулся...

Вспомните, они ведь побывали уже в нескольких портах. Узнать их было невозможно. Это, конечно, только мои умозаключения, и мы никогда не узнаем ничего наверняка. Но можно с уверенностью сказать о том, что команда заметила, что О'Райли наблюдает за ними. И когда Матаджик пришел на борт поужинать, они приняли тот обманчивый вид.

— Понятно, — сказал спокойно Питт. — И что потом?

— Вы можете представить себе и остальное. — Киппманн поиграл немного с мундштуком и затем продолжил: — Селтиний-279 был подожжен и превратил «Лакс» в плавучий крематорий. Наша субмарина могла только стоять поблизости и беспомощно наблюдать... Это произошло так быстро — в живых не осталось никого. К счастью, субмариной командовал опытный и смекалистый капитан. Приближался шторм, и он представлял, что произойдет дальше, — докрасна раскаленный остов «Лакс» охладится и сожмется, разрывая швы; морская вода ворвется внутрь и затопит «Лакс». Финал будет ускорен восьмибальным штормом, зарождавшимся на горизонте.

— Тогда он превратил дорогостоящую двадцатимиллионную субмарину в простой буксир и стал толкать горящую посудину навстречу подвернувшемуся айсбергу, пока она не протаяла себе путь внутрь? — Питт сидел, глядя на Киппманна, всем своим видом выражая удовольствие.

— Ваша версия совершенно правильна, майор, — тут же откликнулся Киппманн.

— Это не моя версия. — Питт улыбнулся. — Это версия доктора Ханневелла. Именно он предположил вариант горячей кочерги во льду.

— Понятно, — сказал Киппманн, хотя ничего и не понял.

— Еще один вопрос, который интересует меня непосредственно. — Питт колебался, разминая сигарету, — почему вы послали Ханневелла разыскивать «Лакс», а затем умышленно постарались спрятать ее?

Киппманн бесстрастно уставился на Питта.

— Благодаря вам, майор, мои люди были вынуждены заметать следы своей работы при страшном морозе, соскребая с айсберга красные отметки Службы береговой охраны, только потому, что вы появились на два дня раньше назначенного срока.

— Вы намеревались «причесать» «Лакс» гребнем с большими зубьями, но не закончили работу, так как Ханневелл и я появились на сцене. Верно?

— Верно, — сказал Киппманн. — Никто не ожидал, что вы вылетите на вертолете при той погоде, которая установилась после сезона жесточайших штормов.

— Так ваши люди были там?.. — Питт прервал себя на полуслове.

Он смотрел на Киппманна в глубоком раздумье, а затем спокойно продолжил:

— Ваши агенты скрывались на айсберге в течение всего времени, пока мы с Ханневеллом обследовали «Лакс».

Киппманн пожал плечами.

— Вы не дали нам возможности снять их.

Питт приподнялся на диване.

— Вы хотите сказать, что они стояли рядом и не пошевелили пальцем, когда мы с Ханневеллом чуть не свалились со склона в море? Ни веревки, ни помощи, ни ободряющего слова?! Ничего!

— В нашем деле мы должны быть безжалостны. — Киппманн изобразил на лице подобие усталой улыбки. — Нам это не нравится, но положение обязывает. Это — основное правило игры.

— Игры? — повторил Питт. — Полет фантазии? Своего рода — спорт? Заставить поверить, что человек человеку — волк?! У вас паршивая работа!

— Которая никогда не кончается, мой друг, — с досадой ответил Киппманн. — Не мы все это начали. Америка всегда была хорошим партнером. Но нельзя изображать благородного рыцаря, когда другая сторона играет по грязным правилам.

— Это точно. Мы — страна простаков, всегда верящих, что добро никогда не перестанет побеждать зло. Но куда это нас заведет? Назад в Диснейленд?

— В свое время я дойду до этого, — сказал Киппманн. — А пока из того, что вы и другие сообщили в госпитале, следует, что «Хермит лимитед» намеревается действовать примерно через девять часов сорок пять минут. Первым их шагом будет покушение на лидера латиноамериканской страны. Я прав?

— Да, так сказал тот человек, — подтвердил Питт. — Начнут с Боливии.

— Не следует верить всему, что слышишь, майор. Келли привел Боливию в качестве примера. Он и его группа недостаточно сильны для

страны таких размеров. Он слишком деловой человек, чтобы предпринять захват, не будучи почти уверенным в успехе.

— Целью может стать любая из почти полдюжины стран, — сказал Сандекер. — Каким образом, черт возьми, вы сможете точно определить — которая?

— У нас есть компьютеры, — с видимым удовлетворением заметил Киппманн. — Обработка данных сузила расклад до четырех стран. Майор Питт уменьшил шансы до двух, оказав нам существенную помощь.

— Я?.. — сказал Питт. — Ну, вы уж без меня...

— Макеты, которые вы подняли из моря... Один из них — точная копия здания Капитолия в Доминиканкой республике, а второй — законодательной палаты во Французской Гвиане.

— Пятьдесят на пятьдесят в лучшем случае, — пробормотал Сандекер.

— Не совсем так, — ответил Киппманн. — По мнению АНБ, которое заслуживает того, чтобы с ним считались, Келли и его группа попытаются совершить покушение сразу на двух лидеров.

— Обеих стран одновременно? — Сандекер вопросительно взглянул на Киппманна. — Вы это серьезно?

— Совершенно серьезно. И простите меня за выражение: это, черт возьми, слишком серьезно.

— На что же рассчитывает Келли, если разделит свои силы надвое? — спросил Питт.

— Захватить Доминиканскую республику и Французскую Гвиану одновременно не такая уж рискованная авантюра, какой она кажется на первый взгляд. — Киппманн вынул свернутую трубочкой карту и, аккуратно расправив ее, разложил на столе у Сандекера. — На северном побережье Южной Америки расположена Венесуэла, а также Британская, Голландская и Французская Гвиана. Далее на север — один день пути по морю или несколько часов полета в самолете — расположен остров, на котором находятся Гаити и Доминиканская республика. Со стратегической точки зрения — ситуация отличная.

— В каком смысле?

— Предположим, — начал рассуждать Киппманн, — просто предположим, что кубинский диктатор также являлся бы диктатором Флориды...

Сандекер посмотрел на Киппманна. Его лицо было хмурым и крайне напряженным.

— Бог мой, да лучшей ситуации не придумаешь. Для «Хермит лимитед», распустившей свои щупальца на том же острове, это будет только вопрос времени — задушить экономику Гаити и овладеть им.

— Именно так. А затем, используя остров в качестве базы, они смогут распространить свое влияние на страны Центральной Америки и захватить их одну за другой.

Голос Питта был абсолютно бесстрастным.

— История помнит, что Фидель Кастро уже пытался прибрать их к рукам, но каждый раз его попытки кончались провалом.

— Верно, — ответил Киппманн. — Но у Келли и «Хермит лимитед» одно преимущество, которого недоставало Кастро, — у них будет плацдарм. Когда Келли захватит Французскую Гвиану. — Он остановился, раздумывая: — Такой же надежный и прочный плацдарм, который был у союзников в 1944 году, когда они высадились на французском побережье в Нормандии.

Питт медленно покачал головой.

— А я думал, что Келли сумасшедший. Такие вещи может задумать только чудовище. Ведь он может завалить весь этот фантасмагорический план.

Киппманн кивнул в знак согласия.

— Однако согласитесь, что, исходя из тех фактов, которыми мы располагаем, некоторые лидеры захотят перейти на сторону Келли и «Хермит лимитед».

— Может быть, мы позволим ему сделать это, — сказал Сандекер. — Может быть, он хотел таким путем осуществить свои утопические идеи?

— Нет, этого мы не можем позволить. Его план никогда не должен осуществиться.

— Похоже, вы в этом совершенно уверенны? — заметил Питт.

Киппманн взглянул на него и слегка усмехнулся.

— Разве я не сказал вам? Один из тех «пташек», что пытались убить вас в кабинете доктора Джонссона, пошел на контакт и рассказал нам любопытную историю.

— Кажется, вы забыли рассказать нам о целом ряде вещей, — процедил Сандекер.

— Самые грандиозные предприятия Келли обречены на провал, — продолжил Киппманн, — об этом я говорю совершенно серьезно.

Он сделал паузу и ухмыльнулся.

— Как только «Хермит лимитед» закрепится в Доминиканской республике и во Французской Гвиане, среди лидеров корпорации начнется борьба за власть. Случайный знакомый майора Питта, мистер Оскар Рондхейм, намеревается уничтожить и Келли, и Маркса, и фон Хаммеля, и остальных, а затем возглавить совет. С сожалением должен заметить, что последующие намерения мистера Рондхейма вряд ли можно признать благородными или великодушными.

Тиди удобно сидела в кресле на колесах рядом с постелью Лилли в тот момент, когда в палату госпиталя вошел Питт в сопровождении Сандекера и Киппманна.

— Доктора мне сказали, что с вами все будет в порядке, — улыбнувшись произнес Питт. — Я просто подумал… хм… подумал, что надо бы заскочить к вам попрощаться.

— Ты уезжаешь? — В голосе Тиди прозвучала грусть.

— Боюсь, что да. Кто-то должен опознать этого убийцу — Рондхейма.

— Будь осторожен, — запнувшись, сказала она. — Ты столько пережил, чтобы спасти нас, и мы не хотим потерять тебя теперь.

Лилли с трудом поднял голову.

— Почему ты ничего не сказал там, в овраге? Господи, я ведь и представления не имел, что у тебя сломаны ребра!

— Это ничего не меняло. Я был единственным, кто мог идти. И потом: мне всегда удавалось выкарабкаться, когда у меня была хорошая компания.

Лилли улыбнулся.

— Компания у тебя была отличная.

— Как спина? — спросил его Питт.

— Моему телу придется побыть в этом жалком состоянии гораздо дольше, чем мне хотелось бы думать, но, в конце концов, когда все это отойдет, я вновь буду танцевать.

Питт взглянул на Тиди. Ее лицо было бледно, из глаз готовы брызнуть слезы. Он все понял.

— Когда наступит этот великий день, — сказал он, выдавливая улыбку, — мы устроим грандиозную вечеринку, даже если мне придется пить пиво твоего старика.

— Ну, я должен на это посмотреть.

Сандекер прочистил горло.

— Хм… Хочу сказать, что мисс Ройял такая же хорошая сиделка, как и секретарша.

Лилли сжал руку Тиди.

— Я бы ломал кости каждый день, если бы это означало встречу с таким человеком, как она.

Наступила небольшая пауза.

— Мне кажется, нам пора идти, — сказал Киппманн. — Наш транспортный самолет уже готов.

Питт наклонился и поцеловал Тиди, а затем пожал руку Лилли.

— Берегите себя. Я буду ждать приглашения.

Он поднял руки вверх и беспомощно пожал плечами.

— Одному Богу известно, где я смогу еще встретить человека, у которого такое же разбитое лицо.

Тиди рассмеялась. Он сжал ее плечи, а затем повернулся и вышел из комнаты.

В машине, по дороге на авиабазу, Питт смотрел в окно невидящими глазами: мысли его были все еще в госпитале.

— Он никогда не будет ходить, да?

Киппманн грустно покачал головой:

— Сомнительно… очень сомнительно.

Через пятнадцать минут в полном молчании они прибыли на аэродром Кефлавик. Там, на крайней полосе, их ожидал разведывательный бомбардировщик Военно-Воздушных Сил Б-92. Прошло десять минут, и сверхзвуковой самолет набрал скорость на взлетной полосе и взвился над океаном.

Сандекер, один, на самой последней полосе, наблюдал за исчезающим в небе самолетом. Когда же самолет растаял где-то за безоблачным горизонтом, он тяжелой походкой вернулся к машине.

Глава 21

Скорость сверхзвукового самолета составляла тысячу двести миль в час. Они пересекли материк с востока на запад и, когда прилетели, было утро того же дня, в который они покинули Исландию. Питт, зевая и потягиваясь в ограниченном пространстве узкой кабины, выглянул в штурманское боковое окно и увидел маленькую тень самолета, как стрела, скользившую по зеленым склонам гор Сьерра Мадре.

И что теперь? Он криво улыбнулся своему отражению в окне в то время, как самолет, оторвавшись от самого подножия гор, пересекал укрытую туманом долину Сан-Габриэль. Вглядываясь в Тихий океан, который постепенно представал перед его взором, он подумал, что надо выбросить из головы прошлое и сосредоточиться на ближайшем будущем. Он не знал, как осуществит план, но знал, что несмотря ни на что, он убьет Оскара Рондхейма. Когда шасси коснулись земли и Дин Киппманн подтолкнул его локтем, его мысли вновь вернулись к настоящему.

— Как вздремнули?

— Я спал как убитый.

Б-92 приземлился, и, когда пилот затормозил, машина издала резкий звук. День за окном самолета казался теплым и приятным. Ослепительное калифорнийское солнце освещало длинный ряд самолетов, выстроившихся на рулевой дорожке. Питт прочел большие двенадцатифутовые буквы, написанные на одном из ангаров: "Приветствуем вас на аэродроме «Эль Торо Марине».

Моторы бомбардировщика постепенно затихли. Как только Питт, Киппманн и экипаж Военно-Воздушных Сил спустились по узкому трапу вниз, на бетонной площадке перед ангаром появился синий микроавтобус «форд», из которого выскочили два человека и подошли к Киппманну. Обменявшись приветствиями, они направились обратно к машине. Питт постоял немного, не зная, что ему делать, и последовал за ними.

Пока Питт наслаждался сигаретой, в нескольких шагах от него, около открытой дверцы машины, трое мужчин вполголоса разговаривали. Наконец Киппманн подошел к нему.

— Кажется, есть возможность накрыть всю семейку целиком.

— Что вы имеете в виду?

— Все они сейчас здесь. Келли, Маркс, Рондхейм, вся братия.

— Здесь, в Калифорнии? — недоверчиво спросил Питт.

— Да. Мы следим за ними с тех пор, как они покинули Исландию. Черный самолет, серийный номер которого вы обнаружили, имел еще несколько «родственников». Ранее «Хермит лимитед» закупила на заводе шесть самолетов этой модели со следующими друг за другом серийными номерами. В данный момент оставшиеся пять находятся под нашим наблюдением.

— Поразительно! Ловкая работа!

— Но не такая уж трудная, — Киппманн улыбнулся. — Она могла бы стать очень трудной, если бы эти самолеты носились вокруг земного шара, но они спокойненько стоят рядком всего в восьми милях отсюда на аэродроме Оранжевой республики.

— Значит, штаб-квартира Келли где-то здесь поблизости?

— В горах, за Лагуна Бич, есть комплекс в пятьдесят акров, — сказал Киппманн, указывая в юго-западном направлении. — Между прочим, у «Хермит лимитед» более трехсот служащих, считающих, что они работают над составлением политических анализов для правительства.

— Куда мы двинемся отсюда?

Киппманн жестом пригласил Питта в машину.

— В Диснейленд, — торжественно произнес он, — чтобы остановить двойное убийство.

Они выехали на Санта-Ана-Фривей и направились на север, то попадая в утренний поток машин, то вырываясь из него. Миновав поворот на Ньюпорт Бич, Питт невольно подумал, не там ли еще находится та рыжая, которую он встретил на пляже всего несколько дней тому назад. Может быть, ждет еще в ньюпортовской гостинице...

Киппманн извлек две фотографий и протянул их Питту.

— Вот те люди, которых мы пытаемся спасти.

Питт пригляделся к лицу одного из них.

— Это Пабло Кастиле, президент Доминиканской республики.

Киппманн кивнул утвердительно.

— Блестящий экономист и один из лидеров латиноамериканского движения. С самого начала своей деятельности он проводил в жизнь грандиозную программу реформ. Впервые для народа его страны надежды на лучшее будущее обрели конкретные черты. Наш госдепартамент боится, что в данный момент, когда началась

стабилизация экономики в Доминиканской республике, неожиданно появится Келли и сведет все на нет.

Питт взял в руки другое фото.

— А вот этого я определить не могу.

— Хуан Де Круа, — сказал Киппманн. — Крупный ученый, специалист по древней истории восточных индейцев. Лидер Народной прогрессивной партии. Победил на выборах всего шесть месяцев тому назад. Сейчас он президент Французской Гвианы.

— Если я точно припоминаю политические события недавнего времени, у него были проблемы.

— У него были проблемы, да еще какие, — согласился Киппманн. — Французская Гвиана далеко не такая процветающая, как, скажем, Британская или Голландская. Движение за независимость началось пять лет тому назад, но только под угрозой революционного взрыва французы приняли новую конституцию и всеобщие выборы. Де Круа, разумеется, без труда получил большинство голосов и провозгласил полную независимость. Он столкнулся с очень большими трудностями. В стране свирепствуют все виды тропических болезней, а кроме того, они хронически страдают от нехватки собственного продовольствия. Я ему не завидую. Да и никто бы не позавидовал.

— Да, у правительства Де Круа очень уязвимое положение, — задумчиво произнес Питт. — А как насчет кабинета Кастиле? Его министры недостаточно сильны, чтобы пережить его смерть?

— С народом, возможно. Но на верность доминиканской армии полагаться очень сложно. Военная хунта, без сомнения, одержит верх. Только в этом случае Келли, вероятнее всего, подкупит генералов.

— А как случилось, что оба эти человека оказались в одном и том же месте в одно и то же время?

— Если бы вы читали газеты, вам было бы известно, что лидеры стран Западного полушария только что завершили в Сан-Франциско конференцию по созданию Союза по развитию экономики и сельского хозяйства. Де Круа, Кастиле и некоторые другие латиноамериканские лидеры перед возвращением домой знакомятся с достопримечательностями. Видите, как все просто?

— Почему вы не предостерегли их от посещения парка?

— Я пытался, но к тому времени, когда наша внутренняя служба безопасности смогла что-либо предпринять, было поздно. Де Круа и Кастиле уже находились в парке более двух часов и оба отказались его

покинуть. Теперь мы только можем загадать, чтобы убийцы Рондхейма твердо придерживались указаний по времени.

— И просто наблюдать, не так ли? — произнес, подчеркивая каждое слово. Питт.

Киппманн равнодушно пожал плечами.

— Есть ситуации, которые мы контролируем, но есть и другие, когда мы можем только находиться поблизости и наблюдать.

Машина свернула с автострады на бульвар Харбор и вскоре подъехала к служебному входу. Пока шофер предъявлял пропуск и выяснял у охранника, в каком направлении ехать, Питт высунулся в окошко и стал наблюдать за поездом, шедшим по одноколейной дороге у него над головой. Они находились в северной части парка, и среди холмов он мог разглядеть только верхнюю часть Маттерхорна и башни фантастического замка. Затем ворота раскрылись, и они въехали внутрь.

Когда Питт вошел в подземный коридор, который вел в офисы службы безопасности парка, он подумал, как хорошо было на госпитальной койке в Рейкьявике и как скоро он сможет освоиться на новом месте. Он не ясно представлял себе, что именно рассчитывает найти в офисах службы безопасности, и едва ли понимал, в какую игру ввязался.

Главный конференц-зал был огромных размеров. Он походил на командный пункт Пентагона, только меньших размеров. За главным столом, не менее пятнадцати футов в длину, собралось около двадцати человек. В углу стоял радиоприемник, и оператор озабоченно указывал местоположение сотруднику, стоявшему под огромной картой Диснейленда. Рядом с картой расположились все находившиеся в комнате. Питт медленно обошел вокруг стола и остановился около великолепно расчерченной и разрисованной карты. Он разглядывал множество цветных огоньков и ленты флюоресцентных дорожек, которые прокладывал служащий через районы движения транспорта в парке. Киппманн слегка коснулся плеча Питта.

— Готовы приступить к работе?

— Мой организм еще во власти исландского времени. Сейчас там уже шестой час. Я бы не отказался чего-нибудь выпить.

— Простите, сэр, — произнес крупный человек с трубкой во рту, который разглядывал Питта из-под великолепных, без оправы, очков. — Алкоголь категорически запрещен на всей территории парка с тех пор, как он был открыт. И мы намерены придерживаться этого и впредь.

— Сожалею, — добродушно сказал Питт. Он выжидающе посмотрел на Киппманна.

Тот поймал его взгляд.

— Майор Дирк Питт. Позвольте представить вам мистера Дэна Лазарда, начальника службы безопасности парка.

Пожатие руки Лазарда было крепким.

— Мистер Киппманн рассказал мне о вашем ранении. Вы полагаете, что вы уже в форме?

— Я владею собой, — хмуро обронил Питт. — Но надо что-то сделать с моим забинтованным профилем — уж очень он привлекает внимание.

У Лазарда промелькнула усмешка:

— Я думаю, что мы сможем сделать так, что ни один человек не заметит ваших повязок, даже сиделка, которая их накладывала.

Чуть позже Питт стоял перед высоким зеркалом, принимая угрожающие позы. Он буквально стонал от разрывавшего его хохота и потока нечленораздельных звуков при взгляде на Большого Страшного Волка, который, в свою очередь, уставился на него.

— Теперь вы признаете, — сказал Киппманн, стараясь подавить смех, — что ваша собственная мать не узнала бы вас в таком обличье.

— Да, и это вполне соответствует моему характеру, — ответил Питт. Он снял волчью голову, сел в кресло и вздохнул:

— Сколько времени у нас осталось?

— Еще час сорок минут, прежде чем мы непосредственно подойдем к Келли.

— А вам не кажется, что я должен включиться в игру сейчас? Вы оставляете мне не так уж много времени, чтобы обнаружить убийц… если их вообще удастся обнаружить.

— Здесь около сорока человек моих людей, люди из службы безопасности парка и агенты ФБР прилагают все усилия, чтобы предотвратить преступление. Я придерживаю вас до кульминационного момента.

— То есть подчищаете то, что недоделано, перед последним броском. — Питт откинулся в кресле и расслабился. — Мне не очень нравится ваша тактика.

— Вы работаете не с дилетантами, майор. Каждый из этих людей — профессионал. Одни из них — в таких же костюмах, как и вы. Другие разгуливают, взявшись за руки, как влюбленные в отпуске. Третьи под видом семейных людей занимаются верховой ездой. Некоторые

работают под обслуживающий персонал. А кое-кто находится на крышах якобы заброшенных контор, с биноклями и подзорными трубами.

Голос Киппманна был спокоен, в нем чувствовалась абсолютная уверенность.

— Убийцы будут обнаружены и обезврежены раньше, чем они сделают свое грязное дело. Мы нагородили против Келли очень много — весь его замысел рухнет!

— Скажите это Оскару Рондхейму, — ответил Питт. — Правда, в ваших построениях есть один изъян, который может погубить все — вы не знаете вашего противника.

В комнате воцарилась тишина. Киппманн вытер рукой лицо, затем тихо покачал головой, как если бы собирался сделать что-то, что ему не нравилось. Он взял свой неизменный портфель и вручил Питту папку, помеченную просто: 078-34.

— Абсолютно уверен, что не встречался с ним лицом к лицу, но он для меня — не незнакомец.

Киппманн стал читать содержание папки:

— Оскар Рондхейм, известный под именем Макс Ролланд, или Хуго фон Клаузен, или Чатфорд Маразан. Его настоящее имя Карзо Бутера. Родился в Бруклине, Нью-Йорк, 15 июля 1940 года. Я могу часами рассказывать о его арестах, предъявленных обвинениях. Он был достаточно крупной шишкой в прилегающем к порту районе Нью-Йорка. Организовал профсоюз рыбаков. Затем синдикат его вышвырнул, и он исчез из поля зрения, Последние несколько лет мы вели тщательное наблюдение за мистером Рондхеймом и его «альбатросами». В конце концов, мы связали воедино все факты, и они привели нас к Карзо Бутера.

Едва заметная усмешка пробежала по лицу Питта.

— Вы сделали свое дело. Было бы интересно узнать, что в ваших записях есть обо мне?

— Это у меня как раз под рукой, — ответил Киппманн, отметив про себя усмешку Питта. — Рискнете взглянуть?

— Нет, спасибо. Это не откроет мне ничего нового, чего бы я уже не знал, — категорически отказался Питт. — Однако было бы любопытно посмотреть, что у вас имеется на Керсти Фири.

На лице Киппманна отразилось замешательство. Он выглядел так, как будто его подстрелили.

— Я надеялся, что вы не доберетесь до нее.

— Папка на нее тоже есть у вас. — Это скорее походило на утверждение, чем на вопрос.

— Да, — коротко ответил Киппманн. Он понял, что выхода нет и никакие доводы не убедят Питта. Он тяжело вздохнул и протянул Питту папку под номером 883-57.

Питт взял папку в руки. Минут десять он изучал ее содержание, листая медленно, почти неохотно, от документов к фото, от сообщений к письмам. Под конец он как будто во сне захлопнул папку и вернул ее Киппманну.

— Я не могу в это поверить. Это ужасно. Я отказываюсь верить.

— Боюсь, все, что вы прочли, — правда, абсолютная правда. — Голос Киппманна был спокойным и ровным.

Питт прикрыл глаза тыльной стороной руки.

— Никогда, никогда за тысячу лет не смог бы я... — Его голос оборвался.

— Это совершенно выбило и нас из колеи. У нас возникло первое подозрение, когда мы не обнаружили ее следов в Новой Гвинее.

— Я знаю. Я заподозрил ее по тем же причинам.

— Вы — знали? Но каким образом?

— Когда мы вместе обедали в Рейкьявике, я описал рецепт, где мясо акулы нужно завернуть в морские водоросли, известные под названием ехидна. Мисс Фири приняла это благосклонно. Не странно ли для миссионера, который провел годы в джунглях Новой Гвинеи? Как вы думаете?

— Откуда, черт возьми, мне это знать? — Киппманн повел плечами. — Я не имею никакого представления, что такое ехидна.

— Ехидна, — сказал Питт, — это яйцекладущее, покрытое шерстью, питающееся муравьями млекопитающее. Это животное, часто встречающееся в фауне Новой Гвинеи.

— Ну, я не стал бы осуждать ее за то, что она прозевала эту ловушку.

— А как бы вы отреагировали, если бы я сказал, что собираюсь делать барбекю из нью-йорских отбивных, завернутых в перья дикобраза?

— М-м, уж я бы отреагировал!

— Ну, теперь ясна вам идея?

Киппманн посмотрел на него с восхищением.

— А почему вы стали подозревать ее? Вы не стали бы расставлять ей сети, если бы что-либо не насторожило вас?

— Ее загар, — ответил Питт. — Он был очень слабым. Не может быть такого загара после стольких месяцев, проведенных в тропических джунглях.

— Сэр, вы очень наблюдательны, — задумчиво протянул Киппманн. — Но почему... зачем вам нужно было уличать кого-то, кого вы едва знали?

— Отчасти по той же самой причине, по которой я нахожусь здесь, в этом ужасном волчьем обличье, — мрачно заметил Питт. — Я добровольно взялся участвовать в вашей небольшой охоте на людей по двум причинам: во-первых, у меня появилась возможность свести счеты с Рондхеймом и Келли, не больше, не меньше. Во-вторых, я все еще остаюсь директором специальных программ НСГИ и считаю своей прямой обязанностью выяснить планы Фири по зондированию минералов морского дна. Вот почему я стал приглядываться к Керсти — она знает, где спрятаны светокопии. А обладая знанием некоторых фактов, я уже не нуждался в других поводах, чтобы искать к ней подход.

Киппманн кивнул:

— Теперь понятно. — Он сидел на краю стола и вертел в руках нож для вскрытия писем. — Ну хорошо. После того как я арестую Келли и его компанию, я передам их вам с адмиралом Сандекером, чтобы вы могли выяснить интересующие вас вопросы.

— Нет, — возразил Питт. — Если вы хотите, чтобы я продолжил сотрудничество с вами как единственный свидетель, знакомый с интересующими вас людьми, вы должны обещать, что предоставите мне несколько минут наедине с Рондхеймом. И еще, вы целиком и полностью отдадите в мое распоряжение Керсти Фири!

— Это невозможно!

— Возможно. Что произойдет с Рондхеймом физически — для вас не представляет большого интереса.

— Даже если я отвернусь, чтобы вы дали ему в зубы, то и тогда я не смогу отдать в ваше распоряжение Керсти Фири.

— Сможете, — твердо произнес Питт. — Прежде всего потому, что она не принадлежит вам, чтобы ее отдавать. Если вам повезет, то вы предъявите ей обвинение в соучастии. Но это вызовет напряженность в наших отношениях с Исландией, и последующие события не заставят прыгать от радости наш госдепартамент.

— Вы напрасно тратите энергию, — бесстрастно произнес Киппманн. — Ей будет предъявлено обвинение в убийстве, как и всем остальным.

— Ваше дело — не предъявить обвинение, а предупредить преступление и арестовать преступников.

Киппманн отрицательно покачал головой.

— Вы не понимаете…

Вдруг он осекся на полуслове. Дверь широко отворилась — на пороге стоял Лазард. Лицо его было мертвенно-бледным.

— Дэн, в чем дело? — Киппманн с тревогой посмотрел на него.

Лазард вытер лоб и тяжело опустился в свободное кресло.

— Де Круа и Кастиле внезапно изменили план экскурсии. Они бросили свое сопровождение и скрылись где-то в парке. Одному Богу известно, что может произойти, пока мы найдем их.

Лицо Киппманна выражало полное непонимание.

— Господи! Как это могло случиться? — воскликнул он. — Как вы могли потерять их, имея в своем распоряжении половину федеральных агентов штата, охранявших их группу?

— Да там, в парке, тысяч двадцать народу, — возбужденно ответил Лазард. — Не надо больших усилий, чтобы два человека затерялись среди них.

Он беспомощно пожал плечами.

— Де Круа и Кастиле проклинали наши жестокие меры предосторожности с того момента, как они въехали в главные ворота парка. Они ехали вместе и сначала заставили нас поволноваться из-за того, что высовывались в окна, как пара школьников.

Питт поднялся.

— Скорее! У вас есть их маршрут с указанием запланированных остановок?

Лазард некоторое время молча смотрел на него.

— Да. Вот здесь — каждое из запланированных развлечений и выставок, а также расписание по времени.

Питт пробежал глазами расписание, легкая усмешка появилась не его лице.

— Не пора ли вам включать меня в игру, шеф.

— Майор, — подавленно произнес Киппманн. — У меня такое чувство, что меня начинают шантажировать.

— Как говорят во время студенческих забастовок: «Вы пойдете на наши требования?»

Ссутуленные плечи Киппманна также отчетливо свидетельствовали о его поражении, как если бы он выбросил белый флаг. Он посмотрел на Питта и поймал его твердый взгляд. Киппманн кивнул головой:

— Рондхейм и мисс Фири — ваши. Они остановились в отеле Диснейленда. Через улицу. В соседних номерах — 605 и 607.

— А Келли, Маркс, фон Хаммель и компания?

— Все они там. «Хермит лимитед» забронировала весь шестой этаж. — Киппманн, испытывая чувство неловкости, провел рукой по лицу. — Скажите только, что вы задумали?

— Сохраняйте спокойствие. Пять минут с Рондхеймом, а затем забирайте его. А Керсти Фири я оставлю в качестве небольшой премии НСГИ от службы безопасности.

Киппманн окончательно сдался.

— Вы победили. Теперь где же находятся Де Круа и Кастиле?

— Это очевидно. — Питт улыбнулся Киппманну и Лазарду. — Где могут находиться двое мужчин, чье детство прошло вблизи испанских владений.

— О Господи! Как точно вы определили, — сказал Лазард почти с горечью. — Последняя остановка в расписании — «Пираты Карибского бассейна».

Следующим по популярности и глубине инженерной мысли аттракционом после привидений в «Доме призраков» Диснейленда — этого всемирно известного парка — является «Пираты Карибского бассейна». Аттракцион сооружен на двух подземных уровнях и занимает площадь около двух акров. По каналу для лодок, протяженностью в четверть мили, объятые благоговейным ужасом, проносятся пассажиры через лабиринты туннелей, через огромные помещения, в которых расположены декорации, изображающие пиратские корабли или разграбленные мародерами прибрежные города, где действуют около сотни словно живых фигур, которые не только могут сравниться с лучшими образцами Мадам Тюссо, но они еще и поют, и танцуют, и грабят.

Питт был последним на входе к тому участку, где обслуживающий персонал помогал посетителям сесть в лодку. С этого начиналась

пятнадцатиминутная экскурсия. Пятьдесят или шестьдесят человек, стоявших в очереди, помахали Питту руками и отпустили несколько шутливых замечаний по поводу его костюма, в то время как он шел позади Киппманна и Лазарда. Он помахал им в ответ, подумав о том, каково было бы выражение их лиц, если бы ему неожиданно пришлось снять маску волка и показать им свое забинтованное лицо. Он разглядел не менее десяти маленьких ребятишек, которым после такого зрелища вряд ли бы захотелось читать перед сном «Трех поросят».

Лазард схватил за руку старшего из обслуживающего персонала:

— Немедленно, вы должны остановить движение лодок.

Служащий — светловолосый долговязый парень лет двадцати — просто остолбенел.

Лазард, принадлежавший, очевидно, к той породе людей, кто не любит терять слова попусту, быстро направился к пульту управления, отключил подводную цепь, на которой держалась тяга, приводившая лодки в движение, поставил устройство на ручной тормоз и повернулся к ошеломленному парню.

— Двое мужчин, двое мужчин вместе, отправлялись в лодке?

Сбитый с толку парень мог только пробормотать:

— Я… я… не знаю точно, сэр. Было так много народу. Я не могу всех их припомнить…

Киппманн встал перед Лазардом и показал парню фотографии Кастиле и Де Круа:

— Не узнаете?

Глаза у парня расширились.

— Да, сэр. Теперь я вспомнил. — Тень пробежала по его лицу. — Но, сэр, они были не одни. С ними были еще двое.

— Четверо! — закричал Киппманн, на что обернулись почти тридцать человек. — Вы уверены?

— Да, сэр. — Парень решительно кивнул головой. — Я убежден. Лодка забрала всего восемь человек. Первые четыре места заняли мужчина и женщина с двумя детьми. А мужчины, изображенные на фотографиях, заняли свободные места вместе с двумя другими.

В этот момент подоспел Питт. Он тяжело и отрывисто дышал, его руки вцепились в поручни, как будто он изо всех сил старался преодолеть боль и полное изнеможение.

— Не был ли один из них здоровым парнем с бритой головой и волосатыми руками? А другой — с огромными усами на красном лице и плечами, как у обезьяны?

Парень совершенно онемел, глядя на маскировку Питта. Затем на его лице появилась полуулыбка.

— Вы изобразили их очень точно. Именно такая пара. Два типа бандитского вида.

Питт повернулся к Киппманну и Лазарду.

— Джентльмены, — сказал он чуть сдавленным голосом, — мне кажется, что мы упустили именно нашу лодку.

— Черт возьми! — раздраженно проворчал Киппманн. — Но не можем же мы просто стоять здесь.

— Не можем, — подтвердил Лазард. — Этого мы не можем себе позволить.

Он кивнул головой в сторону парня.

— Вызови номер 309. Скажи любому, кто ответит, что Лазард обнаружил местонахождение пропавшей группы в аттракционе «Пираты Карибского бассейна». Скажи, что ситуация крайне опасная, — их охотники находятся там же.

Он повернулся к Киппманну и Питту.

— Мы, все трое, будем незаметно подкрадываться к ним, оставаясь в тени, пока их не настигнем. Единственная надежда на то, что мы не придем слишком поздно.

— Сколько лодок ушло с тех пор, как они сели? — спросил Питт.

— Десять, а может, двенадцать. Они должны находиться на полпути. Возможно, где-то между сгоревшей деревней и орудийной батареей.

— Тогда вперед! — воскликнул Лазард. Он скрылся за дверью в конце площадки, на которой было написано: «Только для персонала».

Как только они попали в темноту, скрывавшую механизм работы пиратов, стали раздаваться голоса пассажиров, недовольных остановкой лодок по пути следования. Питт предполагал, что у Де Круа и Кастиле, так же как и у их убийц, могут возникнуть подозрения из-за остановки лодок, но это было не главное. Главное то, что план Келли и Рондхейма мог быть уже приведен в исполнение. Он подавил боль в груди, следуя за приземистой, едва заметной фигурой Киппманна, миновал пятерых пиратов, закапывающих сундук с драгоценностями. Фигуры казались

настолько живыми, что Питту было трудно поверить, что это всего лишь манекены, которыми управляет электроника. Он был так поглощен сценой, имитировавшей реальность, что врезался во внезапно остановившегося Киппманна.

— Полегче, полегче, — запротестовал Киппманн.

Лазард дал знак рукой, чтобы они остановились там, где стоят, пока он крался дальше вдоль узкого коридора, припав к металлической ограде галереи для рабочих. Галерея протянулась по краю канала, по которому двигались лодки. Затем он дал знак Питту и Киппманну следовать за ним.

— Для разнообразия нам все-таки повезло, — сказал он. — Посмотрите-ка.

Питт, чьи глаза еще не привыкли к темноте, посмотрел вниз. Там было то, чего просто не могло быть, — дикая фантастическая сцена, которую создавала банда пиратов, поджигавших и грабивших дома. Место напоминало не то Порт-Рояль, не то Панаму-Сити в миниатюре. Пламя вырывалось из окон и дверей домов, а хохочущие морские разбойники преследовали вполне правдоподобно кричавших от страха девиц, вновь и вновь появлявшихся на фоне освещенных сзади окон. Громкое пение перекликалось с разговорами, создавая ощущение, что вся эта жуткая сцена не более чем забавная шутка.

Канал, по которому проходили лодки, пролегал между домами, скрывая время от времени от глаз двух пиратов, упорно пытавшихся поймать мула, чтобы он перевез награбленное ими на левом берегу добро к их трем товарищам с корабля на правом берегу. Однако внимание Питта привлекло другое. На середине канала в лодке, почти под мостом, переброшенном над водой, находились Кастиле и Де Круа! Они, подобно двум школьникам, играющим в хоккей на еженедельном матче, увлеченно показывали друг другу на различные детали захватывавшей дух картины. Там же, прямо за спинами южноамериканских президентов, не проявляя внешне никакого интереса, как две статуи, зловеще сидели те двое, что держали его под руки, когда Рондхейм избивал его. И было это в Рейкьявике, всего два дня назад.

Питт взглянул на светящийся на руке оранжевый циферблат часов. «Еще час двадцать минут до расчетного времени. Келли. Слишком рано, даже очень. Тем не менее, двое убийц Рондхейма находятся сейчас там, сидят не более чем в трех футах от своих намеченных жертв. Многое в этой головоломке остается неясным».

Он не сомневался, что по времени Келли рассчитал все точно и что Рондхейм будет придерживаться этих расчетов. «А будет ли? Если

Рондхейм рассчитывает взять«Хермит лимитед» в свои руки, он может внести в план изменения».

— Здесь вы командуете, Дэн, — спокойно сказал Киппманн директору службы безопасности. — Как мы будем их брать?

— Никакого огнестрельного оружия, — сказал Лазард, — Не дай Бог, шальная пуля заденет кого-нибудь из детей.

— Может лучше подождать подкрепления? — произнес Киппманн.

— Нет. У нас нет времени, — ответил Лазард, — Мы и так надолго остановили лодки. У людей может появиться раздражение, в том числе и у тех двоих за спинами Де Круа и Кастиле.

— В таком случае следует рискнуть. Надо привести лодки в движение, а когда нужная нам окажется под мостом, мы их схватим.

— Годится, — согласился Лазард. — Мост послужит нам хорошим укрытием — мы сможем приблизиться к ним на расстояние пяти футов. Я выйду из двери, находящейся под вывеской винной лавки. А вы, Киппманн, скроетесь за мулом и повозкой.

— Еще руки нужны? — спросил Питт.

— Извините, майор, — Лазард с сомнением посмотрел на Питта. — Вряд ли вы сейчас в подходящей форме для рукопашной схватки.

Он умолк и похлопал Питта по плечу.

— Но вы можете сыграть жизненно важную роль.

— Как скажете.

— Появившись на мосту среди пиратов в костюме волка, вы могли бы на какое-то время отвлечь внимание тех двоих в лодке, чтобы дать Киппманну и мне несколько лишних секунд для страховки.

— Идея — на уровне «Трех поросят», — проворчал Питт.

После того как Лазард дал указание обслуживающему персоналу запустить лодки вновь, они с Киппманном проскочили в «горящую деревню», скрылись за рядом домов и заняли там позицию.

Питт, поднявшись на мост, споткнулся о набитое чучело пирата, который, по замыслу, «вырубился» после большого количества выпитого. Он нагнулся и вытащил у манекена тесак. К своему удивлению, он обнаружил, что это была стальная копия настоящего ножа. Даже на близком расстоянии можно было восхищаться механическими пиратами, выглядевшими абсолютно живыми. Стеклянные глаза на потемневших от солнца и непогоды лицах всегда

точно смотрели в том направлении, куда поворачивалась голова, а брови поднимались и опускались в унисон губам, которые напевали песенку «Двенадцать человек на сундук мертвеца».

Питт придвинулся к центру арочного моста и присоединился к группе из трех веселившихся разбойников, которые сидели, свесив ноги через искусственный «каменный» парапет и размахивая своими тесаками в такт залихватской песне. Питт в обличье волка и резвящиеся пираты представляли для людей, сидящих в лодках, довольно странное зрелище. Они размахивали руками и горланили знаменитую песенку флибустьеров. Двое детей, девочка лет десяти и мальчик лет семи вскоре начали махать ему рукой.

Кастиле и Де Круа, также хохоча, приветствовали его по-испански. Двое же убийц сидели с каменными лицами — представление их не волновало. Питт подумал, что выходит на тонкий лед, где не только ложное движение, но и мельчайший просчет в деталях повлечет за собой смерть мужчин, женщин и детей, так беспечно веселившихся над его шутовским видом.

Тут он заметил, что лодка пришла в движение.

Нос ее был как раз под его ногами, когда темные фигуры Киппманна и Лазарда показались из их укрытия, мелькнули среди манекенов и прыгнули в лодку. Шок был полный. Но Питт этого не заметил. Без суеты, без отработанных эффектных приемов, без единого предупредительного слова — с холодным спокойствием он вонзил лезвие ножа прямо во впадину в груди, чуть ниже подмышки, сидевшему ближе всех к нему пирату.

Тут случилось невероятное. Пират выронил свой тесак, губы его округлились, в глазах отразилось удивление и шок, которые мгновенно сменились полным сознанием конца. Глаза его закатились, и он повалился вперед, шлепнувшись прямо в канал.

Второй пират не успел среагировать так, чтобы вовремя парировать удар. Он начал что-то говорить, и в этот момент Питт со всей силой нанес ему удар ножом в основание шеи. Тот замычал, вскинул руку вверх, как будто хотел что-то уточнить, но не удержался на ногах из-за неровной поверхности моста и, упав на колени, перевалился через парапет. Из его полуоткрытого рта сочилась кровь.

Вдруг перед Питтом в огненном отблеске света что-то мелькнуло. Инстинктивный, чуть заметный наклон головы спас ему жизнь, так как нож третьего пирата раскроил круглую высокую шляпу, которая возвышалась над маской волка. «Слишком далеко...». Питт зашел слишком далеко, испытывая свое счастье. Он ликвидировал двух людей Рондхейма раньше, чем они успели понять, что произошло. Однако у

третьего было достаточно времени, чтобы отразить удар Питта и выбить его из равновесия.

Почти ничего не видя, Питт ответил на удар и, шатаясь, отступил назад под непрекращавшимися атаками противника. Вдруг он конвульсивно метнулся вбок, через парапет, и свалился в холодную воду канала. Погружаясь в воду, он услышал свистящий звук рассекающего воздух ножа в том самом месте, где он стоял секунду назад. Канал был мелким, и он сильно ударился плечом о дно. Боль распространилась по всему телу. Все остановилось, и время перестало существовать.

«О-хо-хо, двенадцать человек на сундук мертвеца». «Господи, — подумал Питт, — почему эти механические разбойники не пели чего-нибудь другого?» Подобно специалисту-диагносту, он внимательно исследовал свое разбитое тело в обжигавшей его воде. Ему казалось, что внутри, в груди, горели ребра, и огонь распространялся на спину и плечи. Выбравшись с трудом на землю, Питт нетвердо поднялся на ноги, качнулся и смог удержаться, только воспользовавшись тесаком в качестве упора. Это его озадачило. Внезапно он понял, что в правой руке держит рукоять ножа.

Он опустился на одно колено, и изо всех сил стараясь восстановить дыхание и сердцебиение, пытался оценить обстановку. Его глаза отчаянно старались проникнуть в темноту, окружавшую центральную, светящуюся, часть канала. Мост был пуст. Третий пират сбежал. Лодка вот-вот должна была исчезнуть за поворотом, который вел в соседнюю галерею. Он повернулся назад как раз в тот момент, когда следующая лодка с экскурсантами входила в канал.

Все это механически пронеслось в его сознании. Единственное, на чем он был сосредоточен — убийца был где-то рядом, замаскированный под пирата. Его охватило чувство беспомощности. Манекены казались похожими друг на друга, а все, что случилось на мосту, произошло так молниеносно, что он не успел запомнить ни одной детали из костюма его врага.

Он лихорадочно пытался спланировать свои дальнейшие действия. Преимуществ у него не осталось — живой пират знал, как он выглядит, в то время как сам Питт затруднился бы отличить реальность от подделки и не мог начать первым. «И все-таки надо действовать», — думал он.

Секундой позже он, спотыкаясь и часто останавливаясь, бежал по краю канала, стараясь восстанавливать дыхание после каждого шага, поскольку боль простреливала все части тела. Он прорвался через черный занавес и попал в следующую полосу декораций. Это было огромное сводчатое помещение, тускло освещенное для ночных сцен.

Встроенная в дальнюю стену копия пиратского катера уменьшенных размеров с полной командой пиратов-манекенов и развевающимся на ветру Веселым Роджером, действующим с помощью скрытого электрического винта, палила через головы экскурсантов в небольшой форт, находившийся на противоположной стороне скалы, изобиловавшей пещерами.

Было слишком темно, чтобы разглядеть что-либо детально в экскурсионной лодке. Питт не различал никакого движения, но был уверен, что Киппманн и Лазард вполне владеют ситуацией — то есть настолько, насколько это было в пределах их возможностей. По мере того как его глаза начали привыкать к темноте, он увидел, что люди в лодке свалились в одну кучу, что соответствовало замыслу. Только он взобрался на палубу катера, как услышал странный, почти бесшумный звук, похожий на тяжелый удар. Это был револьвер с глушителем.

Внезапно он увидел, что стоит позади фигуры в пиратском костюме, которая что-то держит в руке и направляет это в сторону лодки. Питт пригляделся к пирату, а затем поднял свой тесак и плашмя ударил им его по руке.

Револьвер через металлическое ограждение упал в воду. Пират обернулся: светлые волосы выбились из-под красного платка, обвязывавшего голову, холодные серо-голубые глаза гневно сверкали, вокруг рта залегла глубокая складка — его планы были сорваны. Он увидел комичную фигуру того, кто так бесстрастно убил двух его товарищей. Голос его был металлическим.

— Кажется, я ваш пленник?

Но Питт не поддался на уловку. Он знал, что слова — лишь простая увертка, ловушка для прикрытия молниеносных движений, которые непременно последуют. Этот голос принадлежал страшному человеку, и он играл по высоким ставкам. Но Питт вдруг стал обладать чем-то большим, чем оружие, — он почувствовал прилив сил, которые волной распространились по всему телу. Он улыбнулся.

— А-а! Так это вы, Оскар!

Питт сделал многозначительную паузу, наблюдая за Рондхеймом, как кот за мышью. Исполнительный директор «Хермит Лимитед» был буквально на кончике ножа. Питт сбросил резиновую волчью голову. Лицо Рондхейма оставалось неподвижным и жестоким, но глаза выдавали полное недоумение. Питт внутренне готовился к моменту, который он представлял много раз, но так и не знал: как же все это произойдет на самом деле? Медленно, одной рукой он снял повязку, марля небольшой кучкой свалилась на пол. Закончив, он посмотрел Рондхейму прямо в глаза и сделал шаг назад. Губы Рондхейма

вопросительно застыли, а вся его фигура выражала полное непонимание.

— Вы не можете вспомнить лицо, Оскар? — произнес спокойно Питт. — Это неудивительно. Ведь вы совсем немного оставили от того, что можно узнать.

Рондхейм смотрел в заплывшие глаза, на разорванные и раздувшиеся губы, на швы, наложенные на надбровья и челюсти. Затем он открыл рот и шепотом выдохнул:

— Питт!

Питт кивнул.

— Но это же невозможно! — выпалил Рондхейм.

Питт засмеялся.

— Извините, что поломал ваши планы, но это еще раз доказывает, что не всегда можно полагаться на компьютеры.

Рондхейм долго изучающе смотрел на Питта.

— А остальные?

— За исключением одного, все они живы и ремонтируют переломанные кости, — Питт увидел через плечо Рондхейма, что экскурсионная лодка благополучно входила в следующую галерею.

— Итак, майор, ситуация повторяется — опять вы и я. В условиях более благоприятных, чем те, которые были в гимнастическом зале. Но не уноситесь слишком высоко в своих надеждах, — какое-то подобие улыбки скривило его губы. — Добрые феи — не для настоящих мужчин.

— Именно, — отозвался Питт. Он бросил тесак в воду через голову Рондхейма и отошел назад. Затем осмотрел свои руки. Им придется поработать. Он сделал несколько медленных глубоких вздохов, провел руками по мокрым волосам, помассировал ими шершавые бока своего костюма и последним движением размял пальцы. Теперь он был готов.

— Вы заблуждаетесь, Оскар, что ситуация повторяется. То, что произошло в гимнастическом зале, нельзя назвать равным соперничеством. Планы и инициатива были полностью в ваших руках. А каков вы один, Оскар, без ваших платных мордоворотов, готовых разорвать на куски свою жертву? У вас есть еще время избежать этого. Ваш шанс на свободу — пройти мимо меня. И в этом вся загвоздка.

Рондхейм оскалился.

— Мне не нужен никто, Питт, чтобы уничтожить вас. Единственное, о чем я сожалею, что у меня нет времени, чтобы растянуть вам ощущение невыносимой боли.

— Отлично, Оскар. Слишком много психологического давления, — спокойно сказал Питт. По правде сказать, он все еще был очень слаб и чертовски устал, но что-то большее, чем внутренняя мобилизация сил, заставляло его забыть о боли. Невидимое присутствие Лилли, Тиди, Сэма Келли, Ханневелла и других, кто стоял за ним, придавало ему силы, которых он никогда не нашел бы в себе в одиночку.

Какая-то неуловимая улыбка мелькнула на лице Рондхейма, когда он встал в начальную стойку каратэ. Но она тут же исчезла. Питт обрушил на Рондхейма точно рассчитанный удар справа, от которого голова «пирата» дернулась и завалилась в сторону. Он пошатнулся и прижался к основной мачте корабля.

В глубине души Питт понимал, что у него мало шансов одолеть Рондхейма в длительной схватке, что он не сможет вывести из строя своего противника более чем на несколько минут. Он сделал ставку на неожиданность, что давало ему преимущество, прежде чем удар каратэ вновь превратит его лицо в кровавое месиво. Но это преимущество было небольшим.

Рондхейм был невероятно крепким. Он быстро пришел в себя от сильного удара, прыгнул в сторону от мачты и замахнулся ногой по голове Питта, но просчитался, и Питт успел увернуться. Он достал Рондхейма серией быстрых ударов слева и тяжелых коротких справа, которые повалили его на колени. Рукой он держался за разбитый кровоточащий нос.

— Вы быстро поправились, — пробормотал Рондхейм, вытирая кровь.

— Я же сказал, что вы заблуждаетесь. — Питт отпрянул назад и занял полубоксерскую, полукаратистскую стойку, ожидая, что дальше предпримет Рондхейм. — На самом деле я так же подозрителен, как Карзо Бутера.

Когда прозвучало его настоящее имя, Рондхейм, возможно, почувствовал, что костлявые пальцы смерти протянулись, чтобы охватить его, но он контролировал свой голос и лицо, которое оставалось ничего не выражавшей маской.

— Похоже, я недооценил вас, майор.

— Вас легко было сбить с толку, Оскар. Или мне лучше называть вас тем именем, под которым вы значитесь в метрической записи о вашем рождении? Не имеет значения — ваша игра проиграна.

Изрыгая окровавленным ртом проклятия, с ненавистью на лице, Рондхейм бросился на Питта, но не сделал и двух шагов, как Питт, оторвав от палубы верхнюю доску, саданул ею Рондхейма по зубам. Питт вложил в этот удар все свои силы. Его плечи и тело были так напряжены, что ребра скрипели в агонии. Он знал, что второго раза не будет.

Среди общего шума раздался глухой скрипучий звук — что-то глухо треснуло. Зубы Рондхейма были выбиты из десен — они вывалились на порванные губы. В течение двух или трех секунд, когда Питт схватил его рукой. Рондхейм еще держался прямо, застыв, будто в рамке кинопроектора, а затем, как в замедленной съемке, рухнул на палубу, подобно поваленному дереву, и остался лежать неподвижно.

Питт стоял, стиснув зубы, с трудом переводя дыхание. Его правая рука безжизненно повисла вдоль туловища. Он посмотрел вверх на маленькие огоньки почти правдоподобных орудий форта и заметил, что через павильон проплывает следующая экскурсионная лодка. Он попытался вглядеться в нее, но пот застилал ему глаза.

Оставалось что-то еще, что он должен был сделать. Эта мысль вызвала отвращение, но Питт переборол его, подумав, что другого пути нет.

Он встал над раскинутыми руками находившегося без сознания Рондхейма и пригнул их вниз, оперев одну его руку о палубу и нижнюю часть металлического ограждения. Поднял свою ногу и ударил ею по этой руке, внутренне содрогаясь, когда кость треснула чуть ниже локтя. Рондхейм шевельнулся и застонал.

— Это за Джерома Лилли, — произнес Питт жестко.

Он повторил эту процедуру с другой рукой Рондхейма, отметив с чувством мрачного удовлетворения, что глаза его жертвы широко открылись, в них отразилось состояние физического шока.

— Это за Тиди Ройял.

Питт двигался автоматически, переворачивая тело Рондхейма. Он повернул его ногами в противоположную сторону, уперев их так же, как сделал с руками, в палубу и ограждение. Мыслящая часть его мозга выключилась. Все ушло из-под черепной коробки — остался только контроль за действиями рук и ног, осуществлявших эту работу. Внутри контуженной, порезанной, а местами и просто расчлененной оболочки спокойно и размеренно действовала машина. Смертельная усталость и боль были загнаны куда-то далеко в подсознание, забыты на время. Он прыгнул на левую ногу Рондхейма.

— Это за Сэма Келли.

Рондхейм пронзительно вскрикнул. Крик застрял у него в горле. Затуманенные серо-голубые глаза смотрели вверх, впившись в Питта.

— Убей меня, — прошептал он. — Почему ты не убьешь меня?

— Если бы вы жили даже тысячу лет, — мрачно проговорил Питт. — вы никогда не расплатились бы за ту боль и унижения, которые причинили. Я хочу, чтобы вы знали, что значит испытывать агонию, когда ломают тебе кости, чувствовать полную беспомощность, лежа вот так и только наблюдая, как это вытворяют. Я сломаю вам хребет, как это сделали с Лилли. Я хочу видеть, как вы сгниете в инвалидном кресле. Но это — из области желаний. Оскар. Суд над вами может продлиться несколько недель или несколько месяцев, но нет такого суда в мире, который не вынес бы вам смертного приговора... Нет. Я сделал бы вам большое одолжение, если бы убил вас, но этого никогда не будет. А это — за Уилли Ханневелла.

Никакой усмешки уже не было на лице Питта. Он прыгнул в четвертый и последний раз, и невыносимый крик ужаса и боли прокатился по палубе корабля, отозвавшись эхом по всему павильону, а затем медленно затих и совсем замер.

С чувством полной опустошенности и отчаяния Питт сел на плетеное покрытие и посмотрел вниз на искалеченную фигуру Рондхейма. Это было жуткое зрелище. Ненависть и ярость, заполнившие Питта, нашли свой выход. Он чувствовал себя совершенно выжатым и ждал, когда его сердце и легкие вернутся в нормальное состояние.

Так он и сидел, когда Киппманн и Лазард деловито пересекли палубу в сопровождении небольшой группы службы безопасности. Они не произнесли ни слова. Им нечего было сказать, по крайней мере, в течение шестидесяти секунд, пока им не стало ясно, что сделал Питт.

Наконец Киппманн нарушил молчание.

— Вы были несколько грубоваты с ним, не так ли?

— Это Рондхейм, — без всякого выражения произнес Питт.

— Рондхейм? Вы уверены?

— Я редко забываю лица, — сказал Питт. — А особенно лицо подонка, выбившего из меня к чертям все.

Лазард повернулся и посмотрел на него с восхищением.

— И я еще говорил о том, что вы не в форме для рукопашного боя!

— Извините, я не смог достать Рондхейма прежде, чем он начал стрелять из своего пистолета с глушителем. Он попал в кого-нибудь?

— Кастиле несколько поцарапало руку, — ответил Лазард. — Когда мы, стараясь не применять оружия, убрали с заднего сиденья этих двух обезьян, я увидел, как вы на мосту старательно изображаете Эррола Флинна. Но я понимал, что до развязки еще далеко, а потому заставил лечь наших героев на дно лодки.

— С нашими латиноамериканскими гостями было непросто, — продолжил мысль Киппманн. — Они решили, что я сумасшедший, и попросили меня немедленно убраться.

— А что с Келли и «Хермит лимитед»?

— Мы арестуем мистера Келли вместе с его интернациональной командой миллионеров, но шансы на вынесение обвинительного приговора лицам такого уровня практически равны нулю. Скорее всего, их правительства постараются ударить по самому уязвимому их месту — кошелькам. А штраф, который их заставят заплатить, пойдет скорее всего, на строительство новых авианосцев для военно-морского флота.

— Это ничтожная плата за те страдания, которые они причинили, — устало заметил Питт.

— Много или мало — цена будет такова, — пробормотал Киппманн.

— Да... да... Это так. Слава Богу, что их удалось остановить.

Киппманн кивнул Питту.

— Мы должны поблагодарить вас, майор Питт, за то, что вы разрушили намерения «Хермит лимитед».

Лазард неожиданно улыбнулся.

— А я хотел бы первым выразить вам свою благодарность: вы сражались на мосту как Гораций. Мы с Киппманном не стояли бы сейчас здесь, если бы вы их не уничтожили. — Он положил руку на плечо Питта. — Расскажите все.

— Что?

— Как вы догадались, что эти пираты на мосту — живые люди?

— Мы как раз сидели на мосту, глаза в глаза... и я могу поклясться, что один из них мне подмигнул...

ЭПИЛОГ

Стоял приятный южнокалифорнийский вечер. Все тяжелые, удушливые запахи дня улетучились, и прохладный бриз с запада разносил по аллеям отеля «Диснейленд» сильные чистые ароматы Тихого океана, исцеляя травмы Питта и настраивая его мозг на дальнейшие действия.

Он молча стоял, ожидая стеклянного лифта, из которого посетители могли любоваться несравненной природой парка.

Лифт загудел и остановился, дверь моментально открылась. Увидев вошедших вслед за ним в лифт державшихся за руки и весело смеявшихся мужчину и женщину, он наклонил голову, чтобы скрыть свое лицо, и сделал жест, будто бы у него зачесался глаз. Но они совершенно не обратили внимания ни на костюм, нескладно сидевший на нем, ни на его забинтованную руку, висевшую на черной повязке.

Питт нажал кнопку шестого этажа. Лифт стремительно рванул вверх, он повернулся и сквозь застекленную стену кабины стал разглядывать синюю полоску неба над Оранж Каунти. Внизу расстилался сверкающий ковер огней, уходивших к темному горизонту. Они мелькали в кристальном воздухе, напоминая шкатулку с драгоценностями.

Верилось с трудом, что прошло всего два часа с тех пор, как врач Центрального парка забинтовал ему руку, а он принял душ, побрился и впервые после Рейкьявика наелся досыта. Врач категорически настаивал на госпитализации, но Питт не желал об этом и слышать.

— Это непростительная глупость, — сурово изрек доктор. — Вы, черт возьми, близки к тому, что просто умрете на ногах. Вы должны были отдать концы и развалиться на части уже несколько часов назад и, если вы не уложите свой обрубок на койку госпиталя, то это произойдет в ближайшее время.

— Благодарю, — отозвался Питт. — Я признателен вам за профессиональную заботу, но остался еще один акт пьесы. Два часа, не более, — и я вверяю то, что от меня останется, в руки медицины.

Лифт замедлил ход и остановился. Дверь открылась. Питт ступил на мягкий красный ковер фойе шестого этажа, но тут же резко остановился. Лифт ожидали трое, двое из которых — Питт узнал их — были агентами Киппманна. Третий, стоявший в середине с опущенной головой, был Ф. Джеймс Келли.

Питт не сдвинулся с места, преграждая им дорогу. Келли медленно поднял голову и посмотрел на Питта без всякого интереса, очевидно, не узнавая его. Наконец Питт прервал паузу.

— Мне немного жаль, Келли, что ваш грандиозный план провалился. Теоретически он был блестящим — но практически невыполнимым.

Глаза Келли медленно расширились, краска отхлынула от лица.

— Боже!.. Майор Питт, Вы?.. Нет... Вы...

— Как предполагалось — умер? — закончил фразу Питт, как будто теперь это не могло иметь значения ни для кого, кроме него самого.

— Оскар поклялся, что он убил вас.

— Мне удалось раньше покинуть бал, — холодно заметил Питт.

Резким движением Келли откинул голову назад.

— Теперь мне понятно, почему мой замысел провалился. Похоже, майор, судьба определила вам роль моего возмездия.

— Нет, Келли. Просто я всегда оказывался там и тогда, где не должен был находиться.

Келли слабо усмехнулся и кивнул ожидавшим его агентам. Все трое вошли в лифт.

Питт проводил их взглядом, а затем медленно произнес:

— Сэм просил передать вам...

Келли потребовалось несколько секунд, чтобы опомниться.

— А... Сэм...

— Он медленно умирал в тундре, — продолжил Питт. — Перед самым концом он сказал, что простил вас.

— О, Боже... Боже... — простонал Келли, закрывая лицо рукой.

...И много лет спустя перед мысленным взором Питта не раз вставала эта картина — лицо Келли перед тем, как захлопнулась дверь лифта. Резко обозначенные морщины, потускневшие безжизненные глаза, посеревшая кожа. Это было лицо человека, выглядевшего совершенно раздавленным...

Питт толкнул дверь номера 605. Она была заперта. Он прошел дальше по холлу и повернул дверную ручку номера 607. Дверь открылась. Он перешагнул через порог и тихо прикрыл за собой дверь. Аромат дорогих сигарет докатился до него раньше, чем он миновал переднюю. Этот аромат и свидетельствовал о том, что он попал в комнату Рондхейма.

Лунный свет проникал сквозь драпировки, отбрасывая бесформенные тени. Питт осмотрел спальню, отметив про себя, что к одежде и вещам Рондхейма никто не прикасался. Киппманн сдержал слово. Его люди действовали очень аккуратно, стараясь не вызвать никакой тревоги у Керсти Фири, чтобы ничто не могло стать для нее малейшим предупреждением о судьбе Рондхейма или кончине «Хермит лимитед». Он двинулся на луч желтого света, пробивавшегося через полуоткрытую дверь из смежной комнаты, вошел, ступая мягко и бесшумно, подобно

ночному животному, готовящемуся к прыжку. Едва ли можно было назвать комнатой апартаменты, обитые бархатом и производившие впечатление чего-то необыкновенного. Огромный холл и гостиная с баром, заставленным напитками, ванная комната со стеклянной раздвижной дверью, выходившей на небольшой балкон.

В комнатах никого не было. Звук лившейся воды подсказал ему, что Керсти была в душе. Питт подошел к бару, небрежным движением плеснул себе немного шотландского виски и уселся на длинный, очень мягкий диван. Через двадцать минут, когда были выпиты еще две порции виски, Керсти вышла из ванной комнаты. На ней было зеленое шелковое кимоно, подхваченное в талии тонким поясом. Ее золотистые волосы отливали солнечным блеском, образуя ореол вокруг ее головы. Она выглядела необыкновенно свежей и привлекательной.

Через спальню она вошла в гостиную и начала смешивать для себя какой-то коктейль. В этот момент она заметила в зеркале отражение Питта, сидевшего позади бара. Она побледнела и застыла, будто ее внезапно разбил паралич. На лице появилось неуверенное выражение.

— Полагаю, — спокойно сказал Питт. — что самое подходящее, что может сказать джентльмен выходящей из душа прекрасной даме: «Смотрите! Из волн выходит Венера!»

Она обернулась, и неуверенность на ее лице сменилась любопытством:

— Мы знакомы?

— Мы встречались.

Она ухватилась за край бара и молча пристально посмотрела на него.

— Дирк! — тихо прошептала она. — Это — вы! Это действительно вы. Слава Богу, вы все-таки живы.

— Вы заинтересовались моей жизнью с некоторым опозданием.

Они смотрели друг на друга: зеленые и фиалковые глаза.

— Эльза Кох, Бонни Паркер и Лукреция Борджиа, — произнес он, — все они могли бы поучиться у вас тому, как убивать друзей и оказывать воздействие на врагов.

— Я должна была делать то, что делала, — нерешительно проговорила она. — Но, клянусь, я не убила ни одного человека. Я была втянута во все это Оскаром против моего желания. И никогда в самом страшном сне я бы не представила, что его совместные с Келли замыслы приведут к смерти стольких людей.

— И вы утверждаете, что никого не убили?

— Да.

— Лжете.

Она бросила на него непонимающий взгляд.

— О чем вы?

— Вы убили Кристиана Фири!

Теперь женщина посмотрела на Питта так, как будто он сошел с ума. Ее губы дрожали, а глаза — эти прекрасные фиалковые глаза — потемнели от страха.

— Вы так не думаете, — выдохнула она. — Кристиан умер на «Лаксе», он сгорел…

«Час пришел, — подумал Питт, — подвести все итоги предъявить окончательный счет». Он подался вперед.

— Кристиан Фири вовсе не умер в огне на корабле в Северной Атлантике — он умер под скальпелем хирурга на операционном столе в Веракрузе, в Мексике.

Питт замолчал. Он сделал пару глотков виски и закурил. Слова эти дались ему нелегко. Он наблюдал за ней, не говоря ни слова.

Рот Керсти непроизвольно раскрылся. До нее дошел смысл сказанных им слов. Тут же она закрыла его, лихорадочно подыскивая хоть какую-нибудь фразу, но не смогла ничего сказать. Слезы стояли у нее в глазах. Она опустила голову и закрыла лицо руками.

— Эти сведения — из надежного источника, — продолжил Питт. — Операция была сделана в госпитале «Сау де Соль», а хирурга звали доктор Хесус Ибарра.

— Значит, вы знаете все, — она беспомощно смотрела на него.

— Почти. Кое-что не увязывается.

— Зачем же вы мучаете меня? Почему не сказали сразу?

Питт помолчал.

— Сказать, что? Что вы и есть настоящий Кристиан Фири? Что никакая сестра никогда не существовала? Что Кристиан умер в тот самый момент, когда родились вы? — он отрицательно покачал головой. — А что это изменит? Будучи Кристианом, вы не желали принять тот пол, который давало вам ваше тело. Тогда вы сделали операцию и стали Керсти. Вы вошли в этот мир с измененным полом. Ваши гены

окрестили вас заново. Вас не удовлетворяло то, что было дано вам природой, и вы это изменили. А что здесь еще такого?

Она вышла из-за стойки бара и прислонилась к его лицевой стороне.

— Вам не узнать. Вам никогда не узнать, Дирк, что это такое — вести столь непростую жизнь, внешне играть роль сильного, мужественного, готового на рискованные предприятия мужчины, в то время как внутри тебя рвется на свободу женщина.

— Итак, вы освободились от стеснявшей вас оболочки, — обронил Питт. — Сбежали в Мексику, к хирургу, специализировавшемуся на операциях по изменению пола. Вы прошли курс гормональных инъекций и имплантацию силиконовой... хм... груди. Затем вы пропитались солнцем на пляже в Веракрузе, загорали пока не исчезли все швы. А потом, в подходящее время вы появились в Исландии, заявив, что вы и есть та самая потерянная сестра из Новой Гвинеи. Какой же поразительной самоуверенностью следует обладать, рассчитывая при этом выйти сухой из воды. Я встречал нескольких ловкачей за свою не слишком длинную жизнь, но, мой Бог, Керсти, или Кристиан, или как там еще, вы можете считать себя самым хитрым дьяволом... или скорее ведьмой, когда-либо проделывавшей подобные трюки. Вы провели всех. Вы заставили адмирала Сандекера поверить, что вы собираетесь преподнести результаты подводных зондирований нашему правительству. Вы одурачили тысячу человек, втянув их с кораблями и самолетами в охоту за дикими гусями, — в поиски корабля, который никогда не терялся. Вы обманом заставили вашего старого друга доктора Ханневелла идентифицировать обгоревшее тело как ваше собственное. Вы использовали персонал «Фири лимитед» — и они погибли, выполняя ваш приказ. Вы использовали Рондхейма. Вы использовали Келли. Вы даже пытались использовать меня, рассчитывая, что я смогу уничтожить Оскара. Но самое скверное состоит в том, что пузырь непременно должен был лопнуть. Объединяет всех мошенников то, что прежде всего они обманывают себя. И в этом вы безумно преуспели.

Керсти медленно обошла диван и подошла к небольшой дорожной сумке, лежавшей на краю стола. Она вытащила из нее небольшой кольт двадцать пятого калибра, направив его в грудь Питта.

— Ваши обвинения совсем не так точны и убедительны, как вам представляется, Дирк. Вы бродите вслепую.

Питт взглянул на пистолет и отвернулся с безразличным видом.

— Предположим, вы выстрелите в меня.

Она неуверенно взглянула на Питта, но пистолет был крепко зажат в руке.

— У меня и были намерения передать результаты подводного зондирования вашей стране. Мой первоначальный план состоял в том, чтобы, поместив моих ученых и инженеров на борт «Лакс», отправить их в Вашингтон на презентацию. Во время путешествия по Северной Атлантике Кристиан Фири должен был исчезнуть с борта корабля.

— А вы тем временем отправились в Мексику на операцию?

— Да, — спокойно ответила Керсти. — Но совершенно неожиданное и непредвиденное обстоятельство стало препятствием на пути к новой жизни, где я все так точно рассчитала. Доктор Хесус Ибарра был членом «Хермит лимитед».

— И он передал информацию Рондхейму?

Керсти кивнула.

— Да. С этого момента я стала рабыней Оскара. Он угрожал раскрыть мою тайну всему свету, если я не передам результаты исследований ему и Келли. У меня не было выбора. Раскрытие тайны привело бы к скандалу, который уничтожил бы «Фири лимитед» и подорвал экономику моей страны.

— А зачем вам нужен был маскарад с «Лакс»?

— Когда Оскар и Келли начали контролировать меня, они не собирались выпускать из рук результаты морского зондирования. Они и сочинили фальшивку об исчезновении «Лакс». Согласитесь, это был очень хитрый ход. Для всего мира результаты морского зондирования оказались потерянными на дне океана.

— Как, впрочем, и Кристиан Фири?

— Да. Это отвечало и моим целям.

— Но это не объясняет причины переоборудования «Лакс», — настаивал Питт. — Почему нельзя было просто перенести приборы для морского зондирования на другой корабль и установить их там?

Она улыбнулась.

— Эти приборы являются очень сложной частью оборудования судна. И только специальное судно подходит для морского зондирования. Снять все это с «Лакс» и установить на любом неприспособленном рыболовецком траулере — на это ушли бы месяцы. Пока же все были заняты поисками «Лакс», мы перегнали судно в небольшую бухту на восточном побережье Гренландии.

— А доктор Ханневелл, какую роль он играл во всем этом?

— Он работал со мной над анализом результатов зондирования.

— Это я знаю. Но почему с вами? Почему не с кем-нибудь из собственной страны?

Она посмотрела на него долгим изучающим взглядом.

— Я оплачивала все исследования и разработки, ничем его не связывая. А технологические корпорации в Соединенных Штатах хотели иметь его работы и результаты экспериментов в своем распоряжении. Доктор Ханневелл ненавидел все, в чем искали коммерческую выгоду.

— И все-таки он стал сотрудничать с «Хермит лимитед»?

— Когда «Лакс» отправили к побережью Гренландии для исследования прибрежного дна, зонд стал выдавать неправильные данные. Единственным, кто мог разобраться в ситуации, был доктор Ханневелл. Келли уговорил его перебраться туда из Калифорнии. Он умел убеждать, этот Ф. Джеймс Келли. Он продал доктора Ханневелла «Хермит лимитед», чтобы, по его словам, спасти мир. Против такого аргумента доктор не мог устоять. Он был из тех, о ком вы, американцы, говорите, что они «творят добро».

Боль отразилась на лице Керсти.

— Он пожалел о принятом решении — и потому умер.

— Это объясняет пожар на судне, — задумчиво произнес Питт. — Но вы недооценили доктора Ханневелла. Он не поверил увещеваниям Келли и разгадал его замыслы. Он видел, что команда Рондхейма обращалась с учеными на «Лакс» как с пленными. Может быть, ваши люди на судне и рассказали ему, чем была вызвана смерть доктора Матаджика и его помощников. Тогда Ханневелл решил, что он должен как-то остановить Келли и его сообщников. Он подвел к зонду проводку, на конце установил часовой механизм, который должен был сработать, когда Ханневелл будет уже в воздухе на обратном пути в Штаты. Но он допустил ошибку в чем-то, касающемся реактивных элементов селтиния. Погиб не только зонд, но и корабль со всей командой. Я был там, когда он снова попал на «Лакс». Он был совершенно ошеломлен, когда осознал, что он натворил.

— Это моя вина, — с дрожью в голосе сказала Керсти. — Мне не следовало даже упоминать имя доктора Ханневелла в присутствии Рондхейма и Келли.

— Келли догадался, что произошло, и приказал Рондхейму заставить Ханневелла замолчать.

— Он был моим самым старым другом, — простонала Керсти. — А я подписала ему смертный приговор.

— Он знал о вас?

— Нет. Оскар сказал ему, что я нахожусь в больнице, восстанавливаю силы после болезни.

— Он был для вас даже больше чем другом. Он ложно идентифицировал труп на «Лакс», чтобы Кристиан Фири, которого он знал, как порядочного человека, не был бы замешан в деяниях «Хермит лимитед», о которых он, похоже, собирался донести властям. К несчастью, зло торжествует над добром — Рондхейм добрался до него раньше. — Питт печально покачал головой и вздохнул. — Затем на сцену вступает Дирк Питт, но она оказывается пуста.

Керсти трясло.

— Вот поэтому я и настаивала на встрече с вами. Я хотела выразить вам свою признательность за попытку спасти его жизнь.

— Слишком поздно. Это уже ничего не меняло.

— Для меня меняло. Именно поэтому я и спасла вас, когда Оскар был готов разорвать вас на куски. — Ее голос дрожал. — Но я... я больше не смогу спасти вас. Я должна защитить себя, Дирк. Простите. Пожалуйста, не двигайтесь и не заставляйте меня стрелять. Вам придется дождаться прихода Оскара.

Питт вновь отрицательно покачал головой.

— Не придется. Не ждите, что Оскар бросится освобождать вас. В данную минуту ваш бывший хозяин-рабовладелец лежит без сознания на больничной койке, обмотанный с головы до ног бинтами. И окруженный, надо добавить, толпой сотрудников Агентства национальной безопасности. Возможно, они довезут его до виселицы в инвалидном кресле, но ни пешком, ни верхом он, конечно, не двинется.

— Что вы хотите сказать?

— Все уже кончено. Вы свободны. «Хермит лимитед» и ее дело больше не существуют.

Странно, но Керсти не сказала Питту, что он сошел с ума.

— Я хотела бы поверить вам, но как?

— Снимите трубку и позвоните Келли, Максу, фон Хаммелю или вашему другу Рондхейму. А лучше, обыщите все комнаты шестого этажа.

— И что, вы полагаете, я там найду?

— Ничего. Абсолютно ничего. Все они уже арестованы, — Питт допил свое виски и поставил стакан на стол.— Здесь остались только вы и я. Любезность службы безопасности. Вы — моя награда, маленький подарок, выданный, как вознаграждение за службу. Нравится вам это или нет, но ваша душа перешла теперь от Рондхейма ко мне.

Когда смысл слов Питта дошел до Керсти, ей показалось, что над ней закачался потолок. А она удивлялась, почему Келли не зашел к ней, как обещал, почему совсем не звонит телефон и никто, вот уже в течение двух часов, ни разу не постучал в дверь.

Она сумела взять себя в руки.

— А... что будет со мной? Меня не арестуют?

— Нет. АНБ известно об изменении вашего облика. Они сопоставили одни факты с другими и пришли к выводу, что Рондхейм действительно вас шантажировал. Они считали, что вас надо привлечь как соучастницу, но я отговорил их.

Пистолет мягко лег на край стола. Воцарилось неловкое молчание. Наконец Керсти взглянула на Питта и сказала:

— Какая цена? Всему всегда есть цена.

— Ну, она невысока, учитывая ваши прошлые ошибки... ошибки, от которых вам никогда не откупиться, даже если очень повезет. Но вы можете расквитаться и начать новую жизнь. Мне нужно только одно — гарантия того, что «Фири лимитед» будет тесно сотрудничать с НСГИ.

— И?..

— И все. Банк данных компьютеров Келли достаточно полный, чтобы создать новый зонд подводных исследований. Я говорю сейчас с вами от имени адмирала Сандекера — он хотел бы, чтобы вы возглавили проект.

— Это все? И ничего больше? — недоверчиво спросила Керсти.

— Я же сказал, цена невысока.

Она посмотрела на него в упор.

— Завтра, на следующей неделе, в будущем году — могу ли я быть уверена, что вы не захотите поднять цену?

Лицо Питта приняло холодное выражение.

— Не ставьте меня на одну доску с вашими бывшими друзьями. Массовые убийства и вымогательства никогда не привлекали меня. Ваш секрет я не выдам. Еще в большей безопасности он будет в АНБ — они

проследят, чтобы Рондхейм, Келли и Ибарра не приблизились к газетным репортерам ближе, чем на пятьдесят футов.

Керсти колебалась.

— Я сожалею, я очень сожалею. Что я еще могу сказать?

Питт промолчал в ответ.

Она отвернулась и стала смотреть из окна в парк. Башни Волшебного Замка были залиты светом, подобно именинному торту. Семьи с детьми уже разошлись. Их сменили молодые пары, которые, взявшись за руки, разбрелись по дорожкам, наслаждаясь романтической атмосферой парка.

— А вы куда теперь? — спросила она.

— После короткого отпуска я вернусь в штаб-квартиру НСГИ в Вашингтоне — пора начинать работу над новым проектом.

Она обернулась, глядя на него.

— А если бы я попросила вас вернуться со мной в Исландию и стать членом совета директоров моей компании?

— Я не гожусь для члена совета директоров.

— Тогда… Скажите, есть какой-нибудь другой способ выразить вам свою благодарность?

Она подошла к Питту и остановилась прямо перед ним. Понимающая усмешка пробежала по ее губам, фиалковые глаза стали мягкими, на лбу как будто выступила испарина.

— Все будет так, как вы хотите, — произнесла она медленно, подняла руки, и ее пальцы мягко коснулись его избитого лица. — Завтра я повидаюсь с адмиралом Сандекером и смогу подтвердить, что мы пришли к договоренности.

Она колебалась и отступила от Питта на шаг.

— Однако я должна получить кое-что взамен.

— И что же?

Керсти развязала пояс, сбросила на пол кимоно и встала в свободной классической позе обнаженной натуры. Освещенная светом лампы, она была подобна бронзовой статуе, созданной терпеливыми руками прекрасного скульптора. Полные мягкие губы были слегка приоткрыты, выражая желание и нетерпение. Мягкие фиалковые глаза настойчиво

приглашали. Ее черты лица и фигуру можно было назвать одним словом — великолепные. Прекрасно вылепленное чудо медицинской науки.

— Если это хоть какой-нибудь комплимент для вас, — сказала она глухим голосом, — я не верила, когда вы выдавали себя за «голубого».

— Нужно время, чтобы узнать человека.

Она побледнела.

— Я уже стала совсем другим человеком.

— Вы стали холодной, хитрой, все учитывающей дрянью.

— Нет!

— Кристиан Фири был мягким, честным, он любил людей. Перемена физическая повлекла за собой и духовную. Вы теперь только используете людей, а затем бросаете их на произвол судьбы, когда они не нужны. Вы холодны и пресыщены.

Она отрицательно покачала головой.

— Нет, нет! Верно, я изменилась, но я не холодная... не холодная. Дайте мне доказать это.

Они стояли в центре комнаты, молча глядя друг на друга. Она вдруг отчетливо увидела выражение лица Питта, и руки ее медленно опустились. Она смотрела на него с удивлением, ее экзотические глаза сверкали — странная застывшая настойчивость проглядывала в них. Но видели они только одно — его кровоподтеки, рваные раны, порезы, соединившиеся вместе в одну маску отвращения. Его глаза уже не замечали ее привлекательности. Они видели сгоревшую головешку, которая была когда-то человеком. Они видели доктора Ханневелла, умиравшего на безлюдном берегу. Питт вспомнил лицо командира гидроплана перед тем, как он исчез в огне. Он вспомнил Лилли, Тиди и Сэма Келли. Он знал, что Керсти Фири также несет ответственность и за страдания, и за смерти.

Она побледнела и отступила еще на шаг.

— Дирк, в чем дело?

— Бог простит тебя, — сказал он, повернулся и открыл дверь. Самыми трудными были первые шаги в сторону лифта. Потом стало легче. Когда он спустился на первый этаж, вышел на тротуар и остановил такси, прежняя уверенность и хладнокровие уже вернулись к нему.

Водитель открыл дверцу и опустил флажок.

— Куда, сэр?

Питт посидел минуту молча. Затем внезапно понял, куда ему следует ехать. У него не было выбора. Он был тем, кем был.

— Гостиница в Ньюпорте.

«И сочувствующая, и все понимающая рыжая… Я надеюсь».

1

По Фаренгейту.